

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 4 (36) 2021

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора:

Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд. юрид. наук, доктор права, магистр административных наук
Сизимова О.Б., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Щарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Бачурин А.Г., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Ботвин И.В., канд. юрид. наук, доцент
Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент
Кабанова Ю.С., канд. юрид. наук
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганова О.М., канд. юрид. наук
Шاپорев Д.А., канд. ист. наук, доцент
Шебалин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с АО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 23.11.2021.
Выход в свет 25.11.2021.
Заказ № 531. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 21,8. Тираж 80 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2021

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 4 (36) 2021

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Anisimov P.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Afanasiev V.S., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Arystanbekov M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor

Baranov A.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor

Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor

Filippov P.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor

Knjazkov A.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Koryakin I.P., Doctor of Juridical Sciences

Kuzmina I.D., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Maile A.D., Candidate of Juridical Sciences, Doctor
of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences

Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Sizemova O.B., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor

Shepel T.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences

Bachurin A.G., Candidate of Juridical Sciences

Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Botvin I.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Cherepanova O.S., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Davidov S.I., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Kabanova Ju.S., Candidate of Juridical Sciences

Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Semenyuk R.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shaganova O.M., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shapov D.A., Candidate of Historical Sciences, assistant-professor

Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shmidt A.A., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «ARZI»
Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 23.11.2021.
Issue date 25.11.2021.
Order 531. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 21,8.
Issue 80 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2021

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Блинова О.А., Стародубцева М.А.</i> Вопросы цифровизации в таможенной сфере	7
<i>Гунич С.В., Сытников Д.О.</i> Категория «субъект права» в сфере конституционно-правового регулирования	13
<i>Кожневиков О.А.</i> К вопросу о конституционности категории «орган публичной власти» в современной правоприменительной практике	18
<i>Овчинникова О.Д., Шаганян А.М.</i> Предпосылки появления и развития юридической фикции как уникальной правовой категории	22
<i>Рыбаков В.А.</i> Правосубъектность домашних животных (в порядке обсуждения)	29

Административное право и административный процесс

<i>Бачурин А.Г.</i> Взаимодействие полиции и Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по охране правопорядка на массовых и публичных мероприятиях	34
<i>Бучакова М.А., Гайдуков А.А.</i> Противодействие насилию в семье административно-правовыми средствами: опыт применения в Российской Федерации и Республике Беларусь	40
<i>Вечерникова Д.В., Пономарева О.М., Петрова Е.А.</i> Проблемные вопросы организации деятельности охранно-конвойной службы территориальных органов МВД России (на примере Ставропольского края)	46
<i>Карнаухов О.П., Медведев И.В.</i> О проблемах правового регулирования и практики осуществления полицией проверки документов, удостоверяющих личность граждан	51
<i>Филь М.Ю.</i> Ошибки правоприменения при назначении административных наказаний за совершение нескольких административных правонарушений	57
<i>Яковлева Е.В., Андреев Д.В.</i> Роль органов внутренних дел в охране лесов от незаконных рубок	64

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Абызов Р.М., Фризен П.Д.</i> Социально-экономические детерминанты преступности в Алтайском крае	69
<i>Бабурин В.В., Нечепуренко А.А.</i> Уголовно-правовое деяние: понятие и значение для характеристики предмета и метода российского уголовного права	77
<i>Дорожжинский А.А.</i> Причины неэффективного посткриминального контроля, осуществляемого уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России, и меры по их устранению	82
<i>Заварыкин И.Н.</i> Виктимологические аспекты профилактики насильственных преступлений против личности	87
<i>Огорелков Д.А.</i> Наказание в виде штрафа в уголовном законодательстве России, Украины и Беларуси: сравнительный анализ	92
<i>Шаганова О.М.</i> Особенности квалификации незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры	97

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Галахов С.С., Маликова Н.Б.</i> Принципы, обеспечивающие решение задач оперативно-разыскной деятельности (научно-прикладные проблемы)	102
<i>Горшкова В.С.</i> Экспертно-криминалистические учеты органов внутренних дел как элемент системы криминалистических учетов	108
<i>Давыдов Е.В., Задоров А.Г.</i> Возможности использования фотоустройств мобильных телефонов при отборе сравнительных образцов лица человека для производства судебно-портретной экспертизы	113
<i>Кураков Д.В.</i> Некоторые особенности раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет	119
<i>Лисицын А.Г.</i> К вопросу об исторических аспектах возникновения и совершенствования института обыска и выемки	125

<i>Смолин А.В.</i> Вертикаль уголовно-процессуального преобразования информации	130
<i>Старцева Е.А.</i> Логический аспект криминалистического обеспечения доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных арбитражными управляющими в ходе конкурсного производства	138
<i>Шкаплеров Ю.П.</i> Регламентация проведения допроса на предварительном следствии и дознании в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи	142

Гражданско-правовые отношения

<i>Белозерцева В.В.</i> Осуществление права авторства несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет ...	147
<i>Бурова А.Ю., Сизимова О.Б.</i> Цифровые маклеры в банковской деятельности: особенности правовой регламентации	151
<i>Довгань К.Е., Коваленко Н.Е., Грибанов Д.В.</i> Цифровая валюта: миф или реальность?	157
<i>Моисеев С.В.</i> Трансформация современного законодательства Китая в сфере предпринимательства (отдельные аспекты)	162
<i>Селиванов А.С.</i> Приказное производство в гражданском процессе: юридическая технология или правосудие	166
<i>Чудов В.Н.</i> «Выполнение служебных обязанностей» сотрудниками органов внутренних дел: проблемные вопросы содержательной характеристики	170

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Blinova O.A., Starodubtseva M.A.</i> Digitalization Issues in the Customs Sphere	7
<i>Gunich S.V., Sytnikov D.O.</i> Category «Subject of Law» in the Sphere of Constitutional Legal Regulation ...	13
<i>Kozhevnikov O.A.</i> Revisiting the Constitutionality of the Category «Public Authority» in the Current Law Enforcement Practice	18
<i>Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M.</i> Prerequisites for the Emergence and Development of Legal Fiction as a Unique Legal Category	22
<i>Rybakov V.A.</i> Legal Personality of Domestic Animals (in the Order of Discussion)	29

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Bachurin A.G.</i> Interaction of the Police and the Federal National Guard Troops Service of the Russian Federation for the Protection of Law at Mass and Public Events	34
<i>Buchakova M.A., Gaidukov A.A.</i> Countering Domestic Violence by Administrative Legal Means: Experience of Application in the Russian Federation and the Republic of Belarus	40
<i>Vechernikova D.V., Ponomareva O.M., Petrova E.A.</i> Problematic Issues of Organizing the Activities of the Security and Convoy Service of the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia (on the Example of the Stavropol Territory)	46
<i>Karnauchov O.P., Medvedev I.V.</i> About the Problems of Legal Regulation and the Practice of the Police Inspection of Documents Certifying the Personality of Citizens	51
<i>Fil M.Yu.</i> Errors in Law Enforcement when Assigning Administrative Penalties for Several Administrative Offenses	57
<i>Yakovleva E.V., Andreev D.V.</i> Role of Internal Affairs Bodies in Protecting Forests from Illegal Felling of Trees	64

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Abyzov R.M., Frizen P.D.</i> Socio-Economic Determinants of Crime in the Altai Territory	69
<i>Baburin V.V., Nechepurenko A.A.</i> Criminal Legal Act: the Concept and Meaning for the Characteristics of the Subject and Method of the Russian Criminal Law	77
<i>Dorozhinskiy A.A.</i> The Reasons for Ineffective Post-Criminal Control Carried out by the Penal Enforcement Inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia and Measures to Eliminate them	82
<i>Zavarykin I.N.</i> Victimological Aspects of Prevention Violent Crimes against the Person	87
<i>Ogorelkov D.A.</i> Penalty in the Form of a Fine in the Criminal Legislation of Russia, Ukraine and Belarus: Comparative Analysis	92
<i>Shaganova O.M.</i> Features of Qualification of Illegal Cultivation of Plants Containing Narcotic Drugs or Psychotropic Substances or their Precursors	97

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Galakhov S.S., Malikova N.B.</i> Principles for Problem Solving Operational and Investigative Activities (Scientific and Applied Problems)	102
<i>Gorshkova V.S.</i> Forensic Accounting of Internal Affairs Bodies as an Element of the Criminal Record System	108
<i>Davydov E.V., Zadorov A.G.</i> Possibilities of Using Cell Phone Photo Devices in Selection of Comparative Samples of a Human Face for Forensic Portrait Examination	113
<i>Kurakov D.V.</i> Some Features of Detection and Disclosure of Crimes Related to Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances on the Internet	119
<i>Lisitsyn A.G.</i> Revisiting the Historical Aspects of the Emergence and Improvement of the Institution of Search and Seizure	125
<i>Smolin A.V.</i> Vertical of Criminal-Procedural Transformation of Information	130
<i>Startseva E.A.</i> Logical Aspect of Forensic Support of Evidence in Criminal Cases on Crimes Committed by Arbitration Managers in the Course of Bankruptcy Proceedings	138

<i>Shkaplerov Yu.P.</i> Legal Regulation of Interrogation at the Pre-Trial Stages of the Criminal Procedure in the Statute of Criminal Proceedings of the Russian Empire.....	142
---	-----

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Belozertseva V.V.</i> Exercise of the Right of Authorship by Minors between 14 Years and 18 Years.....	147
<i>Burova A.Yu., Sizemova O.B.</i> Digital Maklers in Banking: Regulatory Aspects.....	151
<i>Dovgan K.E., Kovalenko N.E., Gribanov D.V.</i> Digital Currency: Myth or Reality?.....	157
<i>Moiseev S.V.</i> Transformation of Modern China Legislation in the Sphere of Entrepreneurship (Separate Aspects).....	162
<i>Selivanov A.S.</i> Writ Proceedings in Civil Proceedings: Legal Technology or Justice.....	166
<i>Chudov V.N.</i> «Performance of Official Duties» by Employees of Internal Affairs Bodies: Problematic Issues Content Characteristics	170

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 656.07:004

О.А. Блинова, канд. юрид. наук

Алтайский государственный университет

E-mail: boa334@yandex.ru;

М.А. Стародубцева

аспирант Алтайского государственного университета

E-mail: starodubzewa@gmail.com

ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

Статья посвящена исследованию основных направлений стратегического развития и функционирования таможенных органов в связи с применением цифровых технологий. Автором проведен анализ деятельности центров электронного декларирования и электронных таможен и показаны перспективы их дальнейшего развития, способствующие совершенствованию и реализации таможенных процедур. Отмечено, что внедрение информационных и цифровых технологий в таможенной сфере в целом способствует не только развитию Таможенной службы Российской Федерации, но и обеспечению ее безопасности.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, Центр электронного декларирования, электронная таможня, стратегия развития.

O.A. Blinova, Candidate of Juridical Sciences

Altai State University

E-mail: boa334@yandex.ru;

M.A. Starodubtseva

postgraduate student of Altai State University

E-mail: starodubzewa@gmail.com

DIGITALIZATION ISSUES IN THE CUSTOMS SPHERE

The article is devoted to the study of the main directions of strategic development and functioning of customs authorities in connection with the use of digital technologies. The author analyzes the activities of the centers for electronic declaration and electronic customs and shows the prospects for their further development, contributing to the improvement and implementation of customs procedures. It was noted that the introduction of information and digital technologies in the customs sphere contributes not only to the development of the Customs Service of the Russian Federation, but also to ensuring its security.

Key words: digitalization, information technology, Electronic Declaration Center, electronic customs, development strategy.

Современный этап развития нашего общества, особенно за последнее десятилетие, характеризуется существенными изменениями во всех сферах государственной и общественной жизни. Практически все сферы деятельности государственных структур связаны с внедрением цифровых технологий, которые оказывают определенное влияние на их повседневную деятельность, а также на профессиональную компетенцию сотрудников, осуществляющих данное направление. Цифровизация (диджитализация или цифрация) многих сфер человеческой жизни является основной приметой современного исторического периода – периода перехода к новому технологическому укладу, в котором, по выражению представителя Президента Российской Федерации по цифровому и технологическому развитию Д.Н. Пескова, наступило технологическое будущее [13, с. 102]. В связи с этим большинство принимаемых в нашей стране программ направлено на усиление активности по построению и развитию экономики будущего, нацелено на ее адаптацию и внутриотраслевое сотрудничество, взаимодействие и функционирование в условиях цифровой и технологичной реальности.

Особое место в осуществлении данных направлений, а особенно во внешнеторговой деятельности и обеспечении национальной экономической, информационной безопасности, отводится таможенным органам, обладающим соответствующими полномочиями.

Таможенные органы Российской Федерации в настоящее время проходят определенную стадию реформирования и преобразования в связи с активным применением информационных технологий в осуществлении указанных задач. Данные задачи способствовали выбору таможенными органами РФ стратегического курса на цифровизацию своей деятельности. Стратегия развития Федеральной таможенной службы России, принятая Правительством РФ, как раз и определила содержание этого курса, включающего создание к 2030 г. определенной системы таможенных органов на основе внедрения полномасштабной цифровизации и автоматизации, использования новых принципов организации деятельности и цифровой трансформации технологий таможенного оформления и контроля на всех стадиях совершения таможенных операций, которое обеспечит эффективное противодействие угрозам национальной безопасности. Следует отметить, что содержание данной Стратегии предполагает создание современной высокотехнологичной таможенной службы, обладающей искусственным интеллектом, информационно связанной с внутренними и внешними партнерами [7, 8, 11]. В таких условиях, естественно, основными принципами работы современной таможенной службы России являются, с одной стороны, доступность,

упрощение, скорость и удобство для участников таможенных правоотношений, с другой – эффективность и безопасность для государства.

В этой связи деятельность таможенных органов направлена на повышение эффективности таможенного управления за счет применения информационных технологий, ускорения и совершенствования таможенных процедур, внедрения электронного документооборота и наличия высококвалифицированных кадров. Исходя из содержания плана стратегического развития всей таможенной системы РФ, можно выделить несколько первичных и приоритетных направлений: создание электронных «умных» таможен на основе искусственного интеллекта, применение электронной подписи, формирование единой электронной информационной системы, так называемого электронного облака, использование системы блокчейн, подготовка квалифицированных кадров по обслуживанию данных ресурсов. Современная таможенная среда постоянно меняется под влиянием процессов глобализации и интеграции. Посредством создания такой единой современной «интеллектуальной» таможенной системы можно оперативно решать многие вопросы, возникающие в процессе реализации своих полномочий.

Процесс модернизации таможенных органов, конечно, требует основательной комплексной подготовки, основанной, во-первых, на создании новейшего нормативно-правового ресурса, во-вторых, создании современной материально-технической базы, ну, и в-третьих, это кадровое обеспечение в области ИТ-технологий. Если говорить о нормативно-правовой базе деятельности таможенных органов РФ, то на сегодняшний день ее основу составляют базовые акты: Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации», Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года и ранее указанная Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, Регламент Федеральной таможенной службы, Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» и ряд других источников. Что касается международных актов, то среди них следует выделить документы Всемирной таможенной организации и Всемирной торговой организации. Отдельные положения этих документов не только выступают в качестве международных стандартов, но и содержат определенные направления по развитию таможенных органов ряда зарубежных стран по вопросам международного сотрудничества в создании и реализации концепции цифровой таможни [12, с. 4].

Исходя из содержания основных положений стратегического развития таможенной системы РФ, установленный десятилетний период должен выступить

переломным в переходе от создания электронных таможен к «формированию качественно новой, насыщенной "искусственным интеллектом"» [11, с. 5]. Однако намеченный срок по реализации поставленных задач, как показывает международный опыт по созданию и деятельности подобных структур, является достаточно отдаленной перспективой. Создание института цифровой таможни как целостного и единого механизма, способствующего обеспечению высокого уровня деятельности современных таможен, отвечающих международным стандартам, является сложным и, по мнению заместителя начальника отдела перспективных таможенных технологий Департамента таможенного законодательства и правоприменительной практики Евразийской экономической комиссии С.В. Мозера, имеет много проблем [5, с. 4; 6, с. 6].

К основным направлениям принятой Стратегии были отнесены также положения, связанные с изменением и усовершенствованием единой электронной системы, затрагивающей непосредственно не только электронный документооборот, но и процедуры контроля и внедрения средств ее осуществления, прохождения электронной очереди, элементы считывания регистрационных номеров, обеспечения прозрачности совершения таможенных операций, создания благоприятной среды для деятельности участников ВЭД. Основной задачей информационных технологий является работа с информацией внутри системы для улучшения эффективности работы таможенных органов, создания благоприятных условий для участников ВЭД и при этом выявления нарушения таможенного законодательства.

Начальным этапом реализации инновационных технологий в области таможенного оформления стало создание центров электронного декларирования (далее – ЦЭД), а впоследствии и формирование электронных таможен [3]. А первая электронная декларация была подана через интернет еще в 2008 г., после чего со стороны Федеральной таможенной службы принято решение о распространении опыта Каширского таможенного поста на все таможенные посты, и уже к 2014 г. электронное декларирование стало обязательным для субъектов внешнеэкономической деятельности. Указания к началу этой новой для нашей страны деятельности были заложены в приказах ФТС России от 27.06.2018 № 1065 «О решении Коллегии ФТС России от 25.05.2017 "О Комплексной программе развития ФТС России на период до 2020 года"» и от 18.12.2017 № 2005 «О решении коллегии ФТС России от 30.11.2017 "О мерах по совершенствованию информационных систем и ресурсов таможенных органов Российской Федерации в целях обеспечения выполнения Комплексной программы развития ФТС России на период до 2020 года"». Цель создания подобных структур, естественно, была

связана с ускорением таможенных процедур, совершаемых в электронном виде (удаленный и автоматический выпуск товаров, предварительное информирование, затем создание личных кабинетов участников внешнеэкономической деятельности). Это был только предварительный период по осуществлению поставленных перед таможенными органами задач, способствующий последующему выполнению намеченных планов в области цифровизации, укреплению и развитию внешнеторговых отношений, увеличению товарооборота и, соответственно, финансовых поступлений. Сейчас в Российской Федерации уже успешно функционируют шестнадцать ЦЭДов, обрабатывающая основную часть поступающих в электронном виде документов, созданы 4 электронные таможни, 8 региональных, 7 специализированных (Центральная энергетическая таможня и Центральная акцизная таможня), одна электронная авиационная таможня.

Совсем недавно, 20 февраля 2020 г., начала работать Центральная электронная таможня, подчиненная Центральному таможенному управлению. Используемые в ЦЭДах технологии позволили осуществлять и контролировать практически все предварительные и основные операции по таможенному оформлению [10]. Подобные структуры осуществляют свою деятельность в Приволжском, Уральском и Северо-Кавказском таможенных управлениях, в Калининградской, Московской областных таможнях, во Владимирской и Новороссийской таможнях. Основные полномочия электронных таможен связаны с процедурами экспорта, импорта и свободной таможенной зоны. Остальные звенья таможенной системы будут осуществлять фактический контроль, направленный в основном на открытие или закрытие процедуры транзита, проверку документов, осмотр и досмотр товаров, транспортных средств и иные таможенные действия. Подобная ситуация сложилась и в Северо-Западном Балтийском регионе. Сегодня без использования информационных технологий почти нереально сделать таможенное оформление быстрым и прозрачным. Главным направлением развития информационных таможенных систем является введение новых технологий электронного декларирования, интегрированных с системами управления рисками.

По словам первого заместителя руководителя Федеральной таможенной службы Р. Давыдова, в автоматическом режиме будут регистрироваться около 99% всех деклараций и до 64% будут выпускаться в автоматическом режиме. Значительно снижено время оформления таможенной документации и выпуска товаров – от 1 часа до 4 часов [1]. ФТС России ведет постоянный мониторинг практики электронного декларирования. Информация регулярно публикуется на сайте ФТС России в соответствии с Концепцией открытости федеральных органов ис-

полнительной власти [9]. Электронная форма декларирования представляет собой процесс автоматической обработки заявляемых в декларации сведений в центральной базе данных на уровне соответствующих таможенных органов с осуществлением автоматического анализа рисков и выдачей соответствующих решений заинтересованным лицам. Данный способ декларирования хорошо сочетается с такой таможенной технологией, как предварительная подача декларации. Электронная декларация может быть передана по каналам связи из любого региона страны. Таким примером может служить деятельность Санкт-Петербургского ЦЭД. Так, в 2018 г. на его сайте было зарегистрировано 39% электронных деклараций от общего массива, поступившего в Санкт-Петербургскую таможню, а в 2019 г. – 69%. Таким образом, в 2019 г. темп прироста составил 43%, что говорит о высокой эффективности работы ЦЭД [4]. Еще один яркий пример деятельности ЦЭД. Так, за 9 месяцев 2020 г. Новороссийским ЦЭД было зарегистрировано 17 261 декларация на вывозимые товары, 61 260 – на ввозимые товары, оформлено 77 тыс. деклараций, взыскано более 58 млрд рублей таможенных платежей. Доля автоматически зарегистрированных деклараций на ввозимые товары за этот период составляет более 79%, по вывозимым товарам – 89%. Автоматический выпуск товаров по импорту осуществлен в отношении 4 973 экспортных деклараций и 3 462 импортных деклараций. Срок автоматического выпуска в среднем составил 5 минут [2, с. 1]. Приведенные примеры деятельности только названных ЦЭДов свидетельствуют о значительном увеличении освоения и внедрения информационных технологий в таможенную сферу не только сотрудниками таможенных органов, но и участниками внешнеэкономической деятельности (ежемесячный процент подачи участниками ВЭД электронных пассажирских и транзитных деклараций в 2019 г. вырос в 12,4 раза).

Система электронного декларирования, основанная на принципе обмена информацией между декларантами и сотрудниками таможенных органов, позволяет в первую очередь ускорить таможенное оформление товаров и транспортных средств и иных предметов, перемещаемых через таможенную границу, а также способствует совершенствованию организации деятельности непосредственно самих таможенных служащих, увеличению потока грузов и ускорению поступлений таможенных платежей в государственный бюджет. В данном случае следует назвать и еще один положительный аспект электронного декларирования – это минимизация субъективных подходов в процессе таможенного оформления и контроля.

Нельзя не отметить и еще один момент в этой цепочке мероприятий. Важное значение в цифровизации таможенных процедур имеет вопрос применения

электронной цифровой подписи, способствующий значительному ускорению и упрощению процедуры таможенной проверки, и как следствие, увеличивается товароборот и ускоряется выпуск товаров. Таким образом, все организационные мероприятия, запланированные в Стратегии и направленные на развитие таможенного дела, реализуются в соответствии с намеченными планами.

Следует упомянуть о взаимосвязи цифровых технологий с применением системы управления рисками (далее – СУР). В рамках новой стратегии будут выполняться задачи по повсеместному применению искусственного интеллекта в деятельности электронной таможни, по автоматической оценке уровня риска каждой товарной партии в режиме реального времени, по электронному межведомственному взаимодействию на всём пространстве ЕАЭС, по сверке электронных разрешительных документов. Иными словами, речь идет о создании так называемых интеллектуальных пунктов пропуска.

Внедрение информационных цифровых технологий, которые применяются для эффективного управления таможенными процессами, напрямую связано с вопросом создания Единой автоматизированной информационной системы. В Российской Федерации на базе ФТС в этом направлении уже создан пилотный проект и осуществляется взаимодействие по информационному обмену с различными государственными органами, непосредственно связанными с оказанием государственных услуг в таможенной сфере (например, межведомственное взаимодействие с налоговой, пограничной службами, ФСБ, МВД, Роспотребнадзором, с министерствами здравоохранения, культуры и другими структурами основано на широком использовании электронного документооборота).

Конечно, следует отметить, что при создании и реализации такой объединенной базы возникает много проблем, не позволяющих запустить ее в полном объеме. В данном случае можно говорить об отдельно существующих каналах информационных потоков, носящих узкий профиль и расположенных, как правило, в пунктах пропуска. Характер сведений, передаваемых в Единый автоматизированный центральный орган ФТС, чаще всего затрагивает показатели об импорте, экспорте, транзите и т.п. Правда, что касается других данных, влияющих на общую картину деятельности таможенной системы РФ на базе внедрения инновационных технологий, то здесь имеется много проблем. К ним можно отнести вопросы, связанные с отбором и проверкой информации и доведением ее до нужных получателей, недостаточность современного технического оборудования и программных средств, отвечающих высоким требованиям, а также наличие специалистов в области IT-технологий (их подготовка и переподготовка

с учетом специфики деятельности таможенных органов), также немаловажную роль играет финансовая составляющая и многие другие.

Проблемы применения таких технологий и создания единой базы данных характерны и для стран – участников Евразийского экономического союза, что затрудняет операции по обмену нужной информацией, например по лицам, занимающимся внешнеэкономической деятельностью, по запретам и ограничениям о распределении поступающих пошлин и др. Надо отметить, что ФТС РФ создан «Личный кабинет» участников ВЭД. Тем более что практика деятельности Таможенного союза европейских стран уже имеет такой опыт. Государства – члены ЕС широко используют единую систему для обработки экспорта, импорта и транзита товаров в соответствии с существующими едиными правилами и требованиями. В этой области таможенные органы стран, входящих в ЕС, выступают как единый механизм по управлению многими процессами внешнеэкономической деятельности. Думается, что обеспечение информационного взаимодействия в электронном виде между государствами – членами ЕАЭС является первоочередной задачей, которая непосредственно

предусмотрена в стратегических планах развития таможенных органов РФ до 2030 г. и гл. 48 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

Можно выделить достаточно много направлений, связанных с применением цифровых технологий в таможенной сфере, например касающихся процедуры осуществления таможенного контроля, обеспечения безопасности грузовых перевозок, совершенствования логистических структур, электронной торговли, но и конечно, вопросов подготовки квалифицированных специалистов: таможенных менеджеров, специалистов по внедрению и программному обеспечению инновационных программ, но эти вопросы требуют отдельного самостоятельного рассмотрения. Процессы внедрения информационных технологий, создания современного электронного сервиса в таможенном деле являются ближайшей целью, требуют проработки и совместных усилий многих государственных структур по модернизации и технологическому оснащению таможенной службы России, что в итоге будет способствовать ее эффективной деятельности и отвечать многим международным стандартам, способствовать развитию и обеспечению экономической и государственной безопасности.

Литература

1. Интервью первого заместителя руководителя ФТС TAdviser от 27.02.2020. URL: <https://customs.gov.ru/press/aktual-no/document/228587>.
2. Интервью начальника Новороссийского таможенного поста (Центр электронного декларирования) подполковника таможенной службы Ивана Съянова. URL: <https://seanews.ru/2020/10/26/ru-ot-jelektronnoj-tamozhni-k-intellektualnoj.ru>.
3. К умной и незаметной таможне. URL: <http://www.osfts.ru/meropriyatiya/2019/k-umnoj-i-nezametnojtamozhne> (дата обращения: 05.09.2021).
4. Количество деклараций, поданных в электронной форме // Северо-Западное таможенное управление. URL: <http://sztu.customs.ru/folder/7842> (дата обращения: 20.09.2021).
5. Мозер С.В. Модель зрелости цифровой таможни Всемирной таможенной организации // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2020. № 4. URL: <https://panor.ru/articles/model-zrelosti-tsifrovoytamozhni-vsemirnoy-tamozhennoy-organizatsii/37916.html> (дата обращения: 07.09.2021).
6. Мозер С.В. Совершенствование правового института цифровой таможни: анализ модели зрелости ВТамО // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 2. С. 234-242. URL: http://customs-academy.net/wp-content/uploads/2019/05/001_14.04.19_Mozer-Sergei_Matutity-Model.pdf (дата обращения: 08.09.2021).
7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 16.09.2021).
8. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632 (утратило силу, в настоящее время – Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. № 16). URL: <http://base.garant.ru/72190282/#ixzz6goI9B4ed> (дата обращения: 16.09.2021).
9. Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: <https://customs.gov.ru/press/aktual-no/document/228587>.

11. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс]: принята Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

12. Стратегическое руководство в области информационных технологий Всемирной таможенной организации. Передовой опыт таможенных служб третьих стран по переходу к цифровой таможне. ЕЭК. Департамент таможенного законодательства и правоприменительной практики. 2018. С. 3-7. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/edinoe_okno/Documents/обзор_2018.pdf (дата обращения: 07.09.2021).

13. Строев Н.Н., Лагун А.В., Гороховатский Л.Ю. К вопросу о возможности оцифровки личного информационного иммунитета // Глобализация, цифровая трансформация, экономика, культура: новые специальности, новые горизонты: мат-лы XVI Международной научно-практ. конф-ции (24-26 октября 2018 г.). СПб.: Изд-во МБИ, 2018. С. 100-104.

УДК 342.5

С.В. Гунич, канд. юрид. наук, доцент

Дальневосточный юридический институт МВД России

E-mail: sertylio@mail.ru;

Д.О. Сытников, канд. юрид. наук

Академия управления МВД России

E-mail: dima-s82@mail.ru

КАТЕГОРИЯ «СУБЪЕКТ ПРАВА» В СФЕРЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье категория «правосубъектность» участников правоотношений подвергается теоретическому осмыслению через призму конституционно-правового регулирования. Отмечается неправомерность распространения частноправового подхода, рассматривающего ее посредством аккумуляции правоспособности, дееспособности и иных составных характеристик субъекта правоотношения на все отрасли права. Применительно к конституционно-правовым отношениям высказывается возможность определения круга их участников посредством использования категории «субъект права».

Ключевые слова: правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, правоотношение, субъект права.

S.V. Gunich, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sertylio@mail.ru;

D.O. Sytnikov, Candidate of Juridical Sciences

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: dima-s82@mail.ru

CATEGORY «SUBJECT OF LAW» IN THE SPHERE OF CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION

The category «legal personality» of participants in legal relations is subjected to theoretical understanding through the prism of constitutional regulation in the article. The author notes the illegality of extending the private law approach, which considers it through the accumulation of legal personality, delictual dispositive capacity and other constituent characteristics of the subject of legal relations to all branches of law. In relation to constitutional relations, it is possible to determine the range of participants by using the category «subject of law».

Key words: legal personality, legal ability, capacity to act, delictual dispositive capacity, legal relation, subject of law.

Любая норма права, получая свое формальное закрепление, рано или поздно сталкивается с вопросом практического применения содержащихся в ней предписаний к конкретному кругу участников регулируемых общественных отношений. Определение контуров такого круга имеет немаловажное значение как для практической деятельности, так и для науки, призванной вырабатывать единые подходы правоприменения. Не случайно проблематика адресности правовой нормы, возможности участия тех или иных лиц в отдельных правоотношениях получает все большее отражение как в общетеоретических, так и в отраслевых (межотраслевых) исследованиях функционирования механизма правового регулирования.

Для определения того или иного лица в качестве участника правоотношения в юриспруденции используется классическая формула установления его правосубъектности. Именно она выступает той обязательной предпосылкой, без которой невозможно возникновение правоотношения, пусть даже при наличии фактического общественного отношения между непосредственными его участниками. Следует отметить, что выделенная категория не получила законодательного закрепления, в связи с чем ее содержание обличается в формально-юридический состав, включающий в себя такие традиционные элементы, как правоспособность и дееспособность. В том случае, когда речь идет об охранительных нормах права, к ним примыкает еще и деликтоспособность [4]. Отдельные авторы приводят еще более дробную структуру, выделяя в ней, например, сделкоспособность и даже волеспособность [8, с. 13, 18].

Столь доктринальное понимание пустило свои корни во все отрасли права и было воспринято в качестве самостоятельной юридической конструкции отечественной наукой о государстве и праве. Такой подход едва ли можно назвать удовлетворительным в разрезе всей правовой системы государства. Безусловно, он имеет право на существование в том случае, когда речь идет о частных отраслях права, где уровень персонификации отдельного субъекта находится на достаточно высоком уровне. Так, например, в гражданском праве разграничение категорий правоспособности и дееспособности физического лица не только научно обосновано, но и имеет в своей основе практическую составляющую. Действительно, имея юридическую возможность быть носителем прав и обязанностей, лицо, не обладающее способностью руководить своими действиями, не может вступать в правоотношения. Именно в этой связи, как отмечает Е.Л. Невзгодина, значимость института представительства и доверенности в отечественном гражданском праве трудно переоценить [7].

Однако в публично-правовой сфере, в особенности в сфере государственного управления, такое раз-

граничение представляется излишним. Отчасти это объясняется неравнозначностью правовых статусов неоднородных по своей юридической природе субъектов правоотношений, присущей императивностью политических процессов, поведение участников которых подпадает под правовое воздействие соответствующей отрасли права. Не случайно, акцентируя внимание на особом круге участников конституционно-правовых отношений, пытаюсь уместить особенности правового статуса в дихотомию их правосубъектности, Е.В. Титова была вынуждена научно обосновывать исключительную, абсолютную (универсальную), общую, ограниченную и специальную конституционную правосубъектность [9]. Более того, выделяя мнение, согласно которому правосубъектность понимают только как абстрактную возможность участия в правоотношениях, не имеющую конкретного содержания, С.В. Кузнецов и Л.Н. Хасимова упоминают взгляды ученых, которые в своих трудах полностью отрицают правосубъектность, считая ее абсолютно ненужной для науки, обременяющей юриспруденцию [6].

При рассмотрении общетеоретических аспектов правосубъектности участников правоотношений можно отметить, что большинство ученых исходят из аксиомы возникновения правоспособности в отношении физических лиц с момента рождения, применительно к юридическим лицам – с момента государственной регистрации с привязкой к заявляемым целям их деятельности. Таким образом, правоспособности придается всеобщий и абстрактный характер. Ее наличие презюмируется применительно к каждому участнику правоотношения и связывается лишь с моментом его обособления, общественного информирования и санкционирования государством факта признания потенциального носителя прав и обязанностей.

Дееспособности уделяют внимание, лишь увязывая ее с психическим состоянием личности (физического лица), с ее способностью отдавать отчет своим действиям, руководить ими. Подобная категория востребована на этапе развития (взросления) человека и с наступлением установленного в законе возраста полного совершеннолетия практически теряет свою актуальность. Последующее ее использование получает отражение в различных отраслях права в рамках функционирования института лишения (ограничения) дееспособности. В отношении же юридических лиц зачастую используется термин «праводееспособность», который отражает полную корреляцию дееспособности и правоспособности, одномоментного их совпадения.

Следует признать, что распространение подобного подхода на сферу конституционно-правового регулирования сталкивается с различного рода труд-

ностями. В первую очередь это связано с особым статусом отдельных участников соответствующих правоотношений. Так, например, применительно к таким публичным образованиям, как субъект Российской Федерации, муниципальное образование, да и собственно само государство, определить момент возникновения их правоспособности, а уж тем более их дееспособности и разграничения одного от другого представляется непосильной задачей.

В конституционном праве выделяется такой специфический участник правоотношений, как многонациональный народ Российской Федерации. Столь значимый субъект обладает безусловной правоспособностью, поскольку именно с его волеизъявлением Конституция РФ увязывает возникновение суверенитета, а также фактическое выражение власти в государстве. Следует отметить, что конкретизация подобного участника правоотношений носит весьма абстрактный характер в силу его искусственной юридической природы. Представляется, что его правоспособность (собственно как и дееспособность) может быть выражена через правоспособность (дееспособность) совокупности граждан, его образующих. При этом она не зависит от их количественной составляющей.

Тем не менее с определением дееспособности народа возникают некоторые сложности ввиду того, что на него не возлагаются какие-либо обязанности и уж тем более его невозможно привлечь к юридической ответственности. То есть у народа как участника правоотношений в содержание дееспособности включена лишь возможность пользоваться своими субъективными правами и фактически отсутствует деликтоспособность как один из неотъемлемых ее элементов. Кроме того, дискуссионным представляется вопрос определения времени наступления этой самой дееспособности. Если его отсчитывать с момента образования (международного признания) государства, то ставится под сомнение возможность реализации права народа на самоопределение, в т.ч. и на образование нового государства. Если же ее начало сопоставлять с дееспособностью граждан, то, во-первых, непонятно, чем она будет отличаться от дееспособности отдельно взятого гражданина, а во-вторых, усложняется аргументация исключения из числа народа недееспособных лиц, которые частью этого самого народа, без сомнения, являются.

Как видим, разграничение правосубъектности многонационального народа Российской Федерации на правоспособность и дееспособность в качестве самостоятельных ее элементов представляется излишней. То же, как показывают исследования, справедливо в отношении жителей субъектов Российской Федерации, населения муниципальных образований, национальных, этнических групп и иных социальных общностей [10].

Немаловажное значение конституционное право уделяет правам и свободам человека и гражданина. Их реализация также предполагает возникновение правоотношений между конкретными участниками, обладающими, следуя логике исследования, самостоятельной правосубъектностью. На первый взгляд здесь все достаточно просто. Упоминание о правоспособности человека и гражданина можно найти в ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, положения которой полностью согласуются с вышеизложенным. Дееспособность же согласно ст. 60 Конституции РФ в полном объеме наступает с 18 лет.

Тем не менее в практическую реализацию конституционных норм приведенные извлечения никакой ощутимой пользы опять-таки не приносят. Возьмем для примера право гражданина быть избранным на должность Президента Российской Федерации. Гражданин РФ, достигший совершеннолетия, не будучи лишенным либо ограниченным в своей дееспособности, не сможет вступить в соответствующее правоотношение и реализовать свое избирательное право. Объясняется это достаточно просто. Обладая в полном смысле этого слова правосубъектностью, указанный гражданин не будет являться субъектом рассмотренного права, поскольку он не удовлетворяет предусмотренному нормой требованию о возрастном цензе кандидата.

Рассмотрим обратную ситуацию, связанную с реализацией права на жизнь. Очевидно, что наличие либо отсутствие дееспособности лица не имеет в данном случае какого-либо юридического значения и позволяет ему вступать в правоотношения, направленные на обеспечение, охрану и защиту его субъективного права. То же можно сказать и о правоспособности, поскольку известная доля ученых не связывает момент возникновения данного права с фактом рождения человека и уж тем более не ставит его в зависимость от факта получения правоустанавливающего документа. В целом можно отметить, что граждане РФ, не обладающие дееспособностью как необходимым элементом правосубъектности в классическом ее понимании, реализуют весьма значительную часть конституционных прав и свобод, беспрепятственно вступая в соответствующие правоотношения.

Не случайно в этой связи отдельными исследователями ставится вопрос о необходимости введения по аналогии с гражданским правом процессуального правопреимства в конституционном судопроизводстве, которое позволит, в частности, осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина даже после смерти их правообладателя [3]. Подобное высказывается и в отношении института эмансипации, который не имеет формального закрепления в рассматриваемой отрасли, однако отдельные его проявления встречаются в законодательстве о порядке

организации и проведения публичных мероприятий, осуществления местного самоуправления и ряде других законодательных актов [11].

Нечто подобное можно сказать и о должностных лицах, которые, не имея статуса юридического лица (не обладая опять-таки в классическом понимании правоспособностью), выступают полноправными участниками конституционных правоотношений. Их правосубъектность получает статус юридической фикции, и такие иллюстрации можно продолжать.

Представляется, что общетеоретический подход к определению правосубъектности участников конституционных правоотношений, предполагающий установление в ее конструкте правоспособности и дееспособности лица, представляется излишним, а иногда и неправомерным. Очевидно, что этот вопрос требует более глубокого теоретико-юридического осмысления. В качестве одного из направлений научных исследований можно предложить изучение возможности определения круга участников указанных отношений через категорию «субъект права». Так, например, в вышеописанном примере право избрания на должность главы государства, а соответственно, и правосубъектность будет реализовывать не гражданин Российской Федерации, а кандидат, удовлетворяющий перечисленным в правовых нормах требованиям.

Таким образом, наличие правосубъектности у того или иного участника конституционного правоотношения необходимо определять через установление у него объективной возможности быть субъектом права. В свою очередь, такая возможность должна вытекать из самих норм права посредством перечисления необходимых и достаточных юридически значимых признаков персонифицированного лица, которые у него должны быть в наличии для реализации прав и обязанностей субъекта конкретных правоотношений. Определяющее значение при этом имеет факт установления того, кому адресована та или иная норма права, с кем она связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений.

Однако, несмотря на кажущееся разрешение заявленной в работе проблематики, категория «субъект права» также порождает немало правореализационных проблем в сфере конституционно-правового регулирования. Не претендуя на приведение в данной работе исчерпывающего их перечня и уж тем более не предпринимая попытку найти пути рационального разрешения, обозначим лишь некоторые из них.

Первые из таковых связаны с содержательной стороной исследуемого понятия. Категория «субъект права» как теоретико-правовая конструкция неоднократно привлекала внимание исследователей, которые выделяют разнообразные аспекты ее понимания [2]. Определяющее значение для правореали-

зационной деятельности в данном случае приобретает вопрос соотношения понятий «субъект права» и «субъект правоотношений». Несмотря на то что, как отмечает С.В. Кузнецов, в недалеком прошлом данные термины употреблялись как тождественные, сегодня назревает тенденция к их разграничению [5]. В основу такого разграничения положено то, что субъект права отражает статическую сторону правоотношения и определяет потенциальных участников предполагаемого правоотношения, которое может возникнуть в будущем. Субъект же правоотношения представляет их участников в динамике, т.е. очерчивает конкретный круг лиц, наделяемых правами и обязанностями в конкретном правоотношении в конкретный момент времени. Таким образом, «субъект права» как некоторое абстрактное понятие конкретизируется через категорию «субъект правоотношения».

Очевидно, что это два несовпадающих по объему понятия, которые, можно сказать, представляют формальную и фактическую сторону правоотношения. В этой связи конституционно-правовое регулирование как раз и направлено на то, чтобы не только провозгласить субъекта права, но и определить возможность (путь, условия) трансформации его в субъекта конкретного правоотношения. Именно с определением этого самого субъекта права, имеющего возможность в последующем стать участником того или иного правоотношения, как раз и возникают сложности при осуществлении правового регулирования.

Так, Д.А. Авдеев, рассматривая понятие «многонациональный народ Российской Федерации» в качестве субъекта конституционного права, приходит к выводу о фактическом отождествлении его содержания с категорией «избиратели», поскольку именно они от имени народа осуществляют принадлежащую последнему власть [1]. В логике изложенного именно избиратель, удовлетворяющий всем требованиям законодательства, может быть признан в качестве субъекта права, а избиратель, явившийся на избирательный участок и реализовавший право голоса, – субъектом правоотношения. Таким образом, конституционная норма права, закрепляющая избирательные права за гражданами Российской Федерации, буквально признает их наличие лишь у избирательного корпуса (электората).

Тем не менее Конституция Российской Федерации все же употребляет термин «народ». В данном случае не усматривается никакого противоречия, если рассматривать народ в качестве носителя и источника власти, а не в качестве субъекта ее реализации. Также в понятие «народ» можно включить отличающиеся по своему составу категории избирателей, осуществляющие свою власть на различных уровнях

ее организации (в частности, государственная власть и публичная власть в рамках реализации местного самоуправления). Однако представляется неясным, как быть с понятием «народ», поименованным в преамбуле Конституции Российской Федерации в качестве субъекта ее принятия. Представляется, что в данном случае в буквальном смысле должны подразумеваться все же именно избиратели.

Еще одна проблема связана с деятельностью такого специфического субъекта конституционно-правовых отношений, как государство. Именно оно, обладая императивной волей, способно препятствовать переходу конкретного субъекта права в категорию «субъект правоотношения». Так, например, в период избирательной кампании соответствующие органы государственной власти имеют возможность воспрепятствовать субъекту права, удовлетворяющему всем требованиям законодательства реализовать свое как

активное, так и пассивное избирательные права посредством отказа в регистрации или исключения из списка (невключения в список) избирателей. Очевидно, что в данном случае воля субъекта права на реализацию своих потенциальных возможностей не только зависит от тех требований нормативных правовых актов, которые носят общий характер и выступают в качестве критерия определения индивида в качестве собственно субъекта права, но и попадает в зависимость от волеизъявления контрагента потенциального правоотношения.

Таким образом, представляется, что категория «субъект права» в большей степени отвечает целям конституционно-правового регулирования, чем категория «правосубъектность участников правоотношений». Тем не менее практическое использование данного понятия еще потребует самостоятельного теоретико-методологического осмысления.

Литература

1. Авдеев Д.А. Российский народ как субъект конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 14-17.
2. Архипов С.И. Субъекты права: теоретическое исследование. СПб., 2004. 469 с.
3. Беньяминова С.А. Отдельные аспекты правосубъектности гражданина в конституционном судебном процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1. С. 27-33.
4. Березовская Е.В. Субъекты права: теоретико-методологический анализ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 23-28.
5. Кузнецов С.В. К вопросу о соотношении сопутствующих категорий «субъект права» и «субъект правоотношений» // История государства и права. 2013. № 15. С. 14-18.
6. Кузнецов С.В., Хасимова Л.Н. Институт правосубъектности в общей теории права: основные подходы и взгляды // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 35-38.
7. Невзгодина Е.Л. Институт представительства в отечественном гражданском праве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 1. С. 67-78.
8. Скоробогатова В.В. Правоспособность граждан в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 26 с.
9. Титова Е.В. К вопросу о понимании правосубъектности в теории права и конституционном праве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2010. Вып. 24. № 19 (200). С. 28-33.
10. Шахновская И.В. К вопросу о правоспособности и дееспособности социальных общностей в конституционном праве // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: экономические и юридические науки. 2018. № 14. С. 168-172.
11. Чиркова Е.С. «Субъект права»: подходы к пониманию // Вестник Вятского государственного университета. Том 1. Серия: Право. 2012. № 1. С. 87-91.

УДК 342.4

О.А. Кожевников, доктор юрид. наук, профессор

Уральский государственный юридический университет,

Уральский государственный экономический университет

E-mail: jktu1976@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ КАТЕГОРИИ «ОРГАН ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Изменения текста Конституции РФ в 2020 г. уже второй год являются предметом как серьезной законотворческой реализации со стороны федерального парламента, так и многочисленных научных дискуссий со стороны научного сообщества. Особую значимость приобретают исследования «обновленных» положений Конституции РФ, касающиеся появления в ее тексте целого ряда новых терминов, которые до этого имели свое выражение в научной литературе, однако с появлением в тексте Основного Закона страны их смысловое содержание существенным образом изменилось. В рамках настоящего исследования автором рассматривается вопрос об обоснованности внедрения и последующего применения в федеральном правотворчестве такой правовой категории, как орган публичной власти. В результате сравнительного анализа положений Конституции РФ, отдельных федеральных нормативных актов и правовых позиций Конституционного Суда РФ автором ставится под сомнение «конституционность» сложившейся практики применения в нормотворческой деятельности такой новой конституционно-правовой категории, как «орган публичной власти».

Ключевые слова: единая система публичной власти, Государственный Совет, федеральная территория «Сириус», Президент РФ, конституционная реформа, Конституция РФ, Конституционный Суд РФ, орган публичной власти.

O.A. Kozhevnikov, Doctor of Juridical Sciences, professor

Ural State Law University,

Ural State Law University of Economics

E-mail: jktu1976@yandex.ru

REVISITING THE CONSTITUTIONALITY OF THE CATEGORY «PUBLIC AUTHORITY» IN THE CURRENT LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Changes in the text of the Constitution of the Russian Federation in 2020 have been the subject of serious legislative implementation by the Federal Parliament for the second year, as well as numerous scientific discussions by the scientific community. Of particular importance are the studies of the «updated» provisions of the Constitution of the Russian Federation concerning the appearance in its text of a number of new terms that previously had their expression in the scientific literature, however, with their appearance in the text of the Basic Law of the country, their semantic content has changed significantly. Within the framework of this study, the author considers the question of the validity of the introduction and subsequent application of such a legal category as a public authority in federal law-making. As a result of a comparative analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, certain federal normative acts and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author questions the «constitutionality» of the current practice of applying a new constitutional and legal category as a «public authority» in rule-making activities.

Key words: unified system of public power, State Council, federal territory «Sirius», President of the Russian Federation, constitutional reform, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, public authority.

Конституционные изменения 2020 г. еще долгое время будут требовать не только их практической реализации, но и, безусловно, научного осмысления. Одним из направлений такого осмысления, на наш взгляд, являются внедрение в российское правовое пространство и законодательство новых правовых категорий, а также их соотношение с уже имеющимися положениями Конституции РФ, которые остались неизменными и составляют основу конституционного строя РФ. В рамках настоящего исследования хотелось бы остановиться на новой конституционно-правовой категории, вошедшей в текст «обновленной» Конституции РФ – орган публичной власти.

Данная правовая категория упомянута в п. е.5 ст. 83 Конституции РФ, в которой указано на полномочие Президента РФ по формированию Государственного Совета Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Таким образом, в Основном Законе нашего государства понятие «орган публичной власти» тесно связано с еще одной новой конституционно-правовой категорией – Государственным Советом. Федеральный законодатель в осенний период 2020 г. достаточно активно взялся за принятие новых федеральных законов, а также корректировку уже действующих нормативных актов в целях максимально быстрой реализации одобренных на общероссийском голосовании изменений в Конституцию РФ. Одним из примеров законодательной реализации конституционных положений стало появление Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее – Закон № 394-ФЗ). Анализ положений указанного нормативного акта показывает его существенное отличие от «обновленных» положений Конституции РФ. Так, ст. 1 Закона № 394-ФЗ определяет несколько отличным от определенного в ст. 83 Конституции РФ предмет регулирования, в частности, в ней четко указано, что целью закона является обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, и определение основы функционирования публичной власти. То есть Конституция РФ предполагает формирование Президентом РФ Государственного Совета в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, а федеральный закон возлагает на Государственный Совет обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия только органов, входящих в единую систему публичной власти.

Различие конституционных положений и норм Закона № 394-ФЗ в части упоминания новой правовой категории «орган публичной власти» еще больше проявляется при внимательном прочтении текста статьи 2 упомянутого федерального закона. Пункт 1 названной статьи дает нам определение единой системы публичной власти, которая включает в себя федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в рамках действующего законодательства взаимодействие и совместную деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства. При этом в п. 2 статьи 2 Закона № 394-ФЗ, раскрывая понятие координации деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти, законодатель упоминает, что она осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации, а также в пределах своей компетенции Правительством Российской Федерации, Государственным Советом и другими органами публичной власти.

Таким образом, напрашивается очевидный вопрос, а насколько положения Закона № 394-ФЗ соответствуют тексту п. е.5 ст. 83 Конституции РФ, поскольку, во-первых, названным законом целевое предназначение деятельности Государственного Совета РФ ограничено только органами, входящими в единую систему публичной власти, представляющую собой уже сложившуюся совокупность органов государственной власти, государственных органов, органов местного самоуправления. При этом осуществление координации между заявленными органами в рамках единой системы публичной власти осуществляется другими органами публичной власти, не входящими в заявленную систему, поименовать которые законодатель не посчитал нужным.

Вызывает также вопросы и соответствие положений п. 1 ст. 2 Закона № 394-ФЗ «обновленному» тексту ст. 132 Конституции РФ, которая упоминает о вхождении в единую систему публичной власти только органов местного самоуправления и органов государственной власти.

Представляется и весьма сомнительным применение категории «орган публичной власти» с самостоятельным конституционно-правовым содержанием с учетом позиции, изложенной Конституционным Судом РФ в заключении от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов ор-

ганизации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». В указанном заключении федеральный орган конституционного контроля отметил, что «категория "единая система публичной власти" производна, таким образом, от основополагающих понятий "государственность" и "государство", означающих политический союз (объединение) многонационального российского народа. Общая суверенная власть данного политического союза распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией Российской Федерации (статьи 5, 10, 11 и 12)». Таким образом, Конституционный Суд РФ обозначил базовые конституционно-правовые положения формирования и функционирования в РФ системы власти. Среди указанных судом положений статей 5, 10, 11 и 12 Конституции РФ нет никакого упоминания такой формы народовластия, как орган публичной власти. В этой связи полагаем, что Конституция РФ не предполагает на настоящем этапе наличия такого самостоятельного элемента публичной власти, как орган публичной власти, поскольку формы осуществления народовластия и организация власти как по вертикали, так и по горизонтали достаточно четко определены в соответствующих положениях Конституции РФ, относящихся к основам конституционного строя РФ и не подлежащих изменению в общем порядке. Ситуация с «внедрением в конституционную нишу» категории «орган публичной власти» существенным образом усугубляется его применением на уровне федеральных законов и федеральных подзаконных актов.

Так, Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории "Сириус"» в качестве предмета своего регулирования определяет установление правовых основ функционирования федеральной территории «Сириус», в т.ч. регулирует отношения, возникающие в связи с ее созданием, организацией деятельности органов публичной власти. При этом в соответствии со ст. 10 названного закона систему органов публичной власти федеральной территории «Сириус» составляют Совет, Администрация и иные органы публичной власти федеральной территории «Сириус», если их образование предусмотрено Уставом федеральной территории «Сириус». Мы неоднократно производили анализ упомянутого закона, который очевидно обозначает серьезные противоречия в компетенции вышеуказанных органов, в т.ч. и противоречие действующим позициям Конституционного Суда РФ, что не способствует пониманию места указанных органов в системе законода-

тельства о государственной и муниципальной службе РФ, которая не предполагает совмещение в одном органе разных видов публичной службы.

Еще одним «свежим» примером крайне неудачного употребления термина «орган публичной власти» в тексте нормативных актов является Указ Президента РФ от 23.04.2021 № 242 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в мае 2021 г.». Пункт 2 названного Указа определяет: «Органам публичной власти, иным органам и организациям определить количество служащих и работников, обеспечивающих с 1 по 10 мая 2021 г. включительно функционирование этих органов и организаций». Возникает объективный вопрос: о каких органах публичной власти идет речь; кому адресована норма Указа Президента РФ.

Нельзя не отметить, что не только в правотворческой деятельности, но и в современной правовой науке и в особенности в конституционном праве отсутствуют единые подходы к определению такой дефиниции, как «орган публичной власти». Так, наиболее распространенной точкой зрения на понимание категории «публичный (государственный) орган» является восприятие его как создаваемый в установленном законом порядке и наделенный властными полномочиями, организованный коллектив людей, призванных решать установленные законом задачи и осуществлять функции государства в определенной сфере жизни общества [2]. Вместе с тем существуют и иные точки зрения. Так, известный представитель уральской школы теории права А.С. Шабуров в своей работе определяет орган публичной власти как индивида или организацию, наделенную государственно-властными полномочиями для осуществления функций государства [6]. С.А. Авакьян в своих работах органы публичной власти представляет в виде государственной власти и власти местного самоуправления, которые являются одной из характеристик конституционного строя России [1].

Особо обратим внимание на отсутствие единого подхода к категории «орган публичной власти» в некоторых научных работах председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишаса, который выделяет сразу три подхода к пониманию органа публичной власти: во-первых, это составная часть механизма государства, наделенная государственно-властными полномочиями и участвующая в осуществлении функций государства; во-вторых, это политическое учреждение, созданное для осуществления функций государства и наделенное для этого полномочиями публично-властного характера; в-третьих, это организация или единичное должностное лицо, наделенное властными

полномочиями, проявляющимися в издании решений, обязательных для лиц, которым они адресованы и осуществляющих контроль за их исполнением [5]. И таких примеров авторских подходов к определению содержания понятия «орган публичной власти» мы можем привести множество [3, 4]. Таким образом, даже на уровне научного осмысления правовая конструкция «орган публичной власти» не находит своего единого оформления как по сущности, так и по содержанию.

Конституционный Суд РФ при оценке содержания Конституции РФ и актов российского законодательства на предмет их соответствия положениям Основного Закона неоднократно и последовательно высказывал позицию о том, что неоднозначность, неясность и противоречивость правового регулирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод. Неопределенность в содержании правовой нормы, не будучи в состоянии обеспечить ее единообразное понимание, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции. Полагаем, что указанные выводы в полной мере можно спроецировать на появление в нормативных актах конституционного и иного отраслевого законодательства правовой категории «орган публичной власти», которая пока больше вводит в заблуждение, чем выполняет свою регулирующую и систематизирующую функцию.

В заключение исследования заявленной тематики хотелось бы подчеркнуть, что нормы Конституции вполне справедливо и обоснованно называют главными, основными, базисными в системе законодательства государства. Многочисленные правовые акты, действующие в стране в виде определенного организованного и взаимосвязанного целого, имеющие свою систему и обладающие комплексностью правового регулирования возникающих в государстве и обществе отношений, очевидно, ориентируются на Конституцию как основание, стержень всей правовой системы в государстве. При этом необходимо отметить, что верховенство Конституции РФ поддерживается не только принудительной силой государственного аппарата, но и качеством нормотворческой деятельности, определенностью и четкостью формулировок, применяемых как в Конституции, так и отраслевых правовых актах. Анализ применения новой правовой категории «орган публичной власти» как в Конституции РФ, так и в иных правовых актах системы российского законодательства, к сожалению, позволяет говорить об игнорировании федеральным законодателем качественных подходов к формированию текстов нормативных актов, о наличии низкого уровня юридической техники в изложении нормативных положений, а также об отсутствии у правотворческих органов должного внимания к учету и соблюдению действующих позиций Конституционного Суда РФ. Полагаем, что в случае продолжения практики бессистемного применения категории «орган публичной власти» мы не только нивелируем базовые положения об организации всей системы власти в РФ, но и существенным образом разрушаем и без того «хрупкую» связь между Основным Законом и нормативными актами отраслевого законодательства.

Литература

1. Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-publichnoy-vlasti-v-rossii-problemy-formirovaniya-i-razvitiya> (дата обращения: 10.07.2021).
2. Лебедева К.Д. Понятие и основные признаки (черты) правового положения органа публичной власти // Молодой ученый. 2020. № 29 (319). С. 99-101. URL: <https://moluch.ru/archive/319/72618/> (дата обращения: 10.07.2021).
3. Малютин Н.С. Орган публичной власти как субъект жалобы в Конституционный суд Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 6. С. 14-17.
4. Солодовниченко Т.А. Проблемы терминологического обозначения субъективных юридических прав и обязанностей органов публичной власти в законодательстве Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 1 (46). С. 41-46.
5. Теория государства и права: учебник / под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019.
6. Шабуров А.С., Жайкбаев Ж.С. Теория государства и права: учебное пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019.

УДК 340.111.57

О.Д. Овчинникова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: olesya901@mail.ru;

А.М. Шаганян, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: sha-anneta@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ФИКЦИИ КАК УНИКАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

В статье рассматриваются появление, особенности возникновения, развития и становления юридической фикции как приема юридической техники. Авторы анализируют различные подходы к рассматриваемому правовому явлению, освещенные в юридической литературе периода как дореволюционной, так и современной России. В статье содержится указание на суть юридической фикции, которая заключается в том, что известный несуществующий факт признается существующим либо наоборот. Проводится анализ характерных особенностей юридической фикции, истории ее возникновения и развития, а также устанавливается ее практическая востребованность в нормах действующего законодательства. Также авторы выделяют несколько способов закрепления юридической фикции в нормативных правовых актах. В качестве иллюстрации изложенного материала приводятся примеры, взятые из законодательства.

Ключевые слова: фикция, юридическая фикция, правовая фикция, юридическая техника.

O.D. Ovchinnikova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

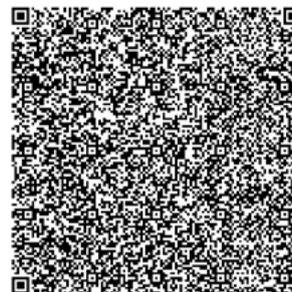
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olesya901@mail.ru;

A.M. Shaganyan, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sha-anneta@mail.ru

PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF LEGAL FICTION AS A UNIQUE LEGAL CATEGORY

The article examines the appearance, features of the emergence, development and formation of legal fiction as a method of legal technique. The authors analyze various approaches to the legal phenomenon under consideration, highlighted in the legal literature of the period of both pre-revolutionary and contemporary Russia. The article contains an indication of the essence of legal fiction, which consists in the fact that a known non-existent fact is recognized as existing, or vice versa. The analysis of the characteristic features of legal fiction, the history of its origin and development is carried out, as well as its practical relevance in the norms of current legislation is established. The authors also identify several ways to consolidate legal fiction in regulatory legal acts. As an illustration of the material presented, examples taken from the legislation are given.

Key words: fiction, legal fiction, legal fiction, legal technique.

Общепринятым является тезис, что важным ключевым инструментарием правотворческого, правоприменительного, интерпретационного процесса, а также деятельности по систематизации нормативных правовых актов считается юридическая техника, обладающая обширным комплексом одновременно универсальных и уникальных правил, методов, средств, приемов. Анализ современной доктринальной литературы позволяет констатировать, что на настоящий момент одной из наиболее дискуссионных категорий арсенала юридической техники является юридическая фикция.

Дефиниция «юридическая фикция» представляет собой общетеоретическую категорию, законодательного закрепления которой на сегодняшний момент в российской правовой системе нет, в связи с чем считаем необходимым проанализировать не только этимологию данного понятия, но и провести комплексный анализ позиций ученых по исследуемой тематике.

Юридическая фикция как некий феномен юридической техники сформировалась еще в римском праве и продолжает активно использоваться современными законодателями практически во всех областях общественного регулирования, затрагивая сферы публичного и частного права, материальные и процессуальные предметы правового регулирования.

Слово «фикция» заимствовано из латинского языка и означает «выдумку, вымысел, несуществующее, ложное» [24]. Согласно энциклопедическому словарю, фикция есть «надуманный, созданный искусственно путем догматического обоснования известных хозяйственных правил пункт договора, контракта, требуемый иногда с точки зрения формальности, но не всегда исполняемый из-за невозможности его проверки, например, в части гарантий или авторских прав; юридическая фикция, в свою очередь, заведомо неистинное положение, применяемое для оформления правоотношения, которое не может по каким-либо причинам возникнуть в силу юридического факта» [23].

Для полного и всестороннего рассмотрения юридической фикции как важной составляющей юридической техники следует обратиться к ее характерным особенностям, истории возникновения и развития, а также установить ее практическую применимость в нормах действующего законодательства. Так, рассматривая понятие «фикция», необходимо обратиться к энциклопедическому словарю, в котором «фикция представляет собой предположение, заведомо не соответствующее действительности, в противоположность презумпции – положению, которое признается справедливым до тех пор, пока не доказано иное» [22].

Определенные попытки сформулировать исследуемое понятие предпринимались в дореволюционное время Д.И. Мейером, предложившим под фикцией понимать «вымышленное существование факта, который или не существует, или существует в ином виде» [14, с. 2].

Исторический анализ рассматриваемого инструментария юридической техники демонстрирует происхождение юридической фикции в Древнем Риме. Предпосылками к ее появлению, оформлению, закреплению и распространению стали ситуации, которые складывались изначально при неустраиваемых противоречиях в материальном праве. Суды при рассмотрении подобных споров должны были руководствоваться тем, чтобы признавать или отрицать факты, возникающие при явном логическом противоречии. Так зародились фикции признания (позитивные) и фикции отрицания (негативные). Юридическая фикция в большинстве своем впоследствии была положительно оценена и интегрирована в правовые системы различных государств. Однако позитивное восприятие юридической фикции получила не сразу, поскольку это связано с правовой природой исследуемого явления. Фикция есть вымысел, нереальность, нечто несуществующее. Закономерно возникает вопрос – есть ли место несуществующей категории в столь объективной действительности, как право, занимающей одно из ведущих мест среди регуляторов общественных отношений, призванных упорядочить наиболее важные общественные отношения. Кроме того, в Древнем Риме присутствовали мнения о природе возникновения юридических фикций как средства примирения консерватизма юридического мышления римлян с потребностями правовой жизни [3], что представляется справедливым.

Следующий этап доктринального проявления исследовательского интереса к юридической фикции относят к середине XIX в. Многие ученые разделяли схожие мнения с уточнением некоторых нюансов, например, отождествляя юридическую фикцию с иными правовыми конструкциями [4, с. 120-121]. Ряд авторов полагали необходимым вывести юридические фикции из сферы права и экстраполировать их применение исключительно для нужд науки [13, с. 10].

В советский и постсоветский периоды глобальные исследования правовой природы, особых характеристик и свойств юридической фикции практически отсутствуют, о них упоминается мимоходом, как правило, в связке с иными правовыми конструкциями или как разновидность нетипичных норм права, хотя продолжали использоваться в законодательстве, чего нельзя сказать о современном периоде.

Анализ современных доктринальных трудов ученых демонстрирует различные подходы к пониманию исследуемой категории. Так, С.С. Горохова под «фик-

цией в сфере права понимает юридический прием, допускаемый или прямо предписываемый правовой нормой и состоящий в признании некоего несуществующего факта существующим или, напротив, существующего обстоятельства несуществующим» [5]. В то же время большинство авторов (А.С. Григорьев, В.М. Баранов, В.С. Бялт и др.) придерживаются позиции, что правовая фикция – это не прием, а средство юридической техники. Вероятнее всего, разница в подходах объясняется тем, что зачастую авторы отождествляют понятия «прием» и «средство» юридической техники.

Исследуя многообразие дефинитивных определений понятия «юридическая фикция», следует отметить его определение через средство юридической техники, при помощи которого конструируется заведомо не существующее положение (отношение или состояние), признаваемое существующим и обладающее императивностью, выполняющее роль недостающего юридического факта в ситуации невозможной неизвестности, закрепленное нормой права [10]. Неоспоримым достоинством указанного определения исследуемого понятия является перечисление в нем основных отличительных черт, присущих данному феномену.

Говоря об индивидуальных характеристиках юридической фикции, в качестве иллюстрации приведем несколько позиций разных авторов. В частности, Е.В. Абрамова к признакам исследуемого явления относит «заведомую ложность предположения; юридическую неопровержимость предположения», т.е. юридическая фикция сконструирована таким образом, что возможность доказывания обратного исключена; нормативное закрепление фикций, при котором они не абстрактно подразумеваются, а реально находят свое отражение в тексте нормативного правового акта; отнесение юридической фикции к своеобразному, специфичному юридическому факту особого характера; универсальность, подразумевающая повсеместное распространение фикций, независимо от отрасли права и конкретного исторического периода [1, с. 23].

О.А. Курсова указывает на «условно произвольную форму; очевидность, поскольку фикция либо что-то подтверждает, либо отрицает, неопровержимость; юридическая фикция имеет способность преодолевать неопределенность в правовом регулировании, выполняя функции недостающего юридического факта; формальность фикции (как отражение в нормативном правовом акте)» [10].

Практически все отечественные исследователи в области государства и права сформулировали авторские подходы к исследуемому понятию, различие в которых в целом сводится к рассмотрению юридической фикции в качестве приема, способа или средства юридической техники.

Так, В.К. Бабаев считает, что «правовая фикция – это технико-юридический прием, посредством которого несуществующее положение объявляется существующим» [2, с. 28]. Аналогичного мнения придерживаются Н.И. Матузов, М.Л. Давыдова, В.И. Каминская и др. Р.К. Лотфуллин говорит о фикции как об особом средстве юридической техники [12, с. 9], в то время как В.В. Лазарев, С.В. Липень под исследуемым понятием понимают разновидность юридических фактов [11, с. 385]. Считаем, что наиболее правильным будет воспринимать юридическую фикцию и как средство, и как прием, поскольку эти два термина рассматриваются в качестве синонимов во многих энциклопедических словарях (см. С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремову). Однако следует помнить, что отдельные исследователи считают, что средство более широкое понятие, чем прием [20].

Следует отметить, что юридическая фикция по степени фиксации в нормативном правовом акте может быть закреплена двумя способами, о чем говорит Н.Н. Ковтун. Так, прямой способ обозначения юридической фикции, как правило, начинается с использования таких слов, как «считается», «не считается». Например, «требования кредиторов, не удовлетворенные из-за недостаточности имущества ликвидируемого юридического лица, считаются погашенными» на основании п. 6 ст. 64 ГК РФ. Однако косвенные фикции вычлняются только посредством интерпретационной деятельности, поскольку прямо в нормативном правовом акте не закреплены. По мнению А.И. Ситникова, к данной разновидности юридической фикции относится ч. 5 ст. 34 УК РФ, согласно которой «действия организатора, подстрекателя и пособника при недоведении преступления до конца носят неоконченный характер. Фактически же они выполняют все действия, необходимые для завершения исполнителем преступления» [18, с. 65]. Особенности косвенных фикций проявляются в том, что особых проблем с их выявлением и реализацией в правоприменительной деятельности не возникает, именно это и является причиной для отсутствия необходимости перевода косвенных фикций в прямые.

Отдельно хочется отметить, что зачастую в юридической практике происходит подмена понятий. Так, юридические фикции отождествляются с фиктивными явлениями, состояниями и нормами, что является недопустимым, поскольку юридические фикции выполняют принципиальные задачи (например, правоустанавливающая, регулирующая, информационная и др.).

Сегодня существует достаточное количество монографических исследований, посвященных различным аспектам, особенностям развития, функционирования в современной науке и практике использования и применения юридических фикций.

Изучение и анализ научной литературы приводят к выводу о том, что юридические фикции классифицируются по значительному числу оснований. В качестве иллюстрации приведем классификацию, предложенную Л.А. Душаковой [7, с. 56]. Так, автор обособляет юридические фикции друг от друга по следующим критериям: отраслевой принадлежности, принадлежности к правовой системе, юридической силе, функциональным и генетическим связям. Согласно перечисленным основаниям по отраслевой принадлежности юридические фикции бывают: конституционно-правовые, гражданско-правовые, административно-правовые, семейно-правовые, уголовно-правовые и т.д. По принадлежности к составляющим правовой системы: публично-правовые фикции и частноправовые. По юридической силе: юридические фикции законов и подзаконных нормативных правовых актов. По выполняемым функциям выделяют материально-правовые фикции и процессуально-правовые фикции. Такая классификация представляется наиболее традиционной, где за отправную точку правовой природы принято брать постулат, что юридическая фикция есть особый вид правовой нормы. Считаем, что классификация юридических фикций по юридической силе в процессе правореализационной деятельности является важной, однако же в теоретическом плане она представляется нецелесообразной, поскольку повторяет иерархию нормативных правовых актов, в которых закреплены сами фикции.

Г. Файхингер еще в конце XIX в. предложил классификацию фикций, которая является актуальной и на сегодняшний день: персонифицированные фикции; номинальные фикции; обобщающие фикции; абстрактные фикции; отрицательные фикции; эвристические фикции [17, с. 52].

Отдельное внимание необходимо уделить классификации юридических фикций по отраслевой принадлежности, которую можно проиллюстрировать примерами из действующего законодательства. Обратимся к нормам конституционного права, в частности к Федеральному закону от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [15], в п. 16 ст. 64 которого установлено, что «при проведении выборов избиратель, который будет находиться в день голосования вне места своего жительства, вправе подать в избирательную комиссию заявление о включении в список избирателей по месту своего нахождения». Иными словами, налицо юридическая фикция, согласно которой избиратель будет «приписан» к тому участку, где он фактически будет находиться в день проведения выборов.

Проиллюстрировать юридическую фикцию возможно и на примере «Кодекса Алтайского края о вы-

борах, референдуме, отзыве» от 8 июля 2003 г. № 35-ЗС (с изменениями на 3 декабря 2020 г.) [8], подп. 5 п. 1 ст. 136.12 которого гласит, что «при регистрации кандидатов одна и та же кандидатура для наделения полномочиями члена Совета Федерации может быть представлена только одним кандидатом на должность губернатора Алтайского края. В случае если одна и та же кандидатура для наделения полномочиями члена Совета Федерации оказалась представленной разными кандидатами, она считается представленной тем кандидатом, который осуществил это раньше».

Фиктивность нормы заключается в том, что при наличии документально подтвержденного желания гражданина на замещение должности члена Совета Федерации от нескольких кандидатов на должность губернатора считается, что только одному кандидату было дано согласие, и, соответственно, только этому кандидату разрешено назначить указанную кандидатуру членом Совета Федерации (в случае победы на выборах).

Значительное количество юридических фикций содержат нормы гражданского права, например, нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020), закрепляющие признание безвестно отсутствующего гражданина умершим (ст. 42 ГК РФ) [6]. То есть если в течение года в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания, то при наличии заявления заинтересованных лиц гражданин признается безвестно отсутствующим. Сущность юридической фикции для данной нормы – это установление даты, от которой будут считать гражданина безвестно отсутствующим. Разумеется, такая дата – абсолютная фикция, ведь представляется затруднительным утверждать, что гражданин пропал именно в первое число месяца, следующего за тем, когда были получены последние сведения о нем.

Как известно, одним из субъектов гражданского правоотношения является юридическое лицо, которое по определению – уже продукт юридической фикции, ведь само оно не может осуществлять свою волю, именно поэтому она реализуется физическими лицами в пределах своей компетенции.

Что касается гражданского процесса, т.е. гражданского судопроизводства, то здесь примером может выступать признание установленным или опровергнутым факта, послужившего основанием для назначения экспертизы при ее непроведении по вине сторон (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ). То есть если лицо уклоняется от участия в экспертизе, отказывается предоставлять экспертам нужные материалы и при этом без участия данного лица экспертизу провести невозможно, то «на помощь» правоприменителю приходит данная фикция. Зачастую такие ситуации часто встречаются в исках по установлению отцовства,

при которых отец уклоняется от участия в экспертизе ДНК.

Нормы уголовного законодательства также содержат юридические фикции, например ст. 103 УК РФ [21], которая предусматривает зачет времени применения мер медицинского характера в срок наказания, т.е. осужденное лицо проходит принудительное лечение и отбывает наказание одновременно. Вместе с тем юридическая фикция используется для формирования формальных (усеченных) конструкций некоторых составов преступлений, когда законодатель не ставит в зависимость привлечение к уголовной ответственности от наступления вредных последствий. Здесь же можно отметить и такой институт уголовного права, как освобождение от ответственности в связи с деятельным раскаянием лица. Фиктивность нормы проявляется в том, что правонарушитель может избежать реального карательного воздействия и претерпевания неблагоприятных последствий ввиду позитивного посткриминального поведения. Еще одним примером уголовно-правовой фикции может выступать институт снятия или погашения судимости (ст. 86 Уголовного кодекса РФ), заключающийся в том, что лицо, ранее совершившее преступление и отбывшее наказание, считается непривлекаемым к уголовной ответственности, поскольку последствия осуждения не могут сопровождать гражданина всю оставшуюся жизнь.

В области семейного права как вариант юридической фикции принято рассматривать некоторые правопритязания ребенка (например, на личную и семейную жизнь) [9, с. 55]. В области семейных правоотношений можно отметить также получение фамилии одного из супруга другим при вступлении в брак, признание родства ребенка при записи в свідельство о рождении и т.п.

Анализируя содержание судебных актов, можно увидеть, что позиции судов идут по пути поддержания и обоснования необходимости существования юридических фикций. По мнению Конституционного Суда РФ, правовой режим тайны усыновления, урегулированный нормами права, направлен на создание полноценных семейных, подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным, обеспечение стабильности усыновления, защиты прав и интересов всех членов семьи, важная роль которой заключается в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей. Конституционная ценность института семьи требует со стороны государства уважения и защиты отношений, которые возникают посредством установления усыновления, а потому закрепляющие этот режим положения п. 1 ст. 139 Семейного кодекса Российской Федерации и п. 1 ст. 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не могут рассматриваться как про-

тиворечащие Конституции Российской Федерации. Иными словами, речь идет об уравнивании юридического статуса усыновителей и родителей, а также уравнивании статуса усыновленного ребенка статусу родного ребенка, что по природе своей тоже является юридической фикцией [16].

Разумеется, примеров юридических фикций в действующем законодательстве предостаточно и обозначить их все представляется затруднительным как в рамках данной статьи, так и в отдельном доктринальном исследовании. Предпринятые попытки демонстрации отдельных примеров из некоторых сфер правовых отношений осуществлены лишь с той целью, чтобы еще раз подтвердить тот факт, что юридические фикции – явление не единичное, а полностью пронизывающее нашу современную правовую систему.

В рамках рассматриваемого вопроса следует обратиться к правовым системам зарубежных стран. Так, например, в Великобритании большинство правовых решений не могли бы состояться без юридической фикции, они широко распространены и судьи часто используют их в случае невозможности установления того или иного факта с позиции непротиворечивости. Основное предназначение юридической фикции выражается в том, чтобы вызвать определенные правовые последствия. Это необходимо при таких обстоятельствах, когда имеется правовая невосполнимость, неопределенность какого-либо явления и в это же время отсутствует возможность его урегулирования другими приемами, способами и средствами юридической техники.

Таким образом, юридическая фикция представляет собой абстрактное, не существующее в действительности положение, признаваемое законодателем реальным, которое устанавливается и содержится в нормах права с целью достижения определенных правовых последствий. Юридическая фикция – это своеобразный способ создания норм права, при котором наблюдается явное противоречие с действительностью. Она подразумевает под собой какую-либо юридическую норму, защищая посредством ее толкования несуществующий факт от любого его не признания. Вместе с тем юридическая фикция сознательно используется для достижения определенных последствий или желаемых юридических результатов.

Видится интересной точка зрения, которая представляет юридическую фикцию как «ложь во благо», ибо применение фикции способствует закреплению вымысла в норме права. Функцией фикции, помимо прочего, является упрощение судопроизводства путем ее введения в нормативные правовые акты.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, юридическая фикция заведомо свидетельствует о невозможности исполнения той или иной правовой нормы и в то же время необходимости условно принять то или иное положение за основу.

Во-вторых, юридические фикции служат не только средством оптимизации правового регулирования, но вместе с тем являются приемами упрощения текстов нормативных правовых актов. Иными словами, юридические фикции участвуют в создании юридической терминологии, такой как юридическое лицо, бесхозяйная вещь и т.д. Зачастую этот аспект связывают с выполнением юридической фикцией функции лингвистической экономии.

В-третьих, юридическая фикция выступает одним из основных элементов правотворческой техники, с помощью которого процесс донесения смысла до адресатов осуществляется посредством динамичного и эффективного процесса правового регулирования. Кроме того, юридическая фикция закрепляется в нормативных правовых актах, характеризуясь такими признаками, как условность, четкость, однозначность формулировки, легальность и императив-

ность, а следовательно, охраняется государством как любая норма права и является общеобязательной в определенном смысле.

В-четвертых, особенностью юридической фикции является закрепление в нормативных правовых актах несуществующего положения, которое признается существующим.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о том, что, к сожалению, ни законодатель, ни научное сообщество не выработали понятийного аппарата в области юридической фикции. Наличие разнообразных правовых взглядов относительно правовой природы, классификации, признаков, нормативного закрепления юридических фикций порождает множество споров, в числе которых разграничение правовых установлений, созданных при помощи данной юридической конструкции.

Считаем, что именно при всестороннем анализе значения, сущности, влияния, роли фикции в правовой действительности возможно совершенствование как отдельных норм, так и юридической техники в целом.

Литература

1. Абрамова Е.В. Правовые фикции – идеологический источник права? Постановка проблемы // Правоприменение. 2019. № 4. С. 24-29.
2. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.
3. Бахарев О.Н. Д.И. Мейер о юридических фикциях. URL: <http://naukarus.com/d-i-meyer-o-yuridicheskikh-fiktsiyah> (дата обращения: 04.05.2021).
4. Боровая Е.В. Правовые фикции в теории права // Вестник Академии Республики Беларусь. 2014. № 2 (28). С. 118-121.
5. Горохова С.С. Юридическая техника: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2021. 311 с. URL: <https://urait.ru/bcode/469165/p.50> (дата обращения: 10.03.2021).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Душакова Л.А. Классификация правовых фикций // Философия права. 2004. № 2 (10). С. 55-58.
8. Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве [Электронный ресурс]: закон Алтайского края от 8 июля 2003 г. № 35-ЗС (с изм. на 3 декабря 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Кособродов Н.В. Воля ребенка как фикция в гражданском и семейном праве России // Адвокат. 2016. № 11. С. 55-57.
10. Курсова О.А. Фикции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-kaNedidatskih-dissertatsiiyuridicheskie/a596.php> (дата обращения: 24.04.2021).
11. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для академ. бакалавр. М.: Юрайт, 2015. 521 с.
12. Лотфуллин Р.К. Юридические фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.
13. Марохин Д.Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 24 с.
14. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. 127 с.
15. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12 июня 2002 г. (в ред. от 05.02.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной»: постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 5.

17. Саркисян Л.Р. Юридические фикции: логико-доктринальный анализ. М., 2018.

18. Ситников А.И. Фикции в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 60-67.

19. Тарасенко В.В. Уголовно-правовая фикция в законодательной конструкции мер медицинского характера и конфискации имущества // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 9-6. С. 127-131.

20. Толковые словари: хранители слова и его значения. URL: <https://glosum.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).

21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: https://runivers.ru/lib/a3.php?SECTION_ID=7324 (дата обращения: 24.04.2021).

23. Энциклопедический словарь экономики и права. URL: <http://www.endic.ru/legal/Fikcija-20350.html> (дата обращения: 24.04.2021).

24. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology> (дата обращения: 24.04.2021).

УДК 340

В.А. Рыбаков, доктор юрид. наук, доцент

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

E-mail: Vladimir-40@mail.ru

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ (В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ)

В статье рассматриваются вопросы правового статуса животных, являющиеся неоднозначными. Возникает закономерный вопрос – следует ли братьев меньших считать субъектами права? Автор представляет две позиции: признание и отказ, закрепленные в разных правовых системах. Первая поддерживается парламентами таких стран, как Германия, Австрия, Швейцария и др., а также католической церковью. В пользу второй позиции высказываются большинство юристов и граждан других государств. Автор приводит аргументы, доказывающие правоту обеих сторон. Отмечается положительное значение признания животных субъектами права.

Ключевые слова: субъект права, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, домашние животные.

V.A. Rybakov, Doctor of Juridical Science, assistant-professor

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: Vladimir-40@mail.ru

LEGAL PERSONALITY OF DOMESTIC ANIMALS (IN THE ORDER OF DISCUSSION)

The article deals with the issues of the legal status of animals. Should they be considered subjects of law? Two positions are presented: recognition and rejection. The first is supported by the parliaments of a number of countries: Germany, Austria, Switzerland, etc., as well as the Catholic Church. The second – by the majority of lawyers and citizens of many states. The arguments of both sides are presented. The positive value of the recognition of animals as subjects of law is noted.

Key words: subject of law, legal personality, legal capacity, legal capacity, domestic animal.

Кем и чем является домашнее животное для человека? Субъектом собственности или субъектом жизни? В последнее время этот вопрос приобрел социальную остроту. Многие отрицают такую возможность и необходимость, полагая, что животные не заслуживают рассмотрения с моральной точки зрения, потому что они не способны говорить, обладать свободой воли, не имеют морали, не обладают бессмертной душой. Животные неразумны, поэтому люди не имеют перед ними никаких обязанностей.

В настоящее время ученые-правоведы разрабатывают и оценивают теории, по которым животные будут обладать основными юридическими правами, зачастую по тем же причинам, что и люди, и на основе тех же правовых принципов и ценностей. Этому способствуют научные исследования эмоциональных и социальных способностей животных, а также достижения в области генетики, нейробиологии, физиологии, психологии, многие из которых продемонстрировали положительные результаты. Сопредседатель Российского и Международного социально-экологических союзов В. Бриниха считает, что животное можно сравнить с детьми: они недееспособные субъекты права. Детей защищают от родителей, животных – от собственника [2].

Возможность признания за домашними животными юридических прав подтверждается следующими факторами.

Во-первых, практикой наследования животными. В современной англосаксонской правовой системе практика завещания в пользу животных (субъектов права) весьма распространена. Это обусловлено общей концепцией наследования. Воля покойного здесь практически не ограничена. В качестве основания отмены завещания в суде обычно учитывается только недееспособность завещателя.

В отечественной правовой доктрине известен случай завещания в пользу животного (дворового пса Серка), случившийся в XIX в. в Угличе. Купчиха Мария Леонтьева оставила ему 100 тыс. руб., лишив наследства родственников. Они обжаловали завещание в суде, но процесс проиграли. После смерти пса имущество перешло в пользу города [13].

На Западе признание права наследования животными не вызывает вопросов. Во многих странах мира животные уже давно являются полноправными получателями имущества их хозяина. За точным исполнением воли умершего следят уполномоченные агентства. Они не делают никакого различия между получателями наследства.

Специалисты утверждают, что в Америке насчитывается более миллиона завещаний, в которых упоминаются домашние животные. К примеру, Майкл Джексон оставил любимой обезьяне все деньги, бывшей жене, матери, медсестре не досталось ни цента

[5]. Подобные завещания оспариваются родственниками в суде, но выигрываются процессы у животных очень редко. Максимум, что они могут получить, – небольшая часть завещанного.

Миллионер и кинопродюсер Доркас оставил любимому псу Максимилиану 65 млн долларов, а законной жене – 1 цент. Суд признал завещание законным, тем более что завещатель еще при жизни оформил собаке человеческие документы. Вдова вышла замуж за пса. Брак зарегистрировали, т.к. у животного были человеческие документы. После смерти животного женщина получила наследство [5].

Есть страны, в которых разрешены браки с животными. Подобное супружество официально разрешено в Швеции. Любой желающий может жениться на питомце или выйти замуж за четвероногого друга, когда захочет [14]. Судья Стокгольмского суда, вынося решение, сослался на Конституцию Швеции, в которой нет ни слова о запрете на вступление в брак людей с животными [19]. После вынесенного судом решения в ЗАГСы обратилось около 52 человек с желанием вступить в брак с животными.

Заключение брака между животным и человеком практикуется в Индии. Считается, что такой союз поможет человеку искупить свои грехи или даже избавиться от проклятия [1]. Разрешено жениться на животных и в США. Закон действует с 2004 г., но официальных браков не зарегистрировано.

В 2014 году в Буэнос-Айресе Ассоциация профессиональных адвокатов по правам животных подала в суд ходатайство о незаконном лишении свободы орангутанга Сандры (в зоопарке она провела около 20 лет) [3]. Суд удовлетворил иск. Таким образом, в Аргентине признали, что орангутанг обладает частичными правами человека – является свободной «нечеловеческой личностью», незаконно лишенной свободы. Сандру отправили в один из бразильских заповедников. В 2016 году другой аргентинский судья постановил освободить из зоопарка города Мендоса шимпанзе Сесилию. Сесилию тоже перевели в один из заповедников Бразилии [10].

Во-вторых, признанием наличия у животных души. Этот факт признается во многих странах. В Индии, согласно ведущей религии джайнизму, душой обладает все живое. Отношение к животным в этой стране особенно гуманно, а корова считается священной. За ее убийство грозит до 14 лет лишения свободы. И корова, и другие животные в Индии обладают правом неприкосновенности. Министерство окружающей среды и лесов Индии признало дельфинов личностями, относящимися к человеческому роду [18]. Такое решение стало первым в мире признанием уникального интеллекта у представителей китообразных. В Индии также запретили выступления с участием дельфинов, на-

ходящихся в неволе – в дельфинариях, аквариумах, океанариумах [15].

В Таиланде священными животными и национальным символом страны являются слоны. Они обладают правами, закрепленными законом. Им положен регламентированный рабочий день, который длится не более восьми часов, паспорта и медицинские страховки. Кроме того, работать слонам разрешается лишь с 14 до 60 лет. А в 60 лет они выходят на пенсию, и каждому слону, живущему в неволе, государство выдает довольствие в виде очищенных бананов. Для слонов-пенсионеров в стране построены специальные дома престарелых [18].

Признает душу у собак и католическая церковь. Павел II утверждал, что животные «так же близки Богу, как и люди», и им можно заходить в храм [10]. Папа Римский Франциск заявил, что двери рая открыты для животных: «...придет день, и мы увидим наших животных в вечности Христовой. Рай открыт для всех созданий Божьих» [17].

В-третьих, законодательными актами, закрепляющими за животными права и свободы. Законодательное закрепление по данной тематике прослеживается с начала 2000-х гг. В 2002 году Германия стала первой в мире страной, где права животных защищаются Конституцией. В 2006 году германский Бундестаг принял поправку в Конституцию Германии. В новой редакции статья 20 Конституции ФРГ звучит так: «...государство, сознавая ответственность перед будущим поколением, защищает также естественные основы жизни и животных» [16]. Охрана животных в Германии стала конституционным долгом государства. Соответствующие изменения были внесены в Уголовный и Административный кодексы Германии. В стране действует специальная отрасль права – «Права животных» (Tierrechte).

В Австрии с 1 января 2005 г. действует Австрийский акт, закон о благосостоянии животных [9]. Им запрещено содержать батарейные птицефабрики и фермы интенсивного животноводства, держать на цепи собак, купировать уши и хвосты, продавать котов и собак в магазинах домашних животных, убивать животное без анестезии или оглушения и т.д. [20].

В 2008 году Парламент Испании признал право каждой человекообразной обезьяны на жизнь, свободу и защиту от жестокости, наделил правами на жизнь, наделил орангутанга, шимпанзе и гориллу некоторыми законными правами, ранее предоставленными только людям, принял резолюции, призывающие к этому правительство. Теперь в этой стране запрещены опыты на обезьянах и содержание их в цирке, а также улучшены условия проживания обезьян в зоопарках. Это решение, утверждает А. Михайлова, стало первым в мировой практике актом, уравнивающим в правах человека и животных [12].

В Италии в 2019 г. был представлен на рассмотрение парламентской комиссии по юстиции и правосудию законопроект о защите прав собак [4]. В нем четко прописывается, что домашние животные – «не предметы, а живые существа». Как указывает агентство ANSA, такое закрепленное в законодательстве положение фактически приравнивает права собак (и кошек) к правам детей.

Новая Зеландия официально признала животных разумными существами [11]. В Швейцарии закон о правах животных действует с 2008 г.

В-четвертых, международными актами. 23 сентября 1977 г. в Лондоне Международной лигой прав животных была принята Всемирная декларация прав животных (Universal Declaration of Animal Rights). Пересмотренная Лигой в 1989 г., она была представлена Генеральному директору ЮНЕСКО и обнародована в 1990 г. В ней записано, что все живые существа обладают естественными правами и что любое животное с нервной системой имеет определенные права.

В ноябре 1987 г. была издана Европейская конвенция по защите домашних животных. Конвенцию подписали более двадцати стран. Во Всемирной декларации прав животных записано, что уважение животных человеком является неотъемлемым от уважения человека человеком. Вся животная жизнь имеет право на уважение (ст. 2). Определенный юридический статус животных и их прав должен быть признан законом. Защита и безопасность животных должны быть представлены на уровне правительственных организаций (ст. 9).

Права домашних животных в России. По статье 137 ГК РФ к животным применяются общие правила об имуществе, распространяя на них право собственности, запрещая жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности. Это означает, что животные являются движимыми вещами (имуществом). В отношении животного можно заключить договор купли-продажи, договор дарения, удостоверить доверенность или завещание.

Несмотря на то что животные в гражданском законодательстве России приравниваются к имуществу, это не мешает выделять их в своеобразную категорию одушевленных вещей или предметов. Об одушевленности особого рода имущества – животных – свидетельствует их способность «чувствовать и переживать, реагировать на происходящие события в эмоциональном плане».

Действующее законодательство не признает возможности составления завещания в пользу животного, поскольку согласно доктрине гражданского права оно является объектом, а не субъектом права. Учитывая одушевленность животных, законодатель создал механизм, с помощью которого наследодатель может позаботиться о питомцах на случай своей смерти.

Статья 1139 ГК «Завещательное возложение» предполагает возможность поставить обретение имущества в порядке наследования под условие совершения общественно полезного действия. Завещатель волен обязать наследника содержать и заботиться о своем домашнем животном. Законодатель не ограничивает наследодателя в степени конкретизации обязанностей наследника по поводу животного. Правила ухода могут содержать пункты касательно питания, выгула, посещения ветеринара и пр. Наследодатель также может поручить надзор за выполнением заранее оговоренного плана мероприятий специализированной компании [8].

Как на признание законодателем одушевленности животного, отнесенного к имуществу, свидетельствует п. 2 ст. 231 ГК РФ. Статья предоставляет прежнему собственнику животного право после перехода этого животного в собственность другого лица при наличии обстоятельств, свидетельствующих о сохранении у животного привязанности к прежнему собственнику или о жестоком либо ином ненадлежащем обращении с ним нового собственника, потребовать возврата животного на условиях, определяемых по соглашению с новым собственником, а при недостижении такого соглашения – судом [7].

Если привязанность понимать как желание быть с кем-то вместе, проявляющееся с силой привычки, то животное, по мысли законодателя, может вполне адекватно выражать чувство тоски и грусти, свидетельствующее о его расположении (привязанности) к определенному человеку и желании быть с ним. И наоборот, выказывать злость и вести себя агрессивно по отношению к лицу, которое обращалось с ним жестоко, не заботилось о нем надлежащим образом, или к которому оно еще просто не привыкло. Таким образом, законодатель, пусть и очень осторожно, признал за животными способность иметь и проявлять свою волю.

За и против признания животных субъектами права.

Авторы, признающие животных субъектом права, исходят из того, что это позволит в дальнейшем обосновывать запрет на их усыпление, вводить более строгие санкции за жестокое обращение с животными, поможет формированию уважительного отношения к животным. Расширение круга субъектов права за счет животных позволит:

а) назначать животных прямыми наследниками, а это уже порождает отношения на порядок выше, чем просто завещательное возложение на наследника-лица; при наследовании, скажем, квартиры животное всегда будет иметь кров. Его нельзя будет выгнать на улицу, сдать в приют и т.п. Собака – собственник квартиры;

б) привлекать институт опеки, контроль над опекуном и т.д., что тоже является дополнительным правовым гарантом соблюдения воли наследодателя и интересов животных;

в) привлекать комплекс мер по алиментным обязательствам, и это уже не связано со смертью владельца, а напротив, вызвано неисполнением им обязательств по надлежащему содержанию, ответственности за приобретенное животное [6].

Убедительны аргументы и против признания животных субъектами права. Признавая домашних животных субъектами права, необходимо признавать за ними какие-либо обязанности. Едва ли это возможно.

Если признать животных самостоятельным субъектом права, то следует наделить их ответственностью за причинение вреда жизни и здоровью человека. Как это сделать? Можно уравнивать в правах животных и недееспособных и назначать домашним питомцам опекуна (хозяина). Он и будет нести всю полноту ответственности за животное. При признании за животными некоторого объема дееспособности, точнее деликтоспособности, снова возникают вопросы. К примеру, в случае преступления и к питомцу должны будут применяться меры уголовной ответственности. Но как это преступление квалифицировать и где он должен будет отбывать наказание в местах лишения свободы, например, при смертельном исходе? Или наказание за него будет нести опекун?

У собаки нет ответственности в форме усыпления. Это ответственность не собак, а их хозяев, которая выражается в изъятии и фактически в уничтожении его имущества ввиду недобросовестного владения. Животные не являются субъектом ответственности (т.к. они в настоящий момент не являются субъектом права). Нельзя признать, что усыпление – это вид ответственности животных. Это вид ответственности хозяев. Причем вид гражданско-правовой ответственности.

Теоретически можно наделить животных правоспособностью, но дееспособностью они не могут быть наделены. В любом случае за них их права будет реализовывать хозяин. Поэтому животные должны оставаться объектами права.

Следует ли разрешить наследование животными? Многие российские граждане предлагают признать за ними это право. Они хотят, чтобы после смерти владельца их домашние питомцы продолжали жить в хороших условиях. Но данную проблему можно решить в рамках действующего законодательства. В Гражданском кодексе РФ записано: «Завещатель вправе также возложить на одного или нескольких наследников обязанность содержать принадлежащих завещателю домашних животных, а также осуществлять необходимый надзор и уход за ними» (п. 1 ст. 1139).

Литература

1. Браки с животными: где разрешены, законы. URL: <http://www.4lapki.com/2019/08/braki-s-zhivotnymi>.
2. Бурмистрова Ю. Пять свобод для животных. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=12305>.
3. В Аргентине признали право орангутанга на личную свободу. Court in Argentina grants basic rights to orangutan. URL: https://lenta.ru/news/2014/12/22/orangutan_argentina/.
4. В Италии представили законопроект о защите прав собак. URL: tass.ru/obschestvo/7148851.
5. В мире стали чаще оставлять наследство домашним животным. Энциклопедия МИП. URL: <https://www.advokat-malov.ru/enciklopediya-mip.html>.
6. Волос А. Животные – субъект права? Онлайн-конференция. URL: <https://zakon.ru/discussion/2012/1/30/zhivotnye>.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 231.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019). Ст. 1139.
9. Закон и животное // Австрийский акт о благосостоянии животных. URL: https://vk.com/wall-51314884_6112.
10. Как защищают животных в разных странах мира. URL: <http://www.sobakibalabaki.com/kak...zhivotnyh-v-raznyh-stranah>.
11. Лучшие страны по уровню отношения к животным. World Animal Protection. URL: <https://pooha.net/society/countries/233>.
12. Михайлова А. Хвостатый страдалец: как защищаются права. URL: <https://pravo.ru/story/208605>.
13. Наследство Майкла Джексона: папе – кукиш, обезьяне – 2 миллиона долларов. URL: <https://www.omsk.kp.ru/daily/24326/517857>.
14. Необычное супружество: кто вступает в брак с животными и где это разрешено. URL: <https://kot-pes.com/braki-s-zhivotnymi-gde-razresheny>.
15. Новая Зеландия официально признала животных разумными существами. URL: <http://www.greenbelarus.info/articles/10-01-2017>.
16. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument.
17. Папа Римский признал у животных наличие души. URL: <http://www.greenbelarus.info/articles/20-06-2017>.
18. Права животных в разных странах. URL: <http://www.kote.mirtesen.ru/43809195874>.
19. Шведка добилась разрешения на брак с конем. URL: <http://www.news.myseldon.com/ru/news/index/220748176>.
20. Federal Act on the Protection of Animals (Animal Protection Act TSchG). Архивная копия от 30 сентября 2007 г. на Wayback Machine.

Административное право и административный процесс

УДК 342.951:351.74

А.Г. Бачурин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: vooky22@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ И ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОХРАНЕ ПРАВОПОРЯДКА НА МАССОВЫХ И ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

В статье рассматриваются отдельные аспекты взаимодействия полиции и Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по обеспечению правопорядка при проведении массовых и публичных мероприятий. Раскрывается нормативная правовая основа данной деятельности. Указываются функции Росгвардии в сфере охраны правопорядка на массовых и публичных мероприятиях, а также подразделения, их выполняющие. Отмечается, что особая роль в силовой составляющей охраны правопорядка на массовых и публичных мероприятиях принадлежит отрядам мобильным особого назначения Росгвардии. Выделяются цель и задачи взаимодействия. Рассматривается содержание мероприятий по взаимодействию, исходя из которого совместные действия полиции и Росгвардии распределяются по пяти группам. Анализ содержания данных мероприятий позволяет сделать вывод о существующих пробелах в правовом регулировании.

Ключевые слова: МВД России, Росгвардия, полиция, взаимодействие, правопорядок, массовые и публичные мероприятия, ведомственное подчинение, оперативное управление, правовые пробелы, ведомственные нормы права.

A.G. Bachurin, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vooky22@yandex.ru

INTERACTION OF THE POLICE AND THE FEDERAL NATIONAL GUARD TROOPS SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PROTECTION OF LAW AT MASS AND PUBLIC EVENTS

The article examines certain aspects of interaction between the police and the Federal National Guard Troops Service of the Russian Federation to ensure law and order during mass and public events. The normative legal basis of this activity is considered. The functions of the Federal National Guard Troops Service in the field of law and order protection at mass and public events, as well as their units, are indicated. A special role in the power component of the protection of law and order at mass and public events belongs to the mobile special forces of the Federal National Guard Troops Service. The goal and objectives of interaction are highlighted. The content of interaction measures is considered, on the basis of which the interacting measures of the police and the Federal National Guard Troops Service are divided into five groups. Analysis of the content of the activities carried out allows us to draw a conclusion about the existing gaps in legal regulation.

Key words: Ministry of Internal Affairs of Russia, Federal National Guard Troops Service, police, interaction, law and order, mass and public events, departmental subordination, operational management, legal gaps, departmental norms of law.

5 апреля 2016 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 157 [2] была создана новая правоохранительная структура – Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия).

Пресс-секретарем Президента России Д. Песковым отмечалось, что главная цель создания данного органа – повышение эффективности обеспечения государственной безопасности [19].

Служба была создана на базе внутренних войск Российской Федерации. Внутренние войска Российской Федерации традиционно осуществляли охрану общественного порядка путем несения патрульно-постовой службы в населенных пунктах и обеспечивали общественную безопасность при массовых и публичных мероприятиях.

В состав войск национальной гвардии также вошли полицейские подразделения, осуществляющие функции контроля в сфере оборота оружия, контроля за частной детективной и охранной деятельностью, вневедомственная охрана полиции, специальные отряды быстрого реагирования (СОБР), отряды мобильные особого назначения (ОМОН), а также авиационные подразделения МВД России.

Основой нормативного регулирования деятельности нового правоохранительного органа стал Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [7] (далее – ФЗ № 226). Данный закон определяет задачи, состав, принципы деятельности и полномочия войск национальной гвардии.

К числу основных функций, реализуемых подразделениями национальной гвардии, относятся охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, в т.ч. путем пресечения беспорядков и иных групповых насильственных действий, а также противоправных деяний, нарушающих движение транспорта, работу средств связи и организаций при массовых мероприятиях различного характера. Так, только в 2019 г. сотрудники Росгвардии приняли участие в обеспечении усиленных мер безопасности в период проведения более полумиллиона массовых мероприятий [5].

Именно сотрудники такого подразделения Росгвардии, как ОМОН, имеют особую подготовку, снаряжение и технику, предназначенную для пресечения массовых беспорядков.

Подразделения ОМОН появились в структуре советской милиции в 1988 г. с изданием приказа МВД СССР № 0206 [11], в котором указывалось их предназначение – пресечение групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков.

Сотрудники ОМОН для обеспечения общественного порядка на массовых мероприятиях имеют право применять физическую силу, специальные

средства и в исключительных случаях огнестрельное оружие, в т.ч. при массовом скоплении граждан, для пресечения террористических атак, групповых или вооруженных нападений. Инженерно-технические подразделения ОМОН проводят обследование местности, объектов проведения массовых мероприятий на предмет возможного обнаружения взрывных устройств [3, с. 7]. Так, в 2019 г. было обследовано более 52 тысяч объектов.

Кроме сотрудников специальных подразделений, к охране общественного порядка на массовых и публичных мероприятиях в зависимости от их масштаба могут быть привлечены военнослужащие воинских частей Росгвардии. Как правило, они задействуются при оцеплении зоны безопасности массовых акций.

Участие сотрудников (военнослужащих) Росгвардии в охране правопорядка на массовых и публичных мероприятиях должно быть реализовано в тесном взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) в порядке, прописанном в совместных ведомственных нормативных правовых актах.

Согласимся, что «прямая цель взаимодействия – это создание кооперационного состояния исполнителей» [20, с. 230].

Данное взаимодействие осуществляется при решении следующих основных задач:

1. Обеспечение безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий.

2. Содействие организаторам спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка при проведении таких мероприятий.

Указанные выше задачи решаются посредством выполнения ряда согласованных действий.

1. Разработка планов совместных действий по обеспечению правопорядка.

Межведомственный план, предусматривающий реализацию мероприятий с иными федеральными органами государственной власти, в частности с Росгвардией, готовится на основании положений ведомственного приказа [12]. В нем должны отражаться содержание и последовательность готовящихся мероприятий с указанием конкретных ответственных исполнителей и соисполнителей со стороны как полиции, так и Росгвардии. Указываются сроки исполнения мероприятий и их ожидаемый результат. Запланированные мероприятия должны соответствовать требованиям законодательных и иных нормативных правовых актов, иметь комплексный характер и определенную последовательность выполнения.

Упомянутый межведомственный план разрабатывается, как правило, на год и предусматривает все

направления взаимодействия территориальных органов МВД и Росгвардии России. В рамках подготовки к конкретной массовой акции издается такой управленческий документ, как перечень мероприятий, с требованиями по оформлению и содержанию, аналогичными межведомственным планам. Перечень мероприятий охраны правопорядка при проведении массовой акции в зависимости от её масштаба готовится исходя из предложений такого временного органа управления, как оперативный штаб, и утверждается руководителем территориального органа МВД России соответствующего уровня. Оперативный штаб является органом оперативного управления силами и средствами территориальных подразделений МВД России и приданных служб иных федеральных органов исполнительной власти [1, с. 17]. Так, в него входят представители различных ведомств, ответственных за состояние правопорядка, в частности МВД и Росгвардии.

2. Подготовка личного состава к выполнению задач по обеспечению правопорядка в рамках единых учений и инструктажей.

Отметим, что качественная подготовка личного состава к несению службы по охране правопорядка на массовом мероприятии является залогом эффективности их деятельности. Такая подготовка традиционно включает в себя совещания руководящего и рядового состава МВД и Росгвардии, инструктажи нарядов, штабные тренировки и тренировки на местности.

В ходе совещаний и инструктажей сотрудникам доводится программа массового мероприятия, представляется план-схема территории с указанием участков (секторов), подлежащих охране, их границ, маршрутов патрулирования. Определяются пункты размещения органов управления, резерва, места парковок служебного транспорта, схемы ограничения дорожного движения и др. Личному составу подробно разъясняются права и обязанности, алгоритмы действий, доводятся место сбора для несения службы, форма одежды и снаряжение.

Совместные тренировки личного состава проводятся на учебных полигонах путем использования ранее наработанных типовых схем тактических действий и приемов, а также непосредственно на месте предполагаемой массовой акции.

3. Взаимное содействие задействованных нарядов полиции и Росгвардии.

Подобное содействие осуществляется в рамках распределения задач взаимной страховкой, оказанием непосредственной поддержки. Так, сотрудники патрульно-постовой службы полиции проводят задержание правонарушителей, а бойцы ОМОН или военнослужащие Росгвардии находятся в резерве, оказывая силовую поддержку в случаях необходимо-

сти. Например, при агрессивных действиях толпы, нападениях на сотрудников полиции.

4. Обмен информацией в рамках совместной служебной деятельности.

Согласимся, что «информационный обмен правоохранительных органов – один из эффективных инструментов взаимодействия, так как каждый из правоохранительных органов имеет собственные источники получения информации, методы ее обработки, хранения и использования» [4, с. 10]. В настоящее время система межведомственного взаимодействия ориентирована на электронные каналы связи и получила название «ВИС-СМЭВ». Она включена в единую систему межведомственного электронного взаимодействия, положение о которой предусмотрено Постановлением Правительства Российской Федерации [4]. Данная система предназначена для обеспечения взаимодействия информационных ресурсов МВД России с информационными ресурсами иных органов власти [6], в т.ч. и с Росгвардией. Основными функциями ВИС-СМЭВ являются:

- прием и отправка запросов и ответы на них в электронной форме, их учет;
- получение необходимой для оказания государственных и муниципальных услуг информации;
- аутентификация документов, оформленных в электронном виде.

В рамках деятельности по обеспечению правопорядка на массовых мероприятиях, как правило, происходит информационный обмен о возможных угрозах безопасности [1, с. 85]. Например, о готовящихся преступных действиях, в т.ч. об экстремистских, террористических проявлениях, групповых нарушениях общественного порядка. Кроме того, полиция в инициативном порядке передает данные о лицах, совершивших административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность при проведении общественно-политических или спортивно-массовых мероприятий, и состоящих на профилактическом учете [9].

Соответственно, оперативность и качество обмена подобной информацией автоматически будут означать и повышение эффективности процессов взаимодействия.

5. Организация и утверждение схем связи.

Организация схемы связи зависит от характера выполняемых задач и содержания выполняемых мероприятий по обеспечению правопорядка на массовой акции. Ответственность за организацию и обеспечение бесперебойной связи с подчиненными подразделениями возлагается на соответствующих руководителей МВД и Росгвардии России.

Подразделениям, задействованным в обеспечении правопорядка, исходя из состояния оперативной обстановки и существующей схемы организа-

ции связи присваиваются радиопозывные, выдаются переговорные таблицы и коды для шифрования переговоров. Сотрудникам напоминаются правила и порядок ведения переговоров по средствам связи. Предусматриваются и запасные каналы связи, в т.ч. сигнальные средства связи, а также могут использоваться специально выделенные посыльные на транспортных средствах или в пешем порядке. Кроме того, связь между непосредственно взаимодействующими подразделениями полиции и Росгвардии может поддерживаться с помощью зрительных или звуковых сигналов.

Технические вопросы, связанные с применением средств связи в территориальных органах МВД России, регламентируются ведомственным приказом [16].

6. Совместное использование банков данных МВД России и Росгвардии.

Согласно положениям статьи 13 ФЗ «О полиции», статьи 14 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» полиция и Росгвардия имеют право вести и использовать банки данных оперативно-справочной, криминалистической, экспертно-криминалистической, розыскной и иной информации о лицах, предметах и фактах; использовать банки данных других государственных органов и организаций, в т.ч. персональные данные граждан [10]. Организующие и координирующие функции в процессе использования банков данных возложены на соответствующие подразделения: информационные центры МВД и центры информационных технологий войск национальной гвардии Российской Федерации. Названные подразделения ведут банки данных, отвечают за формирование архивных фондов, осуществляют сбор, накопление и обработку статистической информации; выдают в установленном порядке сотрудникам полиции и Росгвардии запрашиваемую информацию.

Таким образом, взаимодействие полиции и Росгвардии по обеспечению правопорядка на массовых и публичных мероприятиях представляет собой совокупность определенных действий по разработке планов, подготовке личного состава, взаимному содействию и обмену информацией, организации и утверждению схем связи, а также использованию банков данных. Такое взаимодействие осуществляется в рамках задач, направленных на обеспечение безопасности граждан, общественного порядка и общественной безопасности. Эффективность решения названных задач зависит от совместного нормотворчества полиции и Росгвардии, которое страдает отдельными недостатками, отражающимися в практической деятельности.

Так, в настоящее время на основании ч. 1 ст. 1 и п. 5 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» именно полиция

объявлена как основной правоохранительный орган, ответственный за состояние правопорядка на улицах и в иных общественных местах. Для исполнения названной обязанности ведомственными нормативными правовыми актами МВД России определены основы организации использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации. Приказом МВД России от 25 ноября 2019 г. № 879 утверждено Наставление об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах. В состав сил и средств, привлекаемых к обеспечению правопорядка, входят строевые подразделения полиции, а также иные силы и средства, поступившие в оперативное подчинение территориальных органов МВД России на основе «Плана использования сил и средств по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах» [13]. Оперативное подчинение предполагает применение привлеченных сил и средств иных правоохранительных органов по решениям и планам соответствующих руководителей МВД России.

К числу подразделений, находящихся в оперативном подчинении, относятся строевые подразделения вневедомственной охраны [15] и военнослужащие Росгвардии, выполняющие функции патрулирования в населенных пунктах или на объектах транспорта. По заявкам руководителей территориальных органов МВД России при проведении специальных операций, а также для силовой поддержки органов внутренних дел могут привлекаться сотрудники СОБР и ОМОН.

Однако реальность такова, что число нарядов, задействованных для охраны правопорядка на улицах и в иных общественных местах, явно недостаточно для оперативного реагирования на нарушения общественного порядка, на поступающие сообщения о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях. Данная ситуация усугубляется значительным некомплектом личного состава в полиции. Как подчеркивал В.А. Колокольцев, подводя итоги деятельности подчиненного министерства за 2020 г., в настоящее время «некомплект составляет порядка семидесяти тысяч сотрудников» [18]. Прежде всего названный некомплект затронул патрульно-постовую службу и участковых уполномоченных полиции. Плотность нарядов полиции в городах крайне низкая, а в сельской местности есть территории, на которых вообще не представлены полицейские силы.

На ситуацию, связанную с крайне низкой плотностью полицейских нарядов, накладывается то, что строевые подразделения вневедомственной охраны Росгвардии, находящиеся в оперативном подчинении территориальных органов МВД России, должны в приоритетном порядке выполнять собственные зада-

чи. К числу таких задач относятся охрана имущества или объектов, пресечение правонарушений, совершаемых в отношении имущества, а также реагирование на сигналы «Тревога» с охраняемых объектов. Соответственно, сообщения о преступлениях, об административных правонарушениях, происшествиях, поступившие из дежурных частей полиции, в т.ч. и о противоправных деяниях на массовых и публичных мероприятиях, обрабатываются по остаточному принципу.

Стоит указать и на отдельный ведомственный приказ МВД России [14], определяющий тактические действия по обеспечению правопорядка при проведении публичных и массовых мероприятий, который содержит лишь самые общие положения, касающиеся возможности привлечения сил Росгвардии. По нашему мнению, столь важное направление

деятельности, как охрана правопорядка на массовых и публичных мероприятиях, должно быть детально регламентировано совместным приказом МВД и Росгвардии России. Это, несомненно, будет способствовать оперативному привлечению достаточных сил и средств в целях обеспечения безопасности граждан и общественного порядка на массовых и публичных мероприятиях.

Резюмируя изложенное в данной статье, отметим: повышение уровня правопорядка на массовых и публичных мероприятиях, помимо всего прочего, зависит от совершенствования механизма взаимодействия Росгвардии и МВД России. Существующие пробелы в нормах права отражаются на работе названных ведомств и ее результатах, что свидетельствует о необходимости переработки, оптимизации и принятии новых нормативных правовых актов.

Литература

1. Бачурин А.Г. Угрозы безопасности при проведении спортивных мероприятий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы девятнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. Ч. 1. С. 84-86.

2. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40689> (дата обращения: 14.04.2021).

3. Горошко В.В., Нестеренко А.Н. Применение инженерно-технических подразделений ОМОН при обеспечении безопасности массовых мероприятий // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2019. № 2 (2). С. 6-9.

4. Горяинов К.К., Косоногов Д.А. Взаимодействие подразделений собственной безопасности ФСИН России с иными правоохранительными органами // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 3. С. 9-12.

5. Итоги служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации в 2019 году. URL: <https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/materialy-k-itogovomu-zasedaniyu-kollegii-rosgvardii> (дата обращения: 14.04.2021).

6. О вводе в эксплуатацию системы обеспечения предоставления информации МВД России в рамках межведомственного электронного взаимодействия МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17 июня 2013 г. № 446. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226. URL: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/51/5050544510601047.html> (дата обращения: 14.04.2021).

8. О единой системе межведомственного электронного взаимодействия [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об объявлении дня отрядов мобильных особого назначения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 1 марта 2002 г. № 190. Доступ из справ.-правовой системы «Страс Юрист».

12. Об организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 1 октября 2020 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об утверждении Наставления об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 879. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Об утверждении Наставления об организации деятельности по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка при проведении публичных и массовых мероприятий: приказ МВД России от 4 октября 2019 г. № 682дсп (документ официальному опубликованию не подлежит).

15. Об утверждении Наставления по организации службы строевых подразделений вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Росгвардии от 21 сентября 2018 г. № 420. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Об утверждении Наставления по технической эксплуатации средств связи и автоматизации территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 ноября 2016 г. № 772. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении Положения об Оперативном штабе Министерства внутренних дел Российской Федерации при возникновении чрезвычайных обстоятельств, Типовых положений об оперативных штабах (группах управления) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации при возникновении чрезвычайных обстоятельств (чрезвычайных ситуаций) [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 31 декабря 2020 г. № 927. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/23305248/> (дата обращения: 14.04.2021).

19. Официальный сайт Новостного агентства ЛЕНТА. RU. URL: https://lenta.ru/news/2016/04/05/peskov_guard/ (дата обращения: 14.04.2021).

20. Хмелев Ю.В., Дубровин А.К. Организация исполнения управленческих решений и обеспечение взаимодействия в подразделениях полиции и Росгвардии // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности: мат-лы межвузовской научно-практ. конф-ции. Иркутск, 2017. С. 229-231.

УДК 342.924:343.54

М.А. Бучакова, доктор юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: tb290163@mail.ru;

А.А. Гайдуков, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: gaidukow28@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Авторами проводится сравнительный анализ административного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, направленного на предупреждение насилия в семье. Учитывая сложность и комплексность проблемы насилия в семье, органы внутренних дел Республики Беларусь наделены необходимыми правовыми инструментами, оказывающими непосредственное воздействие на правонарушителя. Административно-правовые средства, применяемые органами внутренних дел в России и Республике Беларусь, во многом демонстрируют схожесть форм и методов воздействия. Вместе с тем опыт работы органов внутренних дел Республики Беларусь по применению мер индивидуальной профилактики показывает, что они подкреплены силой государственного принуждения.

Ключевые слова: административно-правовые средства, защитное предписание, лечебно-трудовой профилакторий, профилактическая беседа, официальное предостережение, семейно-бытовые отношения, противодействие семейному насилию, общая и индивидуальная профилактика правонарушений.

М.А. Buchakova, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

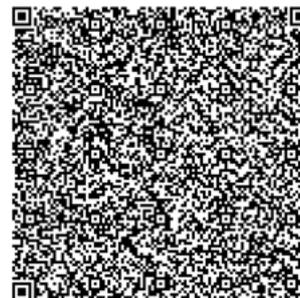
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: mbuchakova@mvd.ru;

A.A. Gaidukov, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: gaidukow28@mail.ru

COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE BY ADMINISTRATIVE LEGAL MEANS: EXPERIENCE OF APPLICATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

The authors conduct a comparative analysis of the administrative legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus aimed at preventing domestic violence. Given the complexity and complexity of the problem of domestic violence, the internal affairs bodies of the Republic of Belarus are endowed with the necessary legal instruments that have a direct impact on the offender. In the Republic of Belarus, the problem of domestic violence has gone beyond the framework of frequent relationships between family members, in this regard, combating domestic violence is aimed not only at the specific person who committed the offense, but also at potential victims. The administrative and legal means used by the internal affairs bodies in Russia and the Republic of Belarus demonstrate in many respects the similarity of the forms and methods of influence. At the same time, the experience of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus in the application of individual prevention measures shows that they are supported by the force of state coercion: involuntary treatment for alcoholism and drug addiction; administrative liability for violation of a protective order.

Key words: administrative and legal means, restraining order, medical and labor dispensary, preventive conversation, official warning, family and domestic relations, combating domestic violence, general and individual prevention of offenses.

Противодействие насилию в семье является одной из актуальных и общественно значимых проблем в Российской Федерации и Республике Беларусь. В научных исследованиях по данной проблематике неоднократно обращалось внимание на несовершенство действующего законодательства в сфере противодействия домашнему насилию как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь. В этой связи достаточно важными и практически значимыми для правоохранительной деятельности являются вопросы правового регулирования, связанного с противодействием насилию в семье.

Основополагающие правовые начала защиты семьи заложены в конституциях Российской Федерации и Республики Беларусь. Согласно ст. 38 Конституции РФ семья находится под защитой государства, которое обеспечивает приоритет семейного воспитания. Вопросы защиты семьи и института брака как союза мужчины и женщины находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ч. 4 ст. 67.1, п. ж.1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ) [5]. Аналогичные нормы представлены в ст. 32 Основного закона Республики Беларусь. Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Супруги имеют равные права в семейных отношениях. Элементами правового статуса родителей являются воспитание, а также забота о здоровье, развитии и обучении детей. В обязанности детей входит забота и помощь родителям [4].

Реализация конституционных положений о защите семьи нашла отражение в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ). Семейное законодательство исходит из необходимости всестороннего укрепления семейных отношений и недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. СК РФ, не конкретизируя содержание понятия «семья», указывает на необходимость построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения. Супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей (ч. 3 ст. 31 СК РФ) [18].

Конституционные положения о защите семьи реализованы в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-з и других нормативных актах. Кодекс закрепил официальное понятие семьи, включив в него духовные и материальные (бытовые) элементы, составляющие основу семейно-бытовых отношений. Семейное законодательство Республики Беларусь трактует понятие семьи как «объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления»

[2]. Дополняет семейное законодательство Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-3 «О демографической безопасности Республики Беларусь». В соответствии со ст. 5 указанного документа основной задачей демографической безопасности страны является формирование у граждан высоких духовно-нравственных стандартов в области семейных отношений, повышающих престиж семьи в обществе [7].

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [12] укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей являются частью мероприятий по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей страны. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 относит к национальным интересам страны охрану здоровья матери и ребенка, а также укрепление института семьи. В этой связи главным приоритетом государственной политики является всестороннее стимулирование рождаемости и повышение престижа крепкой семьи [6].

Созданная в Российской Федерации и Республике Беларусь система противодействия насилию в семье носит преимущественно административно-правовой характер. Так, в Российской Федерации Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [10] определил предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений основным направлением деятельности, наделив сотрудников необходимыми полномочиями, в т.ч. для противодействия насилию в семье. По данным ФКУ ГИАЦ МВД России, в 2020 г. было совершено 28 892 преступления в сфере семейно-бытовых отношений, из них в отношении женщин – 20 091, в отношении несовершеннолетних – 2323. Состояли на учете в органах внутренних дел как лица, допускающие правонарушения в семейно-бытовой сфере, 54 308 граждан.

В Республике Беларусь ключевая роль в противодействии насилию в семье отводится также нормам административного права, которые определяют полномочия органов внутренних дел как основного субъекта предупреждения и пресечения противоправных деяний в рассматриваемой сфере. Применительно к сфере семейно-бытовых отношений основной задачей органов внутренних дел, согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [13], является защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан и их личной безопасности. В их функциональные обязанности входит выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений, в т.ч. в сфере семейно-бытовых отношений, а также принятие мер общей и индивидуальной профилактики,

предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь.

Базовые требования по реализации мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений в семейно-бытовой сфере содержатся в отраслевых законах двух государств. Так, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [15] определил формы профилактического воздействия, применяемые к лицам, допускающим правонарушения в семейно-бытовой сфере. К ним относятся: профилактический учет; профилактическая беседа; правовое просвещение и правовое информирование; объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. Однако данный нормативный акт не отнес противодействие насилию в семье к основным направлениям профилактики правонарушений.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь базируется на основных положениях Закона от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Закон содержит понятийный аппарат, конкретизирующий деяния, относящиеся к насилию в семье, а также перечень лиц, в отношении которых оно совершается (близкие лица). Насилием в семье считаются умышленные действия физического, психологического, сексуального характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания. К членам семьи относятся близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы [14]. В целях недопущения противоправного поведения гражданами и совершения правонарушений органы внутренних дел вправе применять меры общей и индивидуальной профилактики. Одной из мер общей профилактики насилия в семье, входящих в компетенцию участкового инспектора милиции, является правовое просвещение граждан. В обязанности инспектора входит выступление перед населением по месту жительства, в трудовых коллективах, учреждениях образования, в средствах массовой информации с беседами и лекциями по вопросам профилактики правонарушений. Отдельным блоком в ст. 17 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» представлены основные профилактические мероприятия по предупреждению насилия в семье. В соответствии с требованиями данного нормативного правового акта органы внутренних дел не только непосредственно противопоставляют насилию в семье, но и консолидируют и координируют других субъектов

профилактики. По данным МВД Республики Беларусь, ежегодно в органы внутренних дел поступает около 120 тысяч обращений о случаях домашнего насилия. Сотрудниками органов внутренних дел применено более 6,8 тысяч защитных предписаний к гражданам, совершившим насилие в семье, в т.ч. более 6 тысяч с обязанностью покинуть жилое помещение [1, с. 147].

Органы внутренних дел принимают меры по выявлению и устранению причин насилия в семье и условий, ему способствующих. В их компетенцию входит выявление любых фактов насилия в семье, систематизация информации и учета сведений о правонарушителях, а также организация деятельности по оказанию помощи жертвам насилия. Органы внутренних дел осуществляют подготовку материалов о признании граждан ограниченно дееспособными, применении принудительных мер безопасности, об изъятии ребенка из семьи без лишения родительских прав, о лишении родительских прав, лечении лиц, страдающих психическими расстройствами. Сотрудники разъясняют гражданам, пострадавшим от насилия в семье, их право обратиться с заявлением о возбуждении уголовного дела либо с заявлением об административном правонарушении, информируют их об организациях, в которых оказывается помощь пострадавшим от насилия в семье. На лиц, совершивших семейное насилие, распространяются все меры индивидуальной профилактики: профилактическая беседа, официальное предупреждение, профилактический учет, защитное предписание.

Детально процесс применения форм профилактического воздействия, мер индивидуальной профилактики, а также задачи подразделений органов внутренних дел представлены в ведомственных нормативных актах МВД России и Республики Беларусь. Главным субъектом предупреждения и пресечения правонарушений в семейно-бытовой сфере в Российской Федерации является участковый уполномоченный полиции, основными задачами которого, согласно приказу МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», являются: выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений, принятие мер по их устранению; выявление и постановка на профилактические учеты лиц, имеющих намерение совершить преступление; принятие мер превентивного характера в целях предупреждения тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан [8].

Нормативным актом, определяющим механизм проведения индивидуальной профилактической работы участкового уполномоченного полиции с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере, является приказ МВД России от

29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [9]. Данный документ регламентировал основания для постановки на профилактический учет граждан рассматриваемой категории, содержание индивидуальной профилактической работы и необходимость применения форм воздействия на правонарушителя. Индивидуальная профилактическая работа с лицами указанной категории проводится в течение одного года и может продлеваться на основании поступившего в отношении данной категории лиц заявления (сообщения) о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии при подтверждении допущенного ими факта правонарушения в семейно-бытовой сфере. Участковый уполномоченный полиции посещает лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, по месту их жительства или пребывания не реже одного раза в квартал.

Рассмотрим более подробно применение форм профилактического воздействия на лиц указанной категории. Профилактический учет носит информативный характер и обусловлен необходимостью накопления, систематизации и доведения до должностных лиц субъектов профилактики в целях служебного пользования информации о лицах, совершивших либо склонных к совершению правонарушений в семейно-бытовой сфере. Профилактическая беседа является базовым средством убеждения, направленным на предотвращение повторных правонарушений. Объявление официального предостережения также входит в компетенцию участкового уполномоченного полиции, однако данная мера не предполагает дополнительных мер юридической ответственности за ее нарушение. По данным ФКУ ГИАЦ МВД России, за 2019, 2020 гг. и первое полугодие 2021 г. ни одного официального предостережения лицам указанной категории, состоящим на профилактическом учете, вынесено не было. Несмотря на то что индивидуальная профилактическая работа является разновидностью контрольно-надзорной деятельности, она недостаточно подкреплена мерами административного принуждения.

В Республике Беларусь непосредственно вопросами противодействия насилию в семье занимается милиция общественной безопасности в лице участковых инспекторов милиции, сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и должностных лиц инспекции по делам несовершеннолетних.

Организация деятельности органов внутренних дел по профилактике семейного насилия представлена в Приказе МВД Республики Беларусь от 29 марта 2019 г. № 70 «Об утверждении Инструкции об организации работы органов внутренних дел по

профилактике правонарушений» [16]. В документе определен порядок постановки, продления и снятия лица с профилактического учета, представлен механизм объявления официального предупреждения, регламентирована процедура вынесения защитного предписания.

Участковый инспектор милиции с целью предупреждения насилия в семье обязан проводить профилактические беседы; объявлять гражданам официальные предупреждения, вручать гражданам их копии; вручать определенной категории лиц копии решений об осуществлении профилактического учета; объявлять гражданам защитные предписания и вручать их копии; осуществлять контроль за соблюдением установленных запретов и обязанностей. В обязанности участкового инспектора милиции входит выявление семей, в которых дети находятся в социально опасном положении [17]. В случаях, когда причинами семейного насилия является хронический алкоголизм или наркомания, участковый инспектор милиции ведет подготовку материалов для принятия решений о признании судом лица ограниченно дееспособным либо о направлении в лечебно-трудовой профилакторий [11].

Анализ национального законодательства Республики Беларусь, связанного с профилактикой насилия в семье, подчеркивает многообразие и неоднородность нормативных правовых актов различного уровня. Учитывая сложность и комплексность проблемы насилия в семье, органы внутренних дел Республики Беларусь наделены необходимыми правовыми инструментами, оказывающими непосредственное воздействие на правонарушителя. К ним относятся помещение в лечебно-трудовой профилакторий, привлечение к административной ответственности по ч. 2 ст. 10.1 КоАП Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 91-3 за нарушение защитного предписания, нанесение побоев, не повлекших причинения телесных повреждений, причинение боли, физических или психических страданий, совершенных в отношении члена семьи [3]. В Республике Беларусь проблема насилия в семье вышла за рамки частных взаимоотношений между членами семьи, в этой связи противодействие насилию в семье направлено не только на конкретное лицо, допустившее правонарушение, но и на потенциальных жертв. Таким образом, был закреплен круг участников семейно-бытовых отношений, между которыми возможно проявление насилия, что очень важно для мониторинга и прогнозирования уровня правонарушений в исследуемой сфере.

Несмотря на разнообразное количество мер профилактического воздействия, закрепленных в действующем законодательстве Российской Федерации по вопросам противодействия насилию в семье, ра-

нее приведенная статистика свидетельствует об активизации работы полиции в данном направлении. Принимаемые меры не всегда соразмерны конкретной жизненной ситуации, сложившейся в семье. В этой связи следует вернуться к вопросу о включении противодействия насилию в семье в основные направления профилактики правонарушений, предусмотренных ст. 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Отсутствие законодательного определения семьи в СК РФ затрудняет установление круга лиц, подпадающих под данное понятие, что в значительной степени затрудняет мониторинг и прогнозирование противоправных деяний в рассматриваемой сфере, а также выбор необходимых форм профилактического воздействия. В свою очередь, легальная трактовка понятия «семья» в Республике Беларусь позволила выделить специальных субъектов правоотношений и дифференцировать административно-правовые деликты и преступления в сфере семейно-бытовых отношений, что нашло непосредственное отражение в уголовном и административном законодательстве. Полагаем, что выделение специального субъекта правонарушений, совершенных в семейно-бытовой

сфере, требует соответствующего закрепления в нормах законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях.

Таким образом, анализ российского и белорусского законодательства в сфере противодействия насилию в семье показывает значимость данной проблематики для обоих государств, что подтверждается достаточным количеством правовых актов. Административно-правовые средства, применяемые органами внутренних дел в России и Беларуси, демонстрируют во многом схожесть форм и методов воздействия. Вместе с тем опыт работы органов внутренних дел Республики Беларусь по применению мер индивидуальной профилактики показывает, что они подкреплены силой государственного принуждения (ограничение в правах, недобровольное лечение от алкоголизма и наркомании, административная ответственность). В настоящее время в Российской Федерации, несмотря на существующие меры уголовной и административной ответственности, применяемые государством к правонарушителям, недостаточно административно-правовых средств, способных полностью повлиять на поведение лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, либо устранить причины и условия такого поведения.

Литература

1. Ковалев В.М., Горностаева М.А. Некоторые аспекты совершенствования законодательства по противодействию насилию в семье // Вестник МГУП. 2019. № 2 (27). С. 145-151.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-з. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900278>.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/НК2100091_1611262800.pdf.
4. Конституция Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>.
5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>.
7. О демографической безопасности Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=Н10200080>.
8. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них: Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=Н11000104>.
12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700263>.
14. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11400122_1389733200.pdf.
15. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Об утверждении Инструкции об организации работы органов внутренних дел по профилактике правонарушений: приказ МВД Республики Беларусь от 29 марта 2019 г. № 70. Документ не опубликован.
17. Об утверждении Инструкции по организации деятельности участкового инспектора милиции: приказ МВД Республики Беларусь от 28 июня 2019 г. № 177. Документ не опубликован.
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 351.74(470.630)

Д.В. Вечерникова, канд. юрид. наук
Краснодарский университет МВД России
E-mail: dinvech2@yahoo.com;

О.М. Пономарева, канд. пед. наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
E-mail: gaidukova_om@mail.ru;

Е.А. Петрова, канд. полит. наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
E-mail: elena_kleshchar@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОХРАННО-КОНВОЙНОЙ СЛУЖБЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

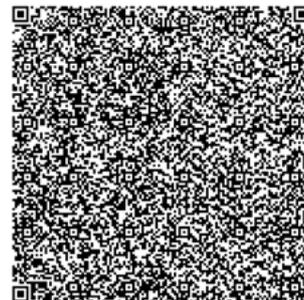
В статье авторы определяют задачи, основные направления деятельности подразделений охранно-конвойной службы полиции, подвергают анализу проблему реализации охранно-конвойных полномочий полиции, которую они пытаются разрешить через рассмотрение основных категорий «охрана подозреваемых и обвиняемых», «конвоирование», «режим содержания подозреваемых и обвиняемых». Также проводят анализ эмпирических данных (количественных и качественных показателей), в т.ч. полученных по результатам проверок подразделений, который позволил продемонстрировать типичные проблемы, возникающие в деятельности подразделений охранно-конвойной службы полиции в Ставропольском крае и функционировании специальных учреждений полиции.

Ключевые слова: содержание под стражей, подозреваемый, обвиняемый, охрана, конвоирование, изолятор временного содержания органов внутренних дел.

D.V. Vechernikova, Candidate of Juridical Sciences
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: dinvech2@yahoo.com;

O.M. Ponomareva, Candidate of Pedagogical Sciences
Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia
E-mail: gaidukova_om@mail.ru;

E.A. Petrova, Candidate of Political Sciences
Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: elena_kleshchar@mail.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF ORGANIZING THE ACTIVITIES OF THE SECURITY AND CONVOY SERVICE OF THE TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE STAVROPOL TERRITORY)

The authors of the article define the tasks and main activities of the police security and escort service units, analyze the problem of implementing the security and escort powers of the police, which they try to solve through consideration of the main categories «protection of suspects and accused», «escorting», «regime of detention of suspects and accused». The authors consider the legislative basis for the activities of the units, identifying problems in the legal regulation and the intersection of the powers of the security and escort service of the police with the powers of the escort units of other law enforcement agencies. The article analyzes the empirical data (quantitative and qualitative indicators) obtained, including the results of inspections of units, which allowed us to demonstrate the typical problems that arise in the activities of the units of the security and escort service of the police in the Stavropol Territory and the functioning of special police institutions

Key words: custody, the suspected, the accused, security, escort, Temporary Detention Centre of the internal affairs agencies.

Реализация функций, обеспечивающих охрану, содержание и конвоирование подозреваемых и обвиняемых, возложена на подразделения охраны и конвоирования уголовно-исполнительной системы, подразделения охранно-конвойной службы полиции и пограничные органы Федеральной службы безопасности [4].

Охранно-конвойные полномочия и права полиции регламентируются ст. 12 и 13 Федерального закона «О полиции» и предусматривают: содержание, охрану, конвоирование задержанных и (или) заключенных под стражу лиц, подозреваемых и обвиняемых, а также лиц, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста; конвоирование осужденных и заключенных под стражу лиц для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве и охрану указанных лиц во время производства процессуальных действий; исполнение решения суда (судьи) о направлении несовершеннолетних правонарушителей в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа; регистрацию, фотографирование, аудио-, кино- и видеосъемку, дактилоскопирование лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, заключенных под стражу, обвиняемых в совершении преступления, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, иных задержанных лиц; задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, совершивших побег из-под стражи, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания; применение сотрудником (сотрудниками) огнестрельного оружия, специальных средств для доставления в полицию, конвоирования и охраны задержанных лиц, лиц, заключенных под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, лиц, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, а также в целях пресечения попытки побега [3].

Деятельность охранно-конвойной службы полиции комплексно регулируется нормами различных отраслей законодательства: административного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного.

Фундаментом правового регулирования деятельности охранно-конвойной службы полиции выступает Конституция Российской Федерации, которая определяет право на свободу и личную неприкосновенность. Однако это право может быть ограничено в реализации на законных основаниях, если человек приобретает особый статус и становится субъектом уголовного процесса.

Подозреваемые – лица, в отношении которых возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке главы 20 УПК РФ; задержанные по подозрению в со-

вершении преступления (ст. 91 и 92 УПК РФ); к которым применена мера пресечения (в т.ч. заключение под стражу – ст. 100 УПК РФ), которые уведомлены о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ). Обвиняемые – лица, в отношении которых вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого; вынесен обвинительный акт; составлено обвинительное постановление (ст. 47 УПК РФ) [7].

Законодатель наделил особым правовым статусом подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления и определил перечень органов и учреждений исполнительной власти, которые наделены особыми полномочиями по реализации требований закона в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом, – подозреваемых и обвиняемых.

Охрана подозреваемых и обвиняемых – это система нормативных, организационных, практических мер, которые осуществляются для предотвращения побегов из изоляторов временного содержания МВД (далее – ИВС). Однако помимо указанной главной цели, охрана подозреваемых и обвиняемых включает целый ряд задач, а именно:

- защиту лиц, содержащихся под стражей, от нападения;
- пресечение проникновения на охраняемую территорию посторонних лиц;
- недопущение незаконного выноса (вывоза) имущества, проноса (провоза, передачи) предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми;
- реализацию исполнения судебных решений, режимных и иных требований, а также мероприятий, предусмотренных федеральными законами и другими нормативными правовыми актами [2].

Режим содержания подозреваемых и обвиняемых предполагает их обособленность, раздельное размещение и нахождение под непрерывным контролем. Эти ограничения вводятся с целью невозможности их сокрытия от следствия и суда, продолжения занятия преступной деятельностью, укрывания вещественных доказательств, а также установления истины по уголовному делу [2].

Конвоирование – деятельность специализированных нарядов полиции в отношении подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений, а также осужденных, связанная с их сопровождением к месту назначения в установленном порядке. Конвоирование – одно из основных направлений деятельности охранно-конвойных подразделений полиции, необходимость которого определяется перемещением конвоируемых лиц при направлении их в суд, к месту проведения следственных действий, из ИВС, при взаимодействии с другими правоохранительными органами и т.п. [6].

К подразделениям территориальных органов МВД России относят: подразделения по содержанию лиц, арестованных в административном порядке; подразделения, деятельность которых направлена на охрану и конвоирование подозреваемых и обвиняемых, а также содержание подозреваемых и обвиняемых.

Ежегодно отдельными подразделениями органов внутренних дел по конвоированию осуществляется конвоирование порядка 1 млн лиц, содержащихся под стражей и осужденных [6].

Координирует и контролирует деятельность подразделений по содержанию, охране и конвоированию задержанных, подвергнутых административному аресту, и (или) заключенных под стражу лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых и в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ОВД, Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ Министерства внутренних дел РФ [5].

По данным ГУ МВД России по Ставропольскому краю, в крае функционируют: 25 ИВС (249 камер с лимитом 657 мест), в структуре которых 23 подразделения охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых (16 отделений, 7 групп). Задачи по охране и конвоированию подозреваемых и обвиняемых также выполняют 8 отдельных строевых подразделений охранно-конвойной службы (1 батальон, 2 взвода, 5 отделений); 8 специальных приемников для содержания лиц, подвергнутых административному аресту (далее – СП) (лимит – 274 мест); 1 центр временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ) (лимит – 86 мест).

За 2020 год в ИВС края содержалось 21 038 чел. (12 мес. 2019 г. – 27 175 чел., 22,6%), среднесуточная наполняемость составила 217 чел.; отконвоировано и охранялось 88 622 чел. (12 мес. 2019 г. – 112 610 чел., 21,3%), в т.ч. количество отконвоированных за пределами ИВС – 62 428 чел. (12 мес. 2019 г. – 78 166 чел., 17,2%), в условиях изоляторов – 26 194 чел. (12 мес. 2019 г. – 34 444 чел., 23,9%); в СП содержались 9303 чел. (12 мес. 2019 г. – 11 289 чел., 17,6%). Среднесуточная наполняемость составила 116 чел.; в ЦВСИГ Отдела МВД России по Георгиевскому городскому округу содержались 183 иностранных гражданина (12 мес. 2019 г. – 458 чел.), что на 60,5% меньше, среднесуточная наполняемость составила 45 человек.

За 2020 год на территории края наблюдалось незначительное снижение нагрузки на личный состав ИВС и ОКС по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Так, средняя нагрузка на одного сотрудника ОКС составила 374 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений (12 мес. 2019 г. – 441),

что на 15,9% меньше, ИВС – 34 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений (12 мес. 2019 г. – 41), что на 17% меньше, СП – 78 лиц, подвергнутых административному аресту (12 мес. 2019 г. – 96), что на 18,8% меньше. Данные обстоятельства обусловлены тем, что на территории края проводились мероприятия по предупреждению распространения коронавирусной инфекции COVID-19, в связи с чем обеспечение судебных процессов и перемещения спецконтингента ограничивалось.

На сотрудников возложены обязанности по обеспечению режима содержания и конвоирования подозреваемых и обвиняемых и целый ряд иных задач, предусмотренных ст. 12, 13 ФЗ «О полиции» и рассмотренных нами выше. При этом в деятельности ИВС, подразделений и сотрудников возникают различные проблемные ситуации и вопросы, которые не только ведут к нарушениям служебной дисциплины, но и препятствуют эффективной реализации целей и задач охранно-конвойных подразделений полиции.

1. Организация обысковых мероприятий (в результате ненадлежащей организации проведения личных обысков в отношении конвоируемых лиц и досмотра их вещей, поступающих передач в ИВС, за 12 месяцев 2020 г. изъято средств мобильной связи 56 шт., сим-карт – 25 шт.). Кроме того, существуют проблемы взаимодействия охранно-конвойных подразделений МВД между собой и подразделениями ФСИН России.

По результатам служебных проверок по поступившим из УФСИН России по Ставропольскому краю донесениям о фактах изъятия запрещенных предметов установлена виновность сотрудников подразделений охранно-конвойной службы в отделах МВД России по Александровскому, Арзгирскому, Буденновскому, Красногвардейскому и Кочубеевскому районам, г. Железноводску, Ессентуки, Кисловодску, Невинномысску, Нефтекумскому, Изобильненскому и Георгиевскому городским округам, Управлению МВД России по г. Ставрополю. Причиной наличия предметов, запрещенных к хранению, стало ненадлежащее отношение сотрудников полиции к выполнению своих должностных обязанностей при организации и проведении обысковых мероприятий. За допущенные нарушения 47 сотрудников подразделений охранно-конвойной службы привлечены к дисциплинарной ответственности, в т.ч. 2 руководителя различного уровня.

2. Совершение членовредительств подозреваемыми и обвиняемыми (за 2020 г. – 17 фактов, за 2019 г. – 20 фактов).

3. Побег (за 2020 год не допущено, 2 случая – самовольное оставление ЦВСИГ ОМВД России по Георгиевскому городскому округу).

4. Отсутствие постоянного надзора за лицами, содержащимися в камерах (отсутствие полицейских

постов внутренней охраны на своих местах в течение 20-30 минут (ОМВД России по г. Эссентуки, г. Железноводску, Пятигорску, Минераловодскому и Благодарненскому городским округам, Кочубеевскому, Грачевскому и Андроповскому районам));

5. Нарушение порядка и условий конвоирования (конвоирование 08.09.2020 в специальном автомобиле осуществлялось 3 сотрудниками (положено не менее 4 сотрудников) от здания суда в ОМВД (Отдел МВД России по Красногвардейскому району)); конвоирование подозреваемых и обвиняемых с применением одной пары наручников (ОМВД России по Красногвардейскому и Новоселицкому районам, г. Пятигорску).

6. Формальная проверка нарядов при несении службы руководством (руководством Отдела МВД России по г. Эссентуки не выдерживается периодичность ежедневных проверок наряда ИВС (норматив: начальник ОМВД или его заместители – не реже 2 раз в сутки), фактически осуществляется по одной проверке).

7. Нарушение порядка использования и функционирования средств противопобеговой укреплённости и инженерно-технических средств (ИВС Управления МВД России по г. Ставрополю – въездные ворота погрузочного бокса, как и следующие за ними ворота выезда (въезда) с территории ОВД, не в полной мере выполняют свои функции. При наличии навесного замка ворота оборудованы неисправными запорными устройствами, которые не способны фиксировать створки в закрытом положении. Колючая проволока «Егоза», расположенная на въездных воротах территории УМВД, закреплена некачественно, сигнализация на открытие ворот находится в неисправном состоянии).

8. Нарушение порядка эксплуатации спецавтомобилей для перевозки лиц, заключённых под стражу; требований к оборудованию залов судебных заседаний, оснащению помещений для конвоя и лиц, заключённых под стражу, расположенных в зданиях районных и мировых судов Ставропольского края. Особое место в вопросах конвоирования занимает вопрос обеспеченности и качества имеющегося автотранспорта, который не всегда соответствует предъявляемым требованиям.

9. Нарушение материально-технических и санитарных условий содержания спецконтингента (ИВС Отдела МВД России по г. Пятигорску – на первом этаже отсутствие естественного освещения, кладовых для хранения чистого белья и постельных принадлежностей, для хранения грязного белья и постельных принадлежностей, для хранения вещевого имущества задержанных, процедурного кабинета, наличие дефектов отделки помещений 1 этажа ИВС (грибковые поражения стен, сколы на плитках ступеней, отсутствие плиток), неисправность электрического водонагревателя).

Главным управлением МВД России по Ставропольскому краю последовательно проводился комплекс мер, направленных на приведение условий содержания в ИВС в соответствие с установленными законом требованиями, в т.ч. путем приостановления деятельности ИВС, где отсутствуют положительные перспективы в данном направлении. Для проведения ремонтных работ, в т.ч. капитального ремонта сооружений и зданий ИВС края, было выделено 3 млн 866,39 тыс. рублей. Все работы выполнены и оплачены в полном объеме, но этих средств недостаточно для проведения всего необходимого объема работ.

В течение 2020 г. нарушений в материально-бытовом обеспечении спецконтингента, а также фактов ненадлежащего обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых при их содержании, охране и конвоировании, вызванных ненадлежащим отношением к выполнению служебных обязанностей должностными лицами органов внутренних дел, не выявлено, жалоб и заявлений, в т.ч. на условия содержания, не поступало. Однако по факту эти нарушения выявлены и предприняты меры к их устранению.

Следствием всех допущенных упущений является рост нарушений служебной дисциплины. Так, за 2020 год сотрудниками охранно-конвойной службы допущено 193 факта нарушений служебной дисциплины (12 мес. 2019 г. – 189). Наибольший рост нарушений служебной дисциплины наблюдается в Управлении МВД России по г. Ставрополю – 21 факт (в 2019 г. – 17 фактов), в Отделе МВД России по г. Пятигорску – 15 фактов (в 2019 г. – 6 фактов), в Отделе МВД России по г. Железноводску – 10 фактов (в 2019 г. – 5 фактов) и Отделе МВД России по Ипатовскому городскому округу – 5 фактов (в 2019 г. – 2 факта).

Причинами нарушений выступают недобросовестное выполнение сотрудниками служебных обязанностей, допущение нарушений служебной дисциплины, отсутствие контроля со стороны руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне за исполнением требований нормативных актов в сфере охраны, конвоирования и содержания подозреваемых и обвиняемых.

Привлечение к дисциплинарной ответственности как способ воздействия оказывает его после совершения проступка или нарушения и выполняет превентивную функцию. Отдельно хотелось бы выделить значимую проблему, которая во многом предопределяет остальные, – правовое положение охранно-конвойной службы в целом. До сих пор при наличии самостоятельной ведомственной регламентации функции охранно-конвойной службы МВД отчасти перекликаются с функциями конвойных подразделений других правоохранительных органов (например, ФСИН), что порождает проблемы взаимодействия при выполнении схожих задач.

Однако, на наш взгляд, это далеко не полный перечень причин, которые приводят к нарушениям. Это причины, которые лежат на поверхности, но можно определить и более глубокие, внутренние причины.

Некоторые из них – сложные условия служебной деятельности, высокий уровень моральной и должностной ответственности за жизнь и здоровье спецконтингента. Эта ответственность сопровождается отсутствием уверенности сотрудников в защищенности от возможных посягательств и поведенческих провокаций со стороны лиц, содержащихся под стражей.

Кроме того, служебная деятельность жестко регламентирована различными нормативными актами, правилами, сроками, обозначенными служебными задачами. Естественно, что со временем активизируются процессы эмоционального выгорания и профессиональной деформации.

Вопросы возникают в организационно-управленческой деятельности, связанной с уровнем подготовки и принятия управленческих решений, реализацией функций контроля и проверки подчиненных подразделений и воспитательно-профилактической работы в них.

Прежде всего это достаточно высокий уровень дефицита кадров (некомплект по разным подразделениям составляет от 10,1 до 36%), соответственно, повышение уровня нагрузки на сотрудников (на 1 сотрудника в 2019 и 2020 гг. приходилось порядка 234 лиц спецконтингента) и текучесть кадров. Как следствие, низкий уровень профессионализма и отсутствие мотивации к его повышению, слабая воспитательная работа с лицами, принятыми в подразделения охранно-конвойной службы, по формированию профессиональной и моральной ориентации

на добросовестное исполнение служебного долга, низкий уровень сформированности у сотрудников профессионально-психологической надежности.

Профессионально-психологическая надежность проявляется как устойчивое профессиональное качество, требуемое для выполнения задач, связанных одновременно с физическими нагрузками и высокой психической напряженностью, наличием спецконтингента и в целом определяющих негативную специфику службы [1].

На наш взгляд, необходимо активизировать работу с сотрудниками по следующим направлениям:

- совершенствование профессионально-прикладной физической и огневой подготовки;
- владение материально-техническими средствами охраны;
- психологическая подготовка (в т.ч. в условиях экстремальных ситуаций);
- выработка профессиональных навыков в условиях квазипрофессиональной деятельности (учения, моделирование ситуаций и т.п.).

Таким образом, специфика профессионально-служебной деятельности сотрудников связана с задачами, решение которых возложено на подразделения охранно-конвойной службы полиции.

В Ставропольском крае требуют решения вопросы кадрового обеспечения подразделений охранно-конвойной службы полиции, организации работы с сотрудниками в период службы по различным направлениям деятельности, развития материально-технической базы специальных учреждений полиции и подразделений охранно-конвойной службы с целью повышения эффективности деятельности и реализации возложенных на них задач.

Литература

1. Копылова Н.В., Петров Н.Н. Психологическая надежность в специфике работы охранно-конвойной службы МВД России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2017. Вып. 4. С. 12-15.

2. О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333 (ред. от 18.11.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2021).

3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 24.02.2021). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2021).

4. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. 27.12.2019). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2021).

5. Об утверждении Положения о Главном управлении по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ Министерства внутренних дел РФ: приказ МВД России от 18 июля 2011 г. № 849 (ред. 14.02.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2021).

6. Опар И.П. Основные направления взаимодействия органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел по вопросам организации и выполнения функций конвоирования // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 1 (152). С. 31-35.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

УДК 351.74

О.П. Карнаухов

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: karnauhov.oleg@bk.ru;

И.В. Медведев, канд. пед. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: medwedew514641@mail.ru

О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ ПРОВЕРКИ ДОКУМЕНТОВ, УДОСТОВЕРЯЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ ГРАЖДАН

В статье анализируются недостатки правового регулирования и практики реализации права на проверку документов, удостоверяющих личность граждан, сотрудниками полиции. В частности, затрагиваются положения Федерального закона «О полиции» в части регламентации полномочия на проверку документов. Кроме того, изучаются мнения ученых, положения проекта федерального закона, регулирующего рассматриваемые правоотношения. Проводится анализ административно-правового регулирования данной меры принуждения. Изучаются вопросы, рассматривающие перечень документов, удостоверяющих личность граждан, а также официальное толкование правовых оснований проверки документов, порядок (способы) ее реализации сотрудниками полиции. Изучаются проблемы, касающиеся обеспечения мер личной безопасности сотрудников полиции при проверке документов, удостоверяющих личность. Авторами формулируются предложения по совершенствованию законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, затрагивающих данную сферу деятельности, в т.ч. по соблюдению мер личной безопасности сотрудниками полиции при реализации данного права.

Ключевые слова: полиция, основания, порядок, проверка документов, удостоверяющих личность граждан, меры личной безопасности.

O.P. Karnaukhov

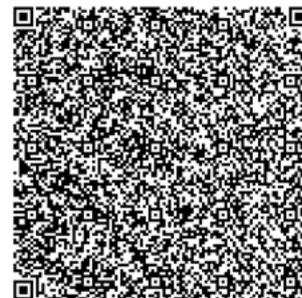
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: karnauhov.oleg@bk.ru;

I.V. Medvedev, Candidate of Pedagogical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: medwedew514641@mail.ru

ABOUT THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND THE PRACTICE OF THE POLICE INSPECTION OF DOCUMENTS CERTIFICATING THE PERSONALITY OF CITIZENS

The article discusses the shortcomings of legal regulation and practice of application associated with the exercise of the right to check the identity documents of citizens by police officers. In particular, it touches upon the provisions of the Federal Law «On the Police» in terms of regulating the authority to check studied. The analysis of the administrative and legal regulation of this coercive measure is carried out. The issues related to the official interpretation of the legal basis, the list of documents proving the identity of citizens, the procedure (method) of its implementation by police officers are being studied. The article touches upon the issue of ensuring personal security measures for police officers when checking identity documents. The authors formulate proposals for improving legislative and subordinate normative legal acts affecting this area of activity, including the observance of personal safety measures by police officers when exercising this right.

Key words: police, grounds, order, verification of identity documents of citizens, personal security measures.

В теории административного права и административной деятельности органов внутренних дел к административно-предупредительным мерам традиционно относят проверку документов, удостоверяющих личность граждан. Также данная мера принуждения используется при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, например при административном задержании в соответствии со статьей 27.3 КоАП РФ. Проверка документов является достаточно распространенной мерой в связи с тем, что ее часто применяют сотрудники полиции в своей практической деятельности.

В средствах массовой информации (далее – СМИ) уделяется существенное внимание теме, связанной с реализацией принципов законности, соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина при применении государственных мер принуждения сотрудниками полиции. Не стала исключением и тема, связанная с проверкой документов, удостоверяющих личность граждан.

Зачастую в СМИ, сети Интернет публикуется информация, которая нередко распространяет негативные сведения о сотрудниках полиции, в т.ч. и при проверке документов, удостоверяющих личность, например, когда сотрудники злоупотребляют данным правом либо не компетентны при применении данной меры принуждения. Подобная информация подтверждается и видеоматериалами на рассматриваемую тему. Блогеры, размещающие данную информацию в сети Интернет, нередко позиционируют свою деятельность как правозащитную.

Как представляется, вопросы возникают в связи с тем, что законодатель закрепил в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [11] (далее – ФЗ «О полиции») юридически властные полномочия на применение таких принудительных мер, как проверка документов, удостоверяющих личность, однако ввиду неоднозначности официального толкования оснований, порядка (способа) реализации и отсутствия перечня таких документов, например, на официальном сайте МВД России поднимаются вопросы, связанные с нарушениями, несоблюдением прав и свобод человека в таких ситуациях. В связи с этим возникают различные авторские толкования правовых оснований, порядка реализации рассматриваемой меры [7, 8, 15, 17]. Также в СМИ [1, 5] часто приводятся нарекания на действия сотрудников полиции. Соответственно, такая информация вызывает негативную оценку действий сотрудников ОВД (полиции), что явно не способствует росту уровня общественного доверия к полиции.

Рассмотрим ряд аспектов, связанных с правоприменительной практикой проверки документов,

удостоверяющих личность граждан, сотрудниками полиции.

Во-первых, затронем вопрос, касающийся правовых оснований для рассматриваемой меры принуждения. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» для выполнения возложенных на полицию обязанностей ее сотрудникам предоставляется право на проверку документов, удостоверяющих личность граждан, если «имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом» [11]. На наш взгляд, из указанных оснований вызывает неоднозначное толкование словосочетание «данные, дающие основания подозревать лиц в совершении преступления», эта формулировка в большинстве публикаций связывается по смыслу со ст. 91 УПК РФ. Подобная позиция была отражена в постатейном комментарии к ФЗ «О полиции», подготовленном авторитетным коллективом в составе Ю.Е. Аврутина, С.П. Булавина, Ю.П. Соловья и В.В. Черникова [7, с. 122]. Авторы считают, что основанием подозревать гражданина в совершении преступления будет являться статья 91 УПК РФ:

1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;

3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

Соответственно, при отклонении от такой трактовки действия сотрудников полиции при проверке документов могут быть расценены как превышающие свои полномочия.

Однако важно, что рассматриваемое положение «...данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления» может трактоваться шире, что значительно увеличивает количество правовых оснований для данной меры принуждения. Мы разделяем точку зрения А.П. Рыжакова, который отмечает, что «достаточные основания подозревать гражданина и (или) должностное лицо в совершении преступления нельзя ограничивать лишь перечисленными в ст. 91 УПК РФ основаниями задержания лица по подозрению в совершении преступления. Это более широкое понятие» [17, с. 103]. Так, в практической деятельности у сотрудников полиции при несении службы по охране общественного порядка возникают ситуации, связанные с необходимостью проверки документов у лиц, которых действительно однознач-

но сложно отнести к подозреваемым в совершении преступлений. Нередко при несении службы нарядами полиции, при выявлении правонарушителей основанием для проверки документов выступали предположения о причастности лица к правонарушению. Сотрудники полиции в ходе такой деятельности либо сразу проверяли документы, удостоверяющие личность, либо продолжали наблюдение за «подозрительными» гражданами. Такая тактика базировалась на положениях Устава патрульно-постовой службы полиции (далее – Устав ППСП) [2], утратившего силу 16.08.2021. Так, в соответствии с п. 72 указывалось, что во время службы наряды полиции должны обращать особое внимание на лиц, которые по внешним признакам (поведению, форме одежды и т.п.) могут быть определены причастными к совершенным, совершаемым правонарушениям. Подобная деятельность была направлена на раскрытие противоправных деяний методом личного сыска с целью подтверждения подозрений сотрудника полиции, заканчивалась проверкой документов, удостоверяющих личность. Как справедливо отметили Э.В. Маркина и Ю.Н. Сосновская, «проверка документов сотрудниками полиции – не только формальная процедура проверки паспорта, но еще и повод для обращения, определенный способ пообщаться с подозрительным человеком, проверить контингент по "ориентировке", "отработать" местность и т.д.» [8, с. 102]. Также проверка документов в таких ситуациях дополнительно давала возможность установить подозреваемого в совершении преступления путем выявления признаков подделки в документе, удостоверяющем личность.

К сожалению, в заменившем Устав ППСП Наставлении, утвержденном Приказом МВД России от 28.06.2021 № 495 [15], подобные положения полностью отсутствуют, что дополнительно делает актуальной данную тему и требует соответствующих разъяснений.

В практической деятельности в качестве меры административного предупреждения рассматриваемая мера применяется не только в случаях, предусмотренных в ФЗ «О полиции». Так, проверка документов, удостоверяющих личность граждан, возможна, когда за новым участковым уполномоченным полиции закрепляется административный участок и он знакомится с его жителями, в т.ч. с лицами, состоящими на профилактическом учете.

На протяжении длительного времени данная мера административного предупреждения применялась при проведении оперативно-профилактических мероприятий [12], например, таких как «Незакон», «Правопорядок», «Невод», направленных на предупреждение правонарушений на территории административного участка [3, с. 26].

Во-вторых, с правовыми основаниями проверки документов тесно связан вопрос о порядке (способе) проверки документов, удостоверяющих личность, что дополнительно зачастую влечет сложности в практической деятельности. Так, при отсутствии нормативных предписаний, регламентирующих этот вопрос, граждане нередко отказываются от предъявления документов, т.к. они не обязаны иметь их при себе. Также по аналогии с сотрудниками полиции они отказываются выпускать документ из своих рук для передачи его сотруднику, ссылаясь на рекомендации, полученные на «правозащитных» сайтах блогеров сети Интернет. В таких ситуациях, соответственно, не представляется возможным проверить документ на подлинность, а также соблюдать необходимые меры личной безопасности. Применительно к этому вопросу К.Д. Рыдченко и А.В. Равнюшкин отмечают, что при отсутствии однозначного легального способа проверки документов действия сотрудников полиции могут быть признаны превышающими свои полномочия [16, с. 164].

В целях устранения подобных проблемных вопросов предлагаем внести следующие изменения в п. 2 ч. 1 ст. 13 «Права полиции» ФЗ «О полиции»: после слов «проверять документы, удостоверяющие личность граждан» исключить слова «если имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом» и заменить словами «в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел» [11]. Считаем целесообразным создание отдельного приказа МВД России, содержащего все необходимые аспекты, связанные с реализацией рассматриваемой меры принуждения, в частности правовые основания проверки документов, ее порядок (процедура). Так, в приказе МВД России должны быть определены правовые основания и порядок проверки документов, удостоверяющих личность граждан. Необходимо закрепить, что «граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства обязаны передавать сотрудникам полиции документы, удостоверяющие личность граждан, для их проверки в случаях, если:

1) имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске;

2) имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении;

3) наличие данных (ориентировки, информация дежурного, сотрудников полиции, визуально зафик-

сированные обстоятельства), свидетельствующих о причастности гражданина к преступлению или административному правонарушению;

4) проведение на основании распорядительных актов руководителей территориальных органов МВД России на региональном (районном) уровне оперативно-профилактических мероприятий по предупреждению преступлений и административных правонарушений в целях охраны жизни, здоровья и имущества граждан, защиты их прав и законных интересов, а также интересов общества и государства».

К третьему проблемному аспекту можно отнести вопрос, связанный с определением перечня документов, относящихся к удостоверяющим личность граждан. В правоприменительной деятельности нередко возникает вопрос, какие документы, кроме паспорта, можно отнести к удостоверяющим личность гражданина. Он возникает в силу того, что в настоящее время отсутствует нормативный правовой акт, где раскрывается понятие «документы, удостоверяющие личность» и дается полный перечень таковых. В соответствии со ст. 19.15-19.18 КоАП РФ [6] в словосочетании «документы, удостоверяющие личность» законодатель в скобках указывает лишь паспорт.

В соответствии со ст. 10 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [10] документом, удостоверяющим гражданство Российской Федерации, является паспорт гражданина Российской Федерации или иной основной документ с указанием на гражданство лица, при этом виды основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, определяются федеральным законом. Однако, как уже упоминалось, до настоящего времени такой закон не принят, а официальные источники приводят различные перечни таких документов для определенных ситуаций. Подтверждает изложенное внесенный в Государственную Думу на рассмотрение проект Федерального закона от 26.11.2019 № 845287-7 «Об основных документах, удостоверяющих личность» [13], где в пояснительной записке говорится о назревшей необходимости определения правового статуса основных документов, удостоверяющих личность, и их систематизации, а также установлении перечня документов, удостоверяющих личность, являющихся основными. Новый законопроект дает возможность устранить эти недостатки.

В целях скорейшего устранения подобных проблемных вопросов предлагаем перечень документов, удостоверяющих личность граждан, закрепить в постановлении Правительства Российской Федерации и руководствоваться им в правоприменительной деятельности сотрудников полиции.

С проверкой документов, удостоверяющих личность, тесно связан четвертый вопрос, касающийся

личной безопасности сотрудника ОВД (полиции). Как показывает практика, нередко именно в этот период возрастает вероятность угрозы нападения и причинения вреда сотрудникам полиции, когда лицо осознает вероятность быть задержанным и привлеченным к ответственности [4, 9].

Во многих случаях, повлекших за собой причинение вреда сотрудникам полиции, причиной являлись неграмотные действия последних, невнимательность, беспечность, отсутствие элементарных навыков применения боевых приемов борьбы, специальных средств и огнестрельного оружия в условиях внезапного нападения, работы в составе группы, или с группой правонарушителей.

Проверка документов – это наиболее часто повторяющаяся стандартная процедура в профессиональной деятельности сотрудников полиции независимо от рода деятельности. При этом каждая служба имеет свои специфические особенности: сотрудники патрульно-постовой службы чаще проверяют документы на улице; сотрудники ДПС – при проверке автотранспорта; уголовный розыск и служба участковых уполномоченных – в различных жилых помещениях. Однако, несмотря на это, в профессиональной подготовке сотрудников полиции этому аспекту служебной деятельности уделяется недостаточно внимания. В ведомственных правовых актах отсутствует алгоритм (порядок) обеспечения мер личной безопасности сотрудников полиции, участвующих в проверке документов, за исключением краткого упоминания содержащихся в п. 267 утратившего законную силу Устава ППСП, в котором говорилось: «при проверке документов и опросе подозреваемого патрульный (постовой) должен стоять вполоборота в одном шаге от проверяемого и быть готовым к отражению нападения». В новом Наставлении вообще не затрагивается этот вопрос, несмотря на то, что речь идет об обеспечении личной безопасности сотрудников полиции.

На наш взгляд, различные ситуации, связанные с применением физической силы во время проверки документов или установления личности подозреваемого, обязательно должны быть закреплены в разделе VII «Боевые приемы борьбы» ведомственного Приказа МВД России от 01.07.2017 № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» (далее – Наставление) [14], а также отрабатываться при изучении практического раздела боевых приемов борьбы в образовательных организациях МВД России. Раздел VII «Боевые приемы борьбы» включает отработку защитных действий от всех видов агрессии, начиная от освобождения от захватов и заканчивая защитой от угрозы холодным и огнестрельным оружием. Здесь же рассматривает-

ся минимум стандартных действий взаимопомощи сотрудников. Однако все технические действия представлены в виде отдельных приемов на конкретное действие правонарушителя (при отработке приемов статист не оказывает сопротивление) и не учитывают варианты развития событий. Это принципиально важно, поскольку наравне с физической и технической составляющей присутствуют элементы стратегии и тактики, которые необходимо тренировать в комплексе и именно на занятиях по физической подготовке, тренажах перед заступлением на службу.

В соответствии с вышеизложенным считаем важным внести дополнения в раздел VII «Боевые приемы борьбы» приказа МВД России № 450, где число его основополагающих принципов целесообразно дополнить пунктом 53.4: «В целях совершенствования полученных умений и навыков боевых приемов борьбы необходимо их отрабатывать в максимально приближенных к реальным условиям, наиболее часто повторяющихся в практической деятельности, например, при проверке документов, удостоверяющих личность граждан, наружном досмотре. Ассистент (ассистенты) должен проявлять неповиновение путем оказания дозированного сопротивления действиям сотрудника полиции (в т.ч. использовать элементы ударной, бро-

сковой техники, нападение или сопротивление с использованием холодного и огнестрельного оружия). Отработку таких действий рекомендуется усложнять в виде моделирования ситуаций в условиях практической деятельности, работы с группой лиц, задержания в ограниченном пространстве или помещении с наличием препятствующих факторов и т.д., при объективной оценке всех действий».

Таким образом, анализ нормативных актов, затрагивающих ключевые элементы проверки полицейей удостоверяющих личность документов, а также правоприменительной практики дает возможность отметить ряд проблем в правовой и организационной сферах по рассматриваемым вопросам. На основании вышеизложенного в целях исключения случаев нарушения прав и свобод граждан при проверке документов, удостоверяющих личность, необходимо определить единые, однозначные требования, которыми будут руководствоваться сотрудники полиции. Данные положения должны быть доступны для ознакомления гражданами на официальном сайте МВД России. Считаем, что наши предложения помогут как совершенствовать нормативные правовые акты для четкой регламентации проверки документов, так и повысить безопасность сотрудников ОВД (полиции).

Литература

1. Ваши права при встрече с полицией. Если вас остановили на улице и чего-то требуют. URL: <https://journal.tinkoff.ru/prava/police-prava/> (дата обращения: 09.09.2021).
2. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).
3. Гришаков А.Г., Осяк А.Н. Особенности применения участковым уполномоченным полиции мер административного предупреждения // Юрист-Правовед. 2018. № 3 (86).
4. Житель Москвы предстанет пред судом за нападение на полицейского // Интернет-портал NEW INFORM. URL: <https://newinform.com/309636-an-26-mog-razbitsya-v-bolshehehcirskom-zapovednike-pod-habarovskom> (дата обращения: 08.09.2021).
5. Как вести себя при задержании и оформлении административного правонарушения // Интернет-портал «Открытая полиция». Проект Комитета гражданских инициатив. URL: <https://www.openpolice.ru/pages/pomosh/kak-vesti-sebya-pri-zaderzhanii-i-oformlenii-administrativnogo-p/> (дата обращения: 08.09.2021).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. М.: Проспект, 2013. 298 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Маркина Э.В., Сосновская Ю.Н. Проверка документов, удостоверяющих личность, у граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства как мера административного принуждения // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 101-104.
9. Мужчина ранил полицейского при проверке документов в Москве // Интернет-портал ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6764215> (дата обращения: 09.09.2021).
10. О гражданстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 13.08.2002 № 772. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об основных документах, удостоверяющих личность (о правовом статусе основных документов, удостоверяющих личность, и систематизации таких документов, выданных гражданам Российской Федерации, иностранным гражданам и лицам без гражданства): Законопроект № 845287-7 // Официальный сайт Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/147239-7> (дата обращения: 03.09.2021).

14. Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 01.07.2017 № 450. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 28.06.2021 № 495. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Рыдченко К.Д., Равнюшкин А.В. Право полиции проверять удостоверяющие личность документы: административно-правовое регулирование и проблемы реализации // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 3 (18). С. 162-169.

17. Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О полиции». М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011. 182 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 342.92

М.Ю. Филь

Санкт-Петербургский университет МВД России

E-mail: fmu17@inbox.ru

ОШИБКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Правильно назначенное наказание гарантирует целостность правового статуса личности, воплощая в себе основные правовые принципы. Наказание, назначенное с допущением правовых ошибок, исключает возможность достижения основных целей наказания, составляющих его сущность. Статья посвящена одной из проблемных сфер применения правовых норм – назначению административного наказания за совершение нескольких административных правонарушений. Автор попытался разобраться в сущности и причинах допускаемых правоприменителем ошибок в соответствующей сфере с учетом особенностей применения норм как материального, так и процессуального административного права, а также акцентировал внимание на предложениях, связанных с усовершенствованием законодательства, регламентирующего институт назначения административных наказаний. Некоторые предложения автора созвучны с правовыми положениями, закрепленными в проекте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В статье приведен положительный опыт стран ближнего зарубежья в исследуемой правовой сфере, приведены конкретные практические примеры, раскрывающие проблематику применения соответствующих правовых норм.

Ключевые слова: административное наказание, совершение нескольких административных правонарушений, совокупность правонарушений, длящееся правонарушение.

M. Yu. Fil

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: fmu17@inbox.ru

ERRORS IN LAW ENFORCEMENT WHEN ASSIGNING ADMINISTRATIVE PENALTIES FOR SEVERAL ADMINISTRATIVE OFFENSES

Properly appointed punishment guarantees the integrity of the legal status of the individual, embodying the basic legal principles. A punishment imposed with the assumption of legal errors excludes the possibility of achieving the main goals of the punishment that make up its essence. The article is devoted to one of the problematic areas of application of legal norms – the imposition of administrative penalties for the Commission of several administrative offenses. The author tried to understand the essence and reasons for the mistakes made by the law enforcement officer in the relevant field, taking into account the peculiarities of the application of both substantive and procedural administrative law, and also focused on proposals related to the improvement of legislation regulating the institution of administrative penalties. Some of the author's proposals are consonant with the legal provisions enshrined in the Draft of the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

The article presents the positive experience of neighboring countries in the legal sphere under study, provides specific practical examples that reveal the problems of applying the relevant legal norms.

Key words: administrative punishment, Commission of several administrative offenses, aggregate of offenses, continuing offense.

Административное наказание является мерой государственного принуждения за совершение административных правонарушений с целью предупреждения совершения новых правонарушений как самим лицом, подвергнутым административному наказанию, так и другими лицами. Таким образом, в понятии наказания присутствует как общая, так и частная превенция. И от того, насколько правильно с учетом всех правовых принципов будет назначено административное наказание, зависит достижение превентивной цели наказания, установленной законодателем в ст. 3.1 КоАП РФ.

Данная статья затрагивает вопросы, связанные с допущением ошибок при назначении наказания за совершение нескольких административных правонарушений. По общему правилу в соответствии с ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ при совершении нескольких административных правонарушений наказание назначается за каждое из совершенных противоправных деяний. Если же одним деянием совершаются несколько административных правонарушений, предусмотренных различными статьями Особенной части КоАП РФ или различными частями статьи КоАП РФ, то наказание в таком случае назначается в соответствии со статьей (или частью статьи), которая предусматривает более строгое наказание. По своей сути, если взять за основу положения уголовного права, то речь идет о реальной или идеальной совокупности противоправных деяний, однако КоАП РФ не предусматривает правовых положений, регламентирующих понятие совокупности и раскрывающих содержание данного правового аспекта. Можно, конечно, использовать принцип применения закона по аналогии, однако такой способ правоприменения приемлем для типичных правоотношений. Поэтому, чтобы избежать случаев подмены одних правовых норм другими, в практической деятельности должны применяться только те правила, которые предусмотрены нормами права, регулирующими соответствующий вид правоотношений. Тем более что уголовное законодательство не только предусматривает понятие совокупности преступлений, но и регламентирует правила назначения наказания за совершение преступлений при их совокупности [16].

В содержании частей 1, 2 ст. 4.4 КоАП РФ законодателем, по сути, закреплены основные признаки совокупности административных правонарушений, проявляющиеся в совершении одним лицом противоправных деяний, ни за одно из которых оно не было привлечено к административной ответственности. Однако о назначении наказания по совокупности административных правонарушений по аналогии с уголовным законодательством даже речи идти не может, т.к. данная процедура имеет разные правовые основания, а значит предусмотрена в соответствии

с разными законодательными правилами. Игнорируя такую правовую данность, при применении правил назначения наказания за совершение нескольких административных правонарушений возникают некие правоприменительные проблемы, природа которых напрямую связана с недостаточной регламентацией отдельных правовых аспектов, что преобразуется впоследствии в наличие ряда правовых ошибок и, в свою очередь, нарушение закона. В административной практике имеют место случаи, когда при совершении лицом нескольких самостоятельных правонарушений, предусматривающих одинаковые виды наказаний, последние суммируются, а должностные лица, рассматривающие такие дела, мотивируют это обстоятельство тем, что окончательный размер – это не что иное как результат, получившийся путем сложения одинаковых административных наказаний, назначенных за совершение каждого правонарушения, входящего в деликтную совокупность.

Однако метод сложения санкций не выражает только технический процесс суммирования, а представляет собой правовой метод, отображающий не только количественную, но и качественную природу данной процедуры. Поэтому применение такого метода обязательно должно быть регламентировано законодательством исходя из основных целей применения наказания, правовых особенностей отдельных его видов, а также с учетом соблюдения основных правовых принципов.

В настоящее время в российском законодательстве такой подход приемлем только в рамках уголовного права. При этом, во-первых, такой метод регламентирован на уровне уголовного законодательства, а во-вторых, его применение возможно не во всех случаях, а в зависимости от категории совершенных преступлений.

В случае совершения нескольких административных правонарушений сложение одинаковых административных наказаний недопустимо по следующим причинам. Во-первых, такой метод не предусмотрен КоАП РФ, и все действия лица, его использовавшего при разрешении дела, противоречат принципу законности, регламентированному ст. 1.6 КоАП РФ. Данный принцип предусматривает привлечение лица, совершившего административное правонарушение, только в порядке и по основаниям, предусмотренным законом.

Такая правовая неясность регламентации методики назначения административных наказаний за совершение нескольких административных правонарушений порождает наличие проблемных вопросов в этой сфере.

Например, в правоприменительной деятельности существуют разногласия в ситуациях, связанных с назначением наказания в виде административного

ареста за совершение нескольких административных правонарушений, следующих одно за другим. Наказание за каждое совершенное правонарушение в виде административного ареста назначают одно за другим, по сути, прибегая к методу сложения санкций за каждое совершенное противоправное деяние. В рамках российского административного законодательства такой способ не предусмотрен. Такие постановления в ряде случаев пересматриваются, и итоговые судебные решения отменяют вынесенные постановления по делам об административных правонарушениях.

Демонстрируя вышеуказанную ситуацию, показателен пример, когда мировым судьей были вынесены постановления по делам об административных правонарушениях, совершенных в один день и предусматривающих наказание в виде административного ареста. В постановлениях было указано, что при окончании исполнения административного ареста за одно правонарушение следует исполнение административного ареста за другое правонарушение.

Таким образом, по сути, был применен метод сложения наказаний, в результате чего окончательный размер административного ареста составил 70 суток [15].

Так как административное законодательство России не предусматривает совокупности правонарушений, а значит и метода сложения при разрешении административного дела, то в законодательстве об административных правонарушениях на данный момент не предусмотрен максимальный предел при сложении одинаковых видов административных наказаний. При таком подходе может возникнуть ситуация, при которой окончательное решение будет несоизмеримо строгим и в конечном счете противоречащим основным правовым принципам, а также целям наказания, для достижения которых оно назначалось. Прокурор выступил с протестом на постановления мирового судьи. Протест прокурора содержал ссылки на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 32.6 КоАП РФ наказание в виде административного ареста исполняется немедленно после вынесения постановления судьей. В данном случае постановления были вынесены в один день одно за другим, поэтому наказание в виде административного ареста, назначенного за совершение нескольких административных правонарушений, должно быть исполнено одновременно и, по сути, составить максимальное количество суток, указанное в одном из постановлений. Судья Кош-Агачского районного суда (Республика Алтай) согласился с такой позицией прокурора и вынес решение об удовлетворении протеста прокурора и изменении постановления в части исчисления срока наказания [15]. Однако такой подход противоречит части 1 ст. 4.4 КоАП РФ, в соответствии с которой административное наказание в данном случае долж-

но быть назначено за каждое совершенное правонарушение. В данном примере четко прослеживается метод поглощения менее строгого наказания более строгим. Однако такой способ разрешения дела отражен в содержании ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ, а не части 1 этой же статьи. В этой связи существует необходимость введения в КоАП РФ четкой регламентации метода сложения административных наказаний и метода поглощения менее строгого административного наказания более строгим. При этом необходимо указание на основания, условия применения соответствующего метода. Такая правовая позиция предусмотрена, например, административным законодательством Республики Беларусь [3], Республики Казахстан [4].

Введение в административное законодательство правовых методов привлечения к административной ответственности с учетом такой правовой категории, как множественность административных правонарушений, автоматически создает необходимость установления максимального предела окончательного размера определенного вида административного наказания при сложении одинаковых видов административных санкций. Такой механизм успешно применяется зарубежными государствами с учетом положений национального законодательства. Например, часть 1 ст. 7.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях предусматривает, что лицо, назначившее наказание за каждое совершенное административное правонарушение, окончательно определяет административное взыскание путем полного или частичного сложения наказаний, при котором не будет превышен предел, указанный в статье по отдельным его видам. Например, максимальный предел административного ареста при сложении наказаний в соответствии с законодательством Беларуси не может превышать 30 суток, с учетом нормативно-правовой базы Республики Казахстан – 30 суток, при нарушении режима чрезвычайного положения – 45 суток (ст. 50, 58 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях).

Еще одним из проблематичных аспектов в анализируемой сфере является правильное установление факта совершения нескольких противоправных деяний. Отсюда можно выделить несколько правоприменительных ошибок.

Одним из вариантов «правового заблуждения» является ошибочное принятие фактически совершенного единого (длящегося или продолжаемого) правонарушения за совокупность самостоятельных противоправных деяний. В этом случае лицо, совершившее деяние, за одно правонарушение несет ответственность несколько раз, что противоречит принципу, предусмотренному ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ

[2]. Проблематика данного аспекта в правоприменительной деятельности обусловлена сложностью разграничения единичных административных правонарушений от их множественности. Такая правовая данность является результатом отсутствия должного законодательного регулирования соответствующих вопросов. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г. не содержит правовых норм, регламентирующих понятие и особенности длящегося и продолжаемого административного правонарушения, что устранило бы многие правовые пробелы, в т.ч. и касающиеся порядка назначения административных наказаний за совершение нескольких противоправных деяний. И если отдельные аспекты совершения длящегося правонарушения затронуты Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5, то регулирование вопросов, связанных с определением и особенностями совершения продолжаемого административного правонарушения, со стороны Российской Федерации вообще отсутствует. Такой правовой пробел однозначно должен быть устранен.

Проблематика разграничения сложных единичных административных правонарушений от множественности противоправных деяний в последнее время вызывает интерес и является предметом научно-правового исследования. Множество вопросов в этой сфере связано с понятием и сущностью видов сложных единичных административных правонарушений, к которым можно отнести длящееся и продолжаемое правонарушения. Под длящимся административным правонарушением понимается действие или бездействие, которое выражается в непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении обязанностей, возложенных на лицо законом, иным нормативно-правовым актом, а также правовым актом ненормативного характера, например представлением прокурора, предписанием должностного лица [7].

Особенности продолжаемых административных правонарушений в полной мере не изучены и определяются исходя из уголовно-правовых исследований в этой сфере. Следует отметить, что понятие продолжаемого противоправного деяния на уровне нормативно-правовой регламентации отсутствует до сих пор. Определение продолжаемого преступления содержится в Постановлении 23 Пленума Верховного Суда СССР 1929 г. В этом постановлении Верховный Суд СССР определяет продолжаемые преступления как «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление» [8]. Конечно же, в практической деятельности существуют проблемы четкого

разграничения длящегося и продолжаемого деяния, но в любом случае ошибка в установлении признаков длящегося или продолжаемого деяния не будет столь существенной. К.В. Давыдов, исследуя проблематику квалификации длящихся и продолжаемых административных правонарушений, назвал такие ситуации «приемлемо ошибочными», не влекущими отмену судебного акта [1]. Совершенно другая ситуация имеет место в случае ошибок в вопросах отграничения единичного сложного правонарушения от множественности административно-противоправных деяний. Такие ошибки являются существенными, что влечет незаконность итоговых процессуальных актов.

При отграничении сложных единичных административных правонарушений от совокупности административных правонарушений необходимо обращать внимание на нижеизложенные проблемные аспекты.

Совокупностью правонарушений является не совокупность деяний, а наличие составов совершенных противоправных деяний. Поэтому особое внимание необходимо уделять как объективным, так и субъективным признакам состава правонарушения, не игнорируя при этом наличие факультативных признаков, предусмотренных диспозициями соответствующих статей Особенной части КоАП РФ, в соответствии с которыми предусмотрено наказание. Например, могут возникать споры в вопросах правильной квалификации деяний в случае, если совершенные противоправные деяния направлены на различные виды общественных отношений, т.е. составы совершенных правонарушений имеют различный объект. Например, оказание услуг по содержанию сети автомобильных дорог общего пользования федерального значения с нарушением требований Межгосударственного стандарта (ГОСТа 33181-2014 «Дороги автомобильные общего пользования. Требования к уровню зимнего содержания») и Технического регламента Таможенного союза (ТР ТС 014/2011 «Безопасность автомобильных дорог») в зависимости от совершаемых деяний может быть признано совокупностью административных правонарушений. Осуществление деятельности с допущением нарушений ГОСТа 33181-2014 посягает на общественные отношения в сфере охраны безопасности дорожного движения и может быть квалифицировано в соответствии со ст. 12.34 КоАП РФ, а нарушения положений Технического регламента Таможенного союза 014/2011 могут быть отнесены к противоправным деяниям, предусмотренным ст. 14.43 КоАП РФ, объектом которых являются охраняемые законом отношения в сфере предпринимательской деятельности [10]. Или же совершение одним лицом одновременно противоправных деяний, предусмотренных диспози-

цией одной статьи, но в отношении разных предметов правонарушения создает ситуацию множественности административных правонарушений. Исходя из материалов судебной практики, такая ситуация может иметь место, например, при невыполнении установленных требований и обязательных мероприятий по защите земель и охране почв от процессов, ухудшающих качественное состояние земель, на территориях нескольких земельных участков, принадлежащих одному лицу [9].

Можно приводить множество примеров обжалования вынесенных постановлений по делам об административных правонарушениях, а также решений на вынесенные постановления, предметом которых являются ошибки в разграничении единичных административных правонарушений и множественности противоправных деяний. И дело даже не в количестве пересматриваемых дел, что, конечно, говорит о проблематике регулирования соответствующих правовых аспектов, а проблема касается разнородности принимаемых в итоге решений. Конечно, российское законодательство не является прецедентным, однако при точной законодательной регламентации проблемных правовых вопросов, однородном толковании со стороны государства порядка применения правовых норм такие вопросы автоматически исключаются из «перечня проблемных», а количество жалоб, вытекающих из такого вида дел, сокращается. Для решения проблематичных вопросов в сфере соотношения единичных правонарушений и совокупности административно-противоправных деяний со стороны правового сообщества были выдвинуты целесообразные предложения совершенствования административного законодательства. Например, основным содержанием предлагаемых изменений является необходимость введения в КоАП РФ таких понятий, как длящееся административное правонарушение, продолжаемое административное правонарушение [5]. Российское государство приняло во внимание проблематику затрагиваемых вопросов. Предложения, связанные с совершенствованием в этой сфере, были приняты при разработке нового КоАП РФ и нашли свое отражение в реорганизационном процессе нового административного законодательства. В настоящее время проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях содержит правовые нормы, определяющие содержание длящегося и продолжаемого правонарушения, а также правила назначения административного наказания за совершение соответствующих видов единичных административных правонарушений [12].

Существенными ошибками в правоприменительной деятельности также являются ситуации, при которых неверно сделан вывод о том, совершены административные правонарушения различными дея-

ниями или же было совершено одно деяние, включающее в себя составы нескольких административных правонарушений, предусмотренных разными статьями Особенной части КоАП РФ или разными частями статьи КоАП РФ.

Результатом допущения соответствующих ошибок является неправильное назначение административного наказания. Если правонарушения совершены различными деяниями, то наказание назначается за каждое совершенное из них. Если же несколько правонарушений, предусмотренных различными статьями (частями статьи), совершаются одним деянием, то имеет место статья, предусматривающая более строгую санкцию. При этом необходимо помнить о том, что последняя ситуация возможна только при наличии полномочий у субъекта назначения наказаний на рассмотрение каждого правонарушения, входящего в идеальную совокупность правонарушений. КоАП РФ предусматривает в данном случае вынесение одного постановления о назначении наказания по статье (части статьи), предусматривающей более строгую санкцию. Количество составляемых протоколов об административных правонарушениях законом в этом случае не регламентировано, поэтому составление протокола о каждом административном правонарушении не является нарушением закона. И если из содержания соответствующих протоколов усматривается разрешение дела по правилам ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ, то в соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации должно быть вынесено определение об объединении материалов в одно производство с вынесением одного постановления [7]. Если же вид совокупности совершенных деликтов установлен неверно, в т.ч. и на стадии рассмотрения дела об АП, то лицо, совершившее несколько административных правонарушений, понесет либо более строгое, либо более мягкое наказание, что противоречит принципу справедливости.

В этой связи хочется привести пример из судебной практики. Гражданин А., управляя транспортным средством, осуществлял движение во втором ряду от края проезжей части дороги при наличии дорожного знака (направление движения по полосам), одновременно совершая правый поворот при выключенной дополнительной секции светофора, чем нарушил п. 1.3; 6.3; 6.13 ПДД [6]. В отношении гражданина А. были вынесены два постановления по делу об АП – по ч. 1 ст. 12.16 КоАП РФ (несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками) и ч. 1 ст. 12.12 КоАП РФ (проезд на запрещающий сигнал светофора) – с назначением штрафов в размере соответственно 500 рублей и 1000 рублей. При пересмотре каждого из указанных постановлений по факту поданных гражданином А. жалоб, исследовав все обстоятельства дела, судья установил, что оба

правонарушения, предусмотренные различными статьями главы 12 КоАП РФ, совершались одновременно и явились составляющими одного деяния, а поэтому должно быть вынесено одно постановление с учетом правил ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ с назначением более строго наказания, т.е. 1000 рублей [14]. При назначении наказаний в результате вынесения постановлений по каждому правонарушению гражданину А. пришлось бы уплатить штраф в большем размере, а именно 1500 рублей. Ну, и конечно же, нарушением закона является обратная ситуация, при которой штраф будет назначен в меньшем размере при ошибочном признании совершения нескольких правонарушений одним деянием.

При несогласии с вынесенным постановлением лица, указанные в ст. 30.1 КоАП РФ, имеют право обжаловать вынесенное постановление по делу об административном правонарушении. Многие граждане, реализовав свое право на обжалование постановлений по делу об административном правонарушении, добиваются защиты нарушенных прав, подтверждением чего является множество судебных решений, которыми эти жалобы удовлетворяются, а постановления изменяются или отменяются [13], включая постановления, вступившие в законную силу [11].

Следует иметь в виду еще один такой негативный аспект, как следствие совершения ошибок при назначении наказаний за совершение нескольких административных правонарушений. В соответствии со ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности приостанавливается только в единственном случае, если удовлетворено ходатайство лица, в отношении которого возбуждено дело об АП, о рассмотрении дела по месту его жительства. В этом случае срок давности привлечения к ответственности приостанавливается с момента удовлетворения ходатайства до момента поступления материалов дела по месту жительства субъекта ходатайства. Таким образом, приостановление срока давности привлечения к ответственности при пересмотре дела об административном правонарушении не предусмотрено, поэтому могут иметь место случаи, когда лицо, фактически совершившее несколько административных правонарушений, не понесет ответственности ни за одно из них вследствие истечения срока давности привлечения к ответственности к моменту вынесения решения по жалобе на постановление по делу. Такая ситуация может служить правовым примером того, что совершенная правоприменителем ошибка может стать «пусковым механизмом» разрушения всего «правового фундамента» производства по конкретному делу об административном правонарушении, в итоге виновные лица смогут избежать ответственности.

Подводя итог вышеизложенным позициям в сфере применения правовых норм, регламентирующих особенности назначения наказания за совершение нескольких правонарушений, хочется акцентировать внимание на том аспекте, что правовая природа административных правонарушений очень многогранна, что приводит к разнообразию видов административных правонарушений с учетом особенностей конструкции состава правонарушения, временного, целевого параметров его совершения. И чем сложнее объект исследования, тем больше вопросов возникает в результате его изучения. Объектом исследования в данной статье явилась такая правовая категория, как совокупность административных правонарушений, а точнее причины совершения ошибок при выявлении фактов совершения нескольких административных правонарушений и назначении наказаний за их совершение. В процессе анализа проблематики в данной сфере выяснилось, что причины совершаемых ошибок неоднородны и связаны не только с «правовыми осечками» в практической деятельности должностных лиц, но и недостаточностью законодательного регулирования отдельных правовых аспектов этой сферы. И если ошибки имеют неединичный характер, то государство обязано реагировать на существующие проблемы путем выявления причин допущения правовых ошибок, закономерностей неправильного правоприменения отдельных норм, а также принятия правовых решений, связанных с изменением, дополнением, уточнением законодательства в соответствующей сфере. В целях минимизации совершаемых ошибок при назначении наказания за совершение нескольких административных правонарушений, а также однозначного понимания содержания отдельных правовых категорий в этой сфере государством на законодательном уровне должны быть введены следующие составляющие административно-правового регулирования:

1. Введены правовые нормы, отражающие содержание и особенности отдельных видов административных правонарушений, таких как длящееся и продолжаемое административное правонарушение.

2. Законодательно регламентированы содержание и особенности такой правовой категории, как совокупность административных правонарушений, а также закреплены основание и порядок назначения административного наказания по совокупности административных правонарушений с учетом особенностей метода сложения административных наказаний и метода поглощения менее строго наказания более строгим административным наказанием.

Отдельные позиции совершенствования административного законодательства в этой сфере нашли свое отражение в проекте нового Кодекса Российской Федерации об административных право-

нарушениях, и есть все основания, что эти нормы будут закреплены в составе положений официально принятого административного закона. Однако пока процесс совершенствования административного права на уровне законодательного регулирования еще не окончен, есть шанс, что новый Кодекс Рос-

сийской Федерации об административных правонарушениях будет пополнен правовыми нормами, которые в своей совокупности сделают основной административный закон источником эффективного регулирования административно-правовых отношений.

Литература

1. Давыдов К.В. Проблемы квалификации длящихся и продолжаемых административных правонарушений // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1 (4). С. 36-40.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 91-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by>.
4. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 № 235-V. URL: <https://kodeksy-kz.com>.
5. Корчагина К.Н., Пестов Р.А., Коренюгин В.В. О необходимости нормативного закрепления некоторых видов административных правонарушений // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 185-191.
6. О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.
7. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
8. Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям: постановление 23 Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 // Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. М., 1941.
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2019 № 884-0 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 308-АД17-22921 по делу № А63-2370/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 27.08.2019 № 18-АД 19-44 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 30.01.2020).
13. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 22.10.2019 № 7-1766/2019 по делу № 12-460/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Решение судьи Петроградского районного суда Санкт-Петербурга от 15.03.2017 по делу № 12-167/17.
15. Решение Кош-Агачского районного суда Республики Алтай от 10.07.2013. URL: <https://sudact.ru>.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 342.745

Е.В. Яковлева

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: kasteban@yandex.ru;

Д.В. Андреев

адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: adv1986@rambler.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОХРАНЕ ЛЕСОВ ОТ НЕЗАКОННЫХ РУБОК

В статье на основе анализа действующего законодательства и практики его применения обосновывается необходимость внесения изменений в существующую государственную систему охраны и защиты лесов, закрепленную в Лесном кодексе Российской Федерации. Авторы, раскрывая содержание предложенной ими главы Лесного кодекса Российской Федерации «Охрана лесов от незаконных рубок и хищения древесины», называют перечень профилактических мер, а также указывают уполномоченных субъектов, задействованных в такой охране. В качестве одного из субъектов обеспечения охраны лесов от незаконных рубок предлагаются органы внутренних дел. В статье выделяются три направления деятельности, совершенствование которых позволит органам внутренних дел более эффективно бороться с преступлениями и административными правонарушениями в сфере лесопользования. Ретроспективный анализ позволяет авторам обосновать целесообразность введения специализированного подразделения полиции с целью уменьшения количества незаконных рубок в стране.

Ключевые слова: незаконная рубка деревьев, государственные меры, охрана лесов, защита лесов, органы внутренних дел, профилактика.

E. V. Yakovleva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: kasteban@yandex.ru;

D. V. Andreev

postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: adv1986@rambler.ru

ROLE OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN PROTECTING FORESTS FROM ILLEGAL FELLING OF TREES

The article based on the analysis of the current legislation and its implementation, justifies the need to amend the existing state system for the protection and protection of forests, enshrined in the Forest Code of the Russian Federation. The authors, revealing the content of the proposed chapter of the Forest Code of the Russian Federation «Protection of forests from illegal logging and theft of wood», call the list of preventive measures, as well authorized entities necessary for the implementation of such protection. The internal affairs bodies are proposed as one of the subjects for ensuring the protection of forests from illegal logging. The article identifies three areas of activity, the improvement of which will allow the internal affairs bodies to more effectively combat crimes and administrative offenses in the field of forest management. The retrospective analysis allows the authors to justify the introduction of a specialized police unit in order to reduce the number of illegal logging in the country.

Key words: illegal cutting of trees, state measures, protection of forests, security of forests, internal affairs bodies, prevention.

Леса России занимают четверть площади мирового лесного покрова и оцениваются почти в 4 трлн долларов, эта сумма на 28% превышает стоимость всех запасов нефти страны. Леса выполняют важнейшие экономические, средообразующие и защитные функции. Их использование с учетом глобального экологического значения, повышение долгосрочной конкурентоспособности отечественной лесной промышленности и увеличение вклада лесного комплекса в социально-экономическое развитие России относятся к приоритетам государственной политики в области лесных отношений [7].

Незаконная рубка – одна из самых острых проблем лесного сектора России. По разным данным ежегодно в нашей стране нелегально заготавливается от 10 до 35% древесины. В некоторых регионах общая годовая вырубка составляет до 50% древесины незаконного или сомнительного происхождения. Согласно официальной информации Федерального агентства лесного хозяйства, лидирующие позиции по объему незаконной рубки лесных насаждений последние годы занимают Иркутская область и Красноярский край [9]. В Алтайском крае за шесть месяцев 2021 г. было выявлено 84 факта незаконных рубок объемом 2613 куб. м. Сумма ущерба от такой рубки оценена в 48 518 тыс. рублей [2].

С экономической точки зрения незаконные рубки приводят к потере доходов и других упущенных выгод. С экологической точки зрения незаконные рубки связаны с обезлесением, изменением климата и утратой биоразнообразия. В социальном плане незаконные рубки могут быть связаны с коррупцией, конфликтами из-за земли и ресурсов, а также лишением прав местных и коренных общин. Формирование действенной системы предотвращения незаконных рубок является важной государственной задачей на современном этапе.

Законодательством установлено, что основными субъектами, обеспечивающими деятельность по профилактике незаконных рубок в лесах, являются: Федеральное агентство лесного хозяйства, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения [6].

Разграничивается деятельность указанных субъектов по предмету ведения. Так, Федеральное агентство осуществляет контрольную (надзорную) деятельность в лесах, расположенных на землях, предоставленных для нужд Министерства обороны Российской Федерации (если такие полномочия не переданы органам государственной власти субъектов Российской Федерации); Федеральная служба по надзору в сфере природопользования – на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения; органы исполнительной власти субъектов

Российской Федерации – на землях лесного фонда. Отметим, что вне земель лесного фонда отдельного субъекта, наделенного профилактической функцией по недопущению незаконных рубок, в законодательстве не названо. Данное обстоятельство обосновывается практически полным отсутствием ответственности за рубку деревьев вне территории лесов и, соответственно, недостаточностью законных способов пресекать и приостанавливать такую рубку. Однако, как показывает практика, контроль за такими зонами необходим. Так, в Турочакском районе прокуратурой Республики Алтай была пресечена незаконная рубка деревьев, продолжавшаяся в течение почти пяти лет, на территории, переведенной с нарушением закона в земли сельскохозяйственного назначения. В результате из лесного фонда выбыло 16,7 га земель, покрытых уникальными деревьями хвойных пород (сосна, кедр и пихта) возрастом 60-110 лет [5].

Действующая система государственных мер, направленных на сохранение лесного фонда, закреплена в главах 3-4 Лесного кодекса Российской Федерации [4] (далее – ЛК РФ) и включает в себя охрану, защиту и воспроизводство лесов. Рассмотрим перечисленные элементы более подробно.

Из анализа норм глав 3 и 3.2 ЛК РФ следует, что охрана лесов подразумевает их защиту от негативных воздействий, связанных с пожарами и различными видами загрязнений. При этом в ЛК РФ содержится довольно объемный перечень профилактических мероприятий, направленных на охрану лесов: мониторинг пожарной опасности в лесах и лесных пожаров; разработка и утверждение планов тушения лесных пожаров; реализация мер противопожарного обустройства (строительство, реконструкция и эксплуатация лесных дорог, предназначенных для охраны лесов от пожаров, прокладка просек, противопожарных разрывов, устройство противопожарных минерализованных полос и т.п.); ограничение пребывания граждан в лесах и др.

В главе 3.1 ЛК РФ регламентирован порядок защиты лесов, под которой понимается предотвращение появления и размножения организмов, способных нанести вред лесам и лесным ресурсам. В свою очередь, защита лесов включает в себя ряд профилактических мероприятий, направленных на обеспечение санитарной безопасности в лесах: лесозащитное районирование; государственный лесопатологический мониторинг; проведение лесопатологических обследований; предупреждение распространения вредных организмов и иные меры санитарной безопасности в лесах.

Вышеуказанное свидетельствует, что элементы системы охраны и защиты лесов имеют самостоятельные меры (механизмы), направленные на обеспечение сохранности лесных насаждений, реализацию

которых обеспечивают специально уполномоченные субъекты.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что в систему охраны и защиты лесов, содержащуюся в ЛК РФ, не входит охрана и защита лесов от незаконных рубок и хищения древесины, и, несмотря на значимость вопроса о профилактике незаконных рубок [8], которому постоянно уделяется внимание на государственном уровне, в ЛК РФ не содержится каких-либо мероприятий, направленных на недопущение таких действий. Лишь в п. 8 Постановления Правительства РФ от 30.06.2021 № 1098 «О федеральном государственном лесном контроле (надзоре)» названы две специальные профилактические меры, предотвращающие именно незаконные рубки: приостанавливать в целях пресечения нарушения обязательных требований рубки лесных насаждений лицами, не имеющими предусмотренных ЛК РФ документов, и осуществлять в установленном порядке досмотр транспортных средств и при необходимости их задержание.

На наш взгляд, с целью совершенствования системы охраны и защиты лесов необходимо дополнить ЛК РФ главой «Охрана лесов от незаконных рубок и хищения древесины». Под такой охраной стоит понимать деятельность органов государственной власти, направленную на защиту леса от незаконных рубок (получение, транспортировка, переработка, продажа и покупка древесины с нарушением законодательства), уничтожения, повреждения и хищения древесины.

В свою очередь, данный элемент системы должен включать следующие профилактические меры:

- мониторинг и учет совершенных правонарушений;
- разработка и утверждение планов профилактических мероприятий, направленных на защиту леса от незаконных рубок, уничтожения, повреждения и хищения древесины;
- иные меры по защите леса от незаконных рубок, уничтожения, повреждения и хищения древесины.

Определяя перечень субъектов, реализующих предложенный нами элемент системы охраны лесов, стоит, кроме Федерального агентства лесного хозяйства и Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, выделить природоохранную прокуратуру, Федеральную таможенную службу и органы внутренних дел.

В настоящее время вопрос о деятельности органов внутренних дел в борьбе с преступлениями и административными правонарушениями в сфере лесопользования приобретает научную актуальность. Проанализировав различные точки зрения, мы приходим к выводу о необходимости совершенствования

противодействия названным нарушениям по следующим трем направлениям:

- 1) совершенствование правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере лесопользования;
- 2) формирование баз данных на лесопользователей и использование наукоемких технологий с целью выявления преступлений;
- 3) создание специализированных подразделений полиции, деятельность которых будет направлена на профилактику и пресечение преступлений и административных правонарушений в сфере лесопользования.

Раскрывая обозначенные направления, отметим, что в настоящее время существуют различные автоматизированные системы в сфере лесопользования (автоматизированная информационная система «Государственный лесной реестр», Рослесинфорг, платформа «Цифровой лес», «Лесной дозор», Лесовосток.рф и др.), однако единый учет, возложенный на уполномоченные федеральные органы государственной власти и призванный противодействовать незаконной добыче древесины, осуществляется только с помощью информационной системы «Единая государственная автоматизированная информационная система учета древесины и сделок с ней» (ЕГАИС). Данная система создана для отслеживания законности происхождения древесины на всех стадиях – от заготовки до переработки. В настоящее время, как отмечают в своей статье Ю.Н. Гагарин, А.А. Добровольский и А.П. Смирнов, проверка законности происхождения древесины, в т.ч. с использованием ЕГАИС, рассматривается как основной инструмент в борьбе с нелегальными рубками [1].

По нашему мнению, для эффективной борьбы с незаконными рубками может использоваться информационная система «Лесной дозор» в случае ее доработки. «Лесной дозор» представляет собой программно-аппаратный комплекс для мониторинга леса и раннего обнаружения лесных пожаров. Камеры, установленные на телекоммуникационных объектах, обнаруживают дым в режиме реального времени. Система автоматически определяет координаты и передает данные в центр контроля.

Система дистанционного мониторинга незаконного лесопользования, на которую Совет Федерации ссылается как на систему, призванную «повысить эффективность работы органов власти», цель своего создания – учет незаконных рубок и выявление территорий, где необходимо вмешательство правоохранительных органов, – в настоящее время не оправдывает. Мониторинг космических снимков высокого разрешения позволяет выявлять рубки площадью не менее 0,5-0,8 га, такая технология не позволяет выявлять выборочные рубки, а также рубки на меньшей

площади. Оперативно выявлять и пресекать незаконную рубку с помощью этой системы также не представляется возможным в связи с технологической задержкой получения снимков из космоса – от 15 до 90 дней [1].

Вышеизложенное позволяет констатировать, что, несмотря на значительную автоматизацию процесса учета в лесопользовании, а также внедрение современных достижений науки и техники, эффективно использовать такую информацию с целью профилактики, а также пресечения незаконных рубок не представляется возможным. Кроме того, органы внутренних дел как один из основных субъектов, занимающийся расследованием незаконных рубок, не имеют оперативного доступа к названным информационным системам, а получают из них информацию на основании ведомственных запросов. Мы считаем, что благодаря предложенному нами третьему направлению совершенствования противодействия незаконным рубкам органы внутренних дел должны иметь доступ к существующим информационным системам с целью оперативного выявления и пресечения незаконных рубок.

Проанализировав решения судов по статьям 260 УК РФ и 8.28 КоАП РФ, можно констатировать, что выявление незаконных рубок происходит в основном вне границ лесного фонда при транспортировке или реализации незаконно добытой древесины. Случаи, когда такая деятельность выявляется на стадии заготовки, единичны. Можно утверждать, что выявление рассматриваемых нарушений носит случайный характер (периодические рейды, операции правоохранительных органов) и позволяет выявлять лишь незначительную часть незаконных рубок. А профилактика, как мы уже обозначили выше, на государственные органы практически не возлагается. Расширение полномочий органов внутренних дел и доступ к информации в существующих автоматизированных системах позволят увеличивать количество нарушений, обнаруженных на стадии подготовки, и оперативно пресекать заготовку леса с нарушением законодательства.

Криминогенность сферы лесного хозяйства обуславливает необходимость совершенствования деятельности в том числе и подразделений органов внутренних дел. Решение проблемы мы видим в появлении в составе полиции нового подразделения, основной задачей которого станет не только выявление и пресечение незаконных рубок, но и реализация профилактических мер, направленных на недопущение таких действий. Обосновывая необходимость создания именно отдельного подразделения, а не увеличение функций каких-либо из существующих, мы отмечаем, что выявление лиц, склонных к совершению незаконных рубок, а также мест, где такие руб-

ки возможны, – это объемный комплекс ежедневных мероприятий, в т.ч. связанных с длительными командировками по лесным территориям. По этой причине возлагать такие обязанности на существующие подразделения (к примеру, участковых уполномоченных полиции, которые в настоящее время осуществляет индивидуально-профилактические меры в данной сфере) нецелесообразно и может негативно отразиться на осуществлении уже существующих функций.

Отметим, что в составе органов внутренних дел по субъектам Российской Федерации, имеющим большое количество лесных насаждений, ранее действовали специализированные подразделения милиции. Так, с 2005 года в структуре милиции общественной безопасности ГУ МВД России по Алтайскому краю действовал отдел по контролю за соблюдением лесного законодательства центра по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнения административного законодательства. Штатная численность подразделения насчитывала 41 единицу и дислоцировалась в территориальных органах края. Данным подразделением был накоплен большой опыт профилактики, а также выявления преступлений и пресечения административных правонарушений в лесной отрасли. За шесть лет работы подразделения сотрудниками выявлено более 1 тысячи преступлений и возмещен ущерб государству от противоправных действий на сумму более 72 млн рублей. В 2011 году в ходе реформы МВД России численность подразделения сократилась до 7 человек, что, безусловно, сказалось на результативности работы, а позже оно было полностью расформировано [3].

Следует отметить, что опыт работы экологической милиции свидетельствует о результативности и необходимости существования данных подразделений. Основной задачей специализированных экологических подразделений полиции в настоящее время должно стать оказание действенного профилактического влияния на ситуацию по незаконной рубке леса.

В заключение отметим, что внесение предложенных нами изменений в ЛК РФ позволит расширить систему государственных мер, направленных на сохранение лесного фонда, а закрепление конкретных субъектов и механизма реализации охраны лесов от незаконных рубок и хищения древесины будет способствовать минимизации причинения вреда лесному фонду от действий человека. При этом создание специализированных подразделений в органах внутренних дел, которые будут в числе прочих участвовать в реализации новой государственной меры, направленной на сохранение лесного фонда, позволит уменьшить количество незаконных рубок в стране и добиться рационального использования лесных благ.

Литература

1. Гагарин Ю.Н., Добровольский А.А., Смирнов А.П. Состояние и перспективы охраны лесов от незаконных рубок в Российской Федерации // Вопросы лесной науки. 2019. Т. 2 (4). С. 1-22.
2. Государственный лесной надзор подводит итоги работы за полугодие 2021 года // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Алтайского края. 23.07.2021. URL: https://minprirody.alregn.ru/news/oxr_zash_lesov/?/2021/07/23/11242_gosudarstvenniy_lesnoy_nadzor_podvodit_itogi_raboty_i_za_polugodie_2021_goda (дата обращения: 20.10.2021).
3. История подразделений ГУ МВД России по Алтайскому краю. URL: https://22.xn--b1aew.xn--plai/uvd/structure/urls/Istoriya_goda (дата обращения: 20.10.2021).
4. Лесной кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Макеев Н.Н. Комплексное осуществление прокуратурой своих функций при защите интересов Российской Федерации в сфере лесных отношений // Законность. 2021. № 1 (1035). С. 25-29.
6. О федеральном государственном лесном контроле (надзоре): постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1098 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (ч. II). Ст. 5528.
7. Об усилении контроля за оборотом древесины и противодействия ее незаконной заготовке: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2019 г. № 17-СФ. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/101036/> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Об утверждении Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 26 сентября 2013 г. № 1724-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5096.
9. Рейтинги субъектов Российской Федерации в области лесного хозяйства: объем незаконной рубки лесных насаждений в 2020 году. URL: https://rosleshoz.gov.ru/rates/illegal_felling (дата обращения: 20.10.2021).

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.973(571.150)

Р.М. Абызов, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: rav1861@yandex.ru;

П.Д. Фризен, канд. юрид. наук, доцент, заслуженный юрист Алтайского края
Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: frizenpd@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В рамках статьи дается современная криминологическая характеристика базовых детерминант преступности на примере Алтайского края, к числу которых относятся негативные факторы общественно-политического, социально-экономического и духовно-нравственного развития. Их исследование имеет важнейшее значение для определения основных направлений предупреждения преступлений в регионе. Авторы приходят к выводу о том, что основными проблемами региона сегодня являются: продолжающаяся утечка капитала, ресурсов и наиболее активных жителей в иные более крупные и экономически обеспеченные города России.

Ключевые слова: детерминанты преступности, безработица, миграция, качество жизни, коррупция, алкоголизация населения.

R.M. Abyzov, Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

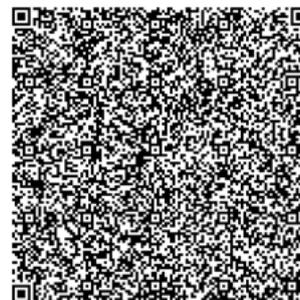
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: rav1861@yandex.ru;

P.D. Frizen, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor,
Honored Lawyer of the Altai Region

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: frizenpd@mail.ru

SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF CRIME IN THE ALTAI TERRITORY

Within the framework of the article, using the example of the Altai Territory, a modern criminological characteristic of the basic determinants of crime is given, which include negative factors of socio-political, socio-economic and spiritual and moral development. Their research is essential for determining the main directions of crime prevention in the region. The authors come to the conclusion that the main problems of the region today are: the ongoing leakage of capital, resources and the most active residents to other larger and economically well-off cities of Russia.

Key words: determinants of crime, unemployment, migration, quality of life, corruption, alcoholization of the population.

Криминологические исследования, проводившиеся в различных регионах страны, свидетельствуют о том, что уровень преступности выше там, где в структуре занятости населения преобладают рабочие добывающей, лесной и химической промышленности, производства строительных материалов, а также торговли, общественного питания и жилищно-коммунального хозяйства [5, с. 34].

В этом смысле в Алтайском крае криминогенные детерминанты существуют перманентно, поскольку на территории региона расположен целый ряд крупных промышленных комплексов топливно-

энергетического, химического, лесного и сельскохозяйственного назначения. В структуре валового регионального продукта существенно преобладают промышленность, сельское хозяйство и торговля, формирующие около 52% его объема. Современная структура промышленного комплекса характеризуется высокой долей обрабатывающих производств (свыше 85% в объеме отгруженных товаров): пищевых продуктов, продукции вагоно- и котлостроения, кокса, сельхозмашиностроения, производства электрооборудования, резиновых и пластмассовых изделий, химических и фармацевтических товаров.

Диаграмма 1

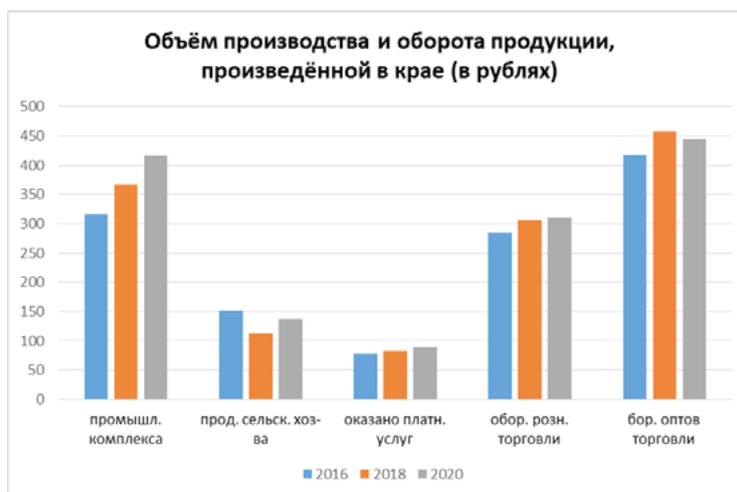

Таблица 1

Объем производства и оборота продукции, произведённой в Алтайском крае

	2016 г.	2018 г.	2020 г.	Медиана
Промышленный комплекс	317,0 млрд	367,7 млрд	416,0 млрд	366,9 млрд
Продукты сельского хоз-ва	151,5 млрд	112,4 млрд	137,2 млрд	134 млрд
Оказано платных услуг	78,3 млрд	83,3 млрд	88,0 млрд	83,2 млрд
Обор. розн. торговли	284,3 млрд	306,0 млрд	310,7 млрд	300,0 млрд
Бор. оптов. торговли	417,4 млрд	458,4 млрд	445,3 млрд	440,3 млрд

По результатам опроса 49 руководителей различных уровней в 2016 г. среди факторов, ограничивающих рост производства, предприниматели отметили: недостаточный спрос на выпускаемую продукцию на внутреннем рынке, высокий уровень налогообложения (53%); изношенность и отсутствие оборудования (40%); неопределенность экономической ситуации (39%); недостаток финан-

совых средств (54%); нехватка квалифицированных рабочих (21%). Отмеченные недостатки продолжают сохраняться и по настоящее время, поскольку как общая неблагоприятная ситуация в стране, так и отсутствие реальных ресурсов и квалифицированных управленцев в регионе не позволяют в столь короткие сроки кардинально поправить положение дел в крае.

Данные Федеральной службы государственной статистики по индексу цен в Алтайском крае

	2016 г.	2018 г.	2020 г.	Медиана
Общий индекс промышленного производства	101,6%	101,0%	93,3%	98,6%
Индекс производства продукции сельского хозяйства	112,0%	103,3%	97,3%	104,2%
Индекс цен производителей промышленных товаров	111,4%	109,0%	107,7%	109,4%
Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции	106,3%	104,5%	100,3%	104,0%
Индекс цен на продовольственные товары	104,3%	104,1%	102,5%	103,6%
Индекс цен на непродовольственные товары	107,5%	104,6%	102,9%	105,0%
Индекс цен и тарифов на услуги	105,8%	104,1%	103,3%	104,4%
Индекс потребительских цен	105,8%	100,4%	100,5%	102,2%

По всем позициям отмечается снижение показателей индексов производства и цен на различные виды товаров и услуг. На сегодняшний день Алтайский край является крупнейшим производителем экологически чистого продовольствия в России, который выпускает порядка 30% общероссийского объема крупы (в т.ч. более 55% овсяной крупы, около 50% гречневой крупы, около 30% перловой и ячневой круп, более 20% зерновых продуктов для завтрака), а также около 15% сухой сыворотки, около 13% сыров, более 11% муки из зерновых и других растительных культур, свыше 9% макаронных изделий, около 8% сливочного масла.

Алтайский край занимает 1-е место в Российской Федерации по посевной площади зерновых и зернобобовых культур: урожай зерновых и зернобобовых культур в весе после доработки составляет 5 млн тонн (6-е место в России); производство гречихи – около 400 тыс. тонн (1-е место в России); край – единственный регион от Урала до Дальнего Востока, выращивающий сахарную свеклу.

По объему производства продуктов животноводства среди субъектов Российской Федерации Алтайский край традиционно занимает высокие позиции: по производству молока – 4-е место; по производству качественной говядины – 6-е место; по поголовью крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств регион занимает 4-е место; по поголовью свиней – 15-е место.

Оборот организаций по всем отраслям увеличен на 2,4% и составил 1 275 854,9 млн рублей, в т.ч. в производстве продукции: сельского хозяйства (+18,9%), пищевых продуктов (+16,4%), текстиля (+5,0%), одежды (+41,7), лекарственных средств (+4,2%), по добыче полезных ископаемых (+27,1%), по операциям с недвижимостью (в 1,8 р.), по торговле автотранспортными средствами и их ремонту (+34,3%).

Вместе с тем снизился оборот в таких отраслях, как: строительство, здравоохранение и социальные услуги, гостиничное хозяйство и предприятия общественного питания, культура, спорт, образование, досуг. Снижение оборота в этих отраслях является следствием сложившейся эпидемиологической ситуации в регионе и введенных ограничительных мер.

В 2020 году сфера туризма и спортивно-развлекательного отдыха находилась в кризисном состоянии, связанном с карантинными мерами. Простой гостиниц, турбаз, отелей и санаториев из-за коронавируса составил 3 месяца, из-за чего пассажиропоток снизился на 40,1%, доходы уменьшились на 1,2 млрд рублей. Большую часть средств потеряли туристические фирмы (32%), санатории недополучили 27% дохода.

Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения в среднем по России в конце ноября 2020 г. составила 16 952 руб. в расчете на месяц, в Алтайском крае – 15 441,7 руб.

Таблица 3

Консолидированный бюджет края (в рублях)

	2016 г.	2018 г.	2020 г.	Медиана
По доходам, в т.ч.:	81,5 млрд	97,8 млрд	106,0 млрд	95,1 млрд
по налоговым и не налоговым	53,6 млрд	58,5 млрд	54,6 млрд	55,6 млрд
По расходам, в т.ч.:	94,3 млрд	111,0 млрд	99,7 млрд	101,7 млрд
профицит составил	5,2 млрд	8,8 млрд	6,3 млрд	6,8 млрд

Значительную долю валовой добавленной стоимости региона формируют: обрабатывающие производства промышленного комплекса (18,7%), сельское хозяйство (14,2%), оптовая и розничная торговля

(17,3%), операции с недвижимым имуществом и предоставлением услуг (11,9%), предприятия транспорта и связи (7,0%), здравоохранение и предоставление социальных услуг (5,8%) (данные за 2016 год).

Таблица 4

Основные статьи расходов бюджета Алтайского края

	2016 г.	2018 г.	2020 г.	Медиана
Социальная политика	29,8%	41,7%	39,4%	37,0%
Образование	38,3%	41,4%	41,8%	40,5%
Национальная экономика	20,0%	17,0%	14,8%	17,3%
Здравоохранение и спорт	28,0%	12,3%	13,9%	18,1%

Доля убыточных организаций увеличилась на 3,2% и составила 30,8% от общего числа обследованных. Численность таких организаций также выросла на 26,7%, сумма убытка увеличилась в 1,7 раза.

Вместе с тем подорожали:

1) продукты питания: сахар – на 72,2%, масло подсолнечное – на 26,6%, картофель – на 26,1%, хлеб – на 9,1%, консервы мясные – на 7,2%;

2) непродовольственные товары: медикаменты – на 109,7%, топливо – на 103,8%, ювелирные изделия – на 144,8%;

3) услуги: бытовые – на 104,4%, жилищно-коммунальные – на 104,0%, медицинские – на 103,9%;

4) жилищно-коммунальные услуги увеличились по всем тарифам: взносы за капитальный ремонт – на 106,8%, горячее водоснабжение – на 105,7%, отопление – на 106,5%, электроэнергия – на 104,9%;

5) платные услуги: коммунальные, телекоммуникационные, бытовые и транспортные услуги составили 70,8% в общем объеме.

В октябре 2020 г. номинальная начисленная средняя заработная плата по полному кругу организаций составила 30 208 рублей, по сравнению с сентябрем 2020 г. уменьшилась на 0,4%. Реальная заработная плата (заработная плата, рассчитанная с учетом индекса потребительских цен) к сентябрю 2020 г. составила 99,1%.

*Среднедушевые доходы населения в Алтайском крае
остаются одними из самых низких в стране (по данным СМИ «РИА Новости»)*

	2016 г.	2018 г.	2020 г.	Медиана
По размеру средней зарплаты	21 256 руб. (81 место)	22 165 руб. (68 место)	27 956 руб. (73 место)	23 792 руб. (74 место)
Доля работников с ЗП менее 15 тыс. руб.	17,0%	16,1%	19,4% (РФ – 9,2%)	17,5% 9,2%
Доля работников с ЗП свыше 60 тыс. руб.	3,2%	4,1%	4,7% (РФ – 7,9%)	4,0% 7,9%
Задолженность по зарплатам	22,6 млн	18,5 млн	8,6 млн	16,6 млн

Складывающаяся ситуация самым негативным образом влияет на увеличение количества совершаемых противоправных деяний, т.к. большая часть преступлений совершается лицами с низким уровнем дохода либо не имеющими постоянного источника заработка [2, с. 73-76].

По итогам обследования за август-октябрь 2020 г. численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше составила 1097,7 тыс. человек, или 47,2% от численности населения края, в числе которых 1031,3 тыс. человек были заняты в экономике и 66,4 тыс. человек не имели занятия, но активно его искали, считаясь безработными.

Уровень занятости населения в возрасте 15 лет и старше составил 53,9%, уровень безработицы – 6,0%. На конец ноября 2020 г., согласно данным Управления Алтайского края по труду и за-

нятости населения, численность граждан, не занятых трудовой деятельностью, составила 39,5 тыс. человек.

Численность официально зарегистрированных безработных граждан составила 35,8 тыс. человек, из них: пособие по безработице получали 23,9 тыс. человек, или 66,8%; численность безработных граждан увеличилась по сравнению с ноябрем 2019 г. на 20,2 тыс. человек, или в 2,3 раза; в ноябре 2020 г. статус безработного получили 7740 человек, что в 1,3 раза больше, чем в ноябре 2019 г.

Социально-демографическая и общественно-политическая ситуация. Согласно среднему варианту прогноза в 2021 г. численность населения снизится на 15 525 человек (11 275 – естественная убыль, 4250 – миграция) и составит примерно 2302,0 тыс. человек.

Население Алтайского края

	2016 г.	2018 г.	2020 г.	Медиана
Общая численность населения	2369,5 тыс. чел.	2338,7 тыс. чел.	2317,1 тыс. чел.	2341,8 тыс.
Плотность населения	–	–	13,79 чел. на кв. км	13,79 чел. на кв. км
Городское население	56,2%	56,3%	56,7%	56,4%
Женское население	1 278 568	1 264 653	1 247 188	1 263 470
Население сократилось	-7300 чел.	-11 400 чел.	-15 761 чел.	-11 487 чел.
Снижение рождаемости	-3,2%	-6,4%	-5,0%	4,9%
Рост смертности; миграционная убыль	-2,1% -5134 чел.	+2,1% -4833 чел.	+15,4% -4250 чел.	+5,1% -4739 чел.

Отличительной особенностью края является высокая доля сельского населения – 43,8% (по Сибирскому федеральному округу – 27,3%), или 1041,4 тыс. человек. Согласно данным Отделения Пенсионного фонда России по Алтайскому краю на 1 ноября 2016 г. на учете состоял 756 931 пенсионер – это 31,9% от общей численности населения края.

Молодое поколение трудоспособных людей уезжает в более благополучные субъекты Российской Федерации. Молодежь покидает край в поисках более высокого уровня жизни. Представители старшего поколения нередко переезжают в Южный федеральный округ ради климата. Высокий уровень социальной мобильности населения края активизирует также внутреннюю миграцию.

Миграция населения способствует «старению» Алтайского края и росту доли экономически неактивного населения. В ближайшие годы это может отразиться на дополнительной социальной нагрузке на бюджет региона. Основной причиной оттока молодых кадров жители края называют отсутствие перспектив в карьерном росте и материальной обеспеченности.

По данным рейтингового агентства «РИА РЕЙТИНГ» [9], Алтайский край не входит в десятку самых продвинутых или самых отстающих регионов страны по целому ряду показателей (капитальное строительство, промышленное производство, реальные доходы населения, прирост заработной платы, уровень безработицы и др.), занимая тем самым стабильно средние позиции среди регионов России.

Таблица 7

Рейтинг качества жизни в российских регионах

	2016 г.	2018 г.	2020 г.
	№ рейтинга / балл	№ рейтинга / балл	№ рейтинга / балл
Москва	№ 1 / 76,54	№ 1 / 77,71	№ 1 / 82,164
Алтайский край	№ 64 / 37,86	№ 73 / 37,609	№ 68 / 37,791
Республика Тыва	№ 85 / 12,53	№ 85 / 12,593	№ 85 / 17,506

Анализ рейтингов российских регионов, проведенных агентством «РИА РЕЙТИНГ» в 2016, 2018, 2020 гг. по оценке качества жизни населения в российских регионах, свидетельствует о достаточно стабильной расстановке регионов в общем их списке. Особенно это наблюдается в верхних и замыкающих группах регионов. В середине списка идет постоянная смена положения регионов – одни перемещаются выше, другие, наоборот, ниже.

Москва с самым высоким рейтинговым баллом всегда на 1 месте: 2016 г. – 76,54; 2018 г. – 77,1; 2020 г. – 82,164 баллов.

Республика Тыва также стабильно занимает только последнее 85 место: 2016 г. – 12,53; 2018 г. – 12,593; 2020 г. – 17,506 баллов.

Алтайский край занимает «плавающее» место чуть ниже середины общего списка, то немного опускаясь, то слегка поднимаясь в своём положении: 2016 г. – 37,86; 2018 г. – 37,609; 2020 г. – 37,791 баллов.

Поэтому в 2020 г. качество жизни в большинстве российских регионов практически не изменилось. Первые строчки рейтинга, как и годом ранее, занимают Москва, Санкт-Петербург и Московская область. В замыкающей тройке рядом с Республикой Тыва находятся то Карачаево-Черкесия,

то Еврейская автономная область, то Забайкальский край – все с Дальневосточного федерального округа.

Позиции Алтайского края в сравнении с другими субъектами Российской Федерации по основным социально-экономическим показателям в 2016 г. были следующими:

- по индексу промышленного производства – 53 место (прирост – 101,4%);
- по индексу объема выполненных работ в строительстве – 74 место (индекс объема выполненных работ – 82,6%);
- по изменению оборота розничной торговли – 46 место (индекс физического объема розничной торговли – 94,8%);
- по динамике реальных денежных доходов населения – 41 место со среднедушевым доходом населения 21 666 руб. в месяц;
- по изменению номинальной начисленной заработной платы – 59 место со среднемесячным показателем в 20 486 руб.;
- по отношению денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг – 67 место (денежные доходы населения в 1,62 раза выше стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг);

- по уровню безработицы – 69 место (уровень безработицы от численности рабочей силы за четвертый квартал 2016 г. составил 8,2%);

- по приросту доходов консолидированного бюджета – 59 место (прирост доходов консолидированного бюджета региона за 2016 г. по сравнению с 2015 г. – 104,1%);

- доля собственных доходов в доходах консолидированного бюджета за 2016 г. – 66,8%, долговая нагрузка на 01.01.2017 составила 4,4% [9].

Как отмечают социологи, регионы Сибирского федерального округа (далее – СФО) в 2016 г. занимали невысокие позиции в рейтинге по качеству жизни среди всех субъектов Российской Федерации. Только три региона из двенадцати, входящих в СФО, в рейтинге 2016 г. заняли места выше 50-го: Новосибирская область – 28 место; Красноярский край – 43 место и Томская область – 47 место.

Среди регионов СФО рейтинговый балл снизился наиболее существенно (более чем на 1 пункт) у Омской и Новосибирской областей, а также Алтайского края [7].

В 2020 году Алтайский край занял 68 место в общем списке регионов с 37,791 баллами при средне-российской медиане всех регионов 45,774 балла.

По отдельным показателям качества жизни населения (со средними значениями) Алтайский край занимает следующие места среди субъектов Российской Федерации:

1. По уровню доходов населения – 63 место.
2. По занятости населения и рынку труда – 56 место.
3. По жилищным условиям населения – 53 место.
4. По безопасности проживания – 56 место.
5. По демографической ситуации – 58 место.
6. По экологическим и климатическим условиям – 47 место.
7. По здоровью населения и уровню образования – 55 место.
8. По обеспеченности объектами социальной инфраструктуры – 42 место.
9. По уровню экономического развития – 55 место.
10. По уровню развития малого бизнеса – 35 место.
11. По освоенности и развитию транспортной инфраструктуры – 54 место [7].

Общее количество рейтинговых мест Алтайский край набирает 574; медиана в таком случае равна: $574 : 11 = 52$ место в общем списке регионов. Приведенные выше отдельные рейтинговые позиции Алтайского края по сравнению с регионами всей страны дают представление о крае как о субъекте РФ в основной своей массе со средними или ниже среднего показателями уровня жизни населения.

Согласно данным Института демографии Национального исследовательского университета ВШЭ, демографические показатели Алтайского края не улучшаются. Около 70,8% опрошенных экспертов охарактеризовали социально-экономическую ситуацию в крае как: «застой» (21%), «упадок» (22%) и «кризис» (28%), отмечает сайт FlashSiberia. Стабильной ситуацию назвали 18% респондентов и только 6% оценили социально-экономическое положение в крае как «подъем».

Главными проблемами своего региона жители считают падение уровня жизни, плохие дороги и безработицу. Также в числе основных проблем региона 13% населения указали коррупцию [3], по которой Алтайский край, согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, занимает 17-е место в стране. В свою очередь, в крае до сих пор не решены проблемы бюрократизации принятия решений представителями власти, что усиливает недовольство населения, провоцирует коррупцию, а также совершение самовольных (вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку) действий.

Коррупция оказывает негативное влияние на экономическое развитие региона и его жизнеобеспеченность, а также на отношение населения к власти, деятельности гражданских институтов и правоохранительных органов, подрывает авторитет государственной и муниципальной власти.

Факторы, оказывающие криминогенное влияние на преступность в регионах Сибири, в т.ч. Алтайском крае, имеют место и в социально-культурной сфере. Следует отметить снижающийся уровень образованности населения края, который, по мнению И.Д. Рыбкиной, проявляется в двух аспектах:

- во-первых, в распространенности ситуации, когда дети школьного возраста не посещают образовательные учреждения. Около 1000 детей в регионе не посещают образовательные организации (для сравнения в Новосибирской области таких детей выявлено 311, в Кемеровской области – 320, в Омской области – 362). Только в 2015 г. в Алтайском крае было выявлено 866 беспризорных и безнадзорных детей, ведущих маргинальный образ жизни, способных в любой момент совершить правонарушение либо стать жертвой преступления (для сравнения в 2011 г. таких детей было выявлено 212);

- во-вторых, идет постоянный процесс замещения образованного населения, особенно с высшим образованием, уезжающего в крупные города европейской части России, на малообразованных лиц трудоспособного возраста из Средней Азии, Монголии и Китая. Индекс грамотности в СФО ниже средне-российского показателя [8, с. 38].

Снижение уровня образования и культуры у населения связано: с одной стороны, со значительным отставанием социальной инфраструктуры, нехваткой дошкольных, школьных, спортивных и иных культурно-массовых учреждений; с другой – с отсутствием для большинства молодежи возможности получить образование по месту жительства и недостаточностью средств для его получения в других регионах.

Федеральный проект «Трезвая Россия» совместно с Экспертно-аналитическим центром при Общественной палате РФ составили «Национальный рейтинг трезвости субъектов Российской Федерации – 2016», в котором сравнили регионы по степени алкоголизации, на основании 6 показателей, характеризующих количество: умерших от алкогольного отравления; больных алкоголизмом и алкогольными психозами; преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения; проданных алкогольных напитков; правонарушений, связанных с незаконным оборотом спирта и алкогольной продукции; часов и дней запрета торговли алкоголем.

Алтайский край вошел в группы рейтинга, в которых «антиалкогольную кампанию нельзя назвать удовлетворительной» и эффект от злоупотребления спиртным «ставит под угрозу здоровье и безопасность граждан», а также наиболее пьющих, демонстрирующих высокую смертность от алкогольных отравлений, заболеваемость алкоголизмом и уровень преступности, связанный с потреблением спиртных напитков, а также максимальный объем продажи алкоголя» [4]. Чем меньше балл, тем благополучнее регион:

а) Алтайский край занял 71 место с 40,67 баллами (степень трезвости);

б) Республика Алтай – 52 место (37,26 баллов);

в) Новосибирская область – 39 место (35,63 баллов);

г) Кемеровская область – 62 место (38,36 баллов) [6].

Распространенность алкоголизма особенно усугубляет проблемы рецидивной преступности, а также ее рост [1, с. 99-102]. Кроме того, в результате алкоголизации регион теряет свой интеллектуальный потенциал, поскольку растут показатели умственной отсталости; первичной инвалидности по слабоумию; социального сиротства; количества лиц, проживающих без определенного места жительства; падения образовательного уровня молодежи.

Таким образом, основными проблемами региона сегодняшнего дня являются: продолжающаяся утечка капитала, ресурсов и наиболее активных жителей в иные более крупные и экономически обеспеченные города России. Основные производственные и добывающие предприятия платят налоги и передают прибыль в «центр». Этот капитал, если и возвращается обратно в форме дотаций, государственных программ и инвестиций, то в значительно меньших объемах.

Наиболее успешные новые местные предприятия, в т.ч. предприятия торговли, приобретаются национальными игроками рынка, в результате чего жители не получают ничего нового, а регион теряет налоги. Внутри региона практически не существует рынка местных ресурсов по большей части по причине отсутствия спроса, по меньшей части – спрос есть, отсутствует инфраструктура доставки ресурсов. Например, эксперты отмечают, что даже наличие в прямой видимости газопровода не гарантирует местному населению газификации их частных домов. Правда появилась надежда на улучшение данной ситуации после выступления Президента России В. Путина перед Федеральным Собранием в апреле 2021 г.

Литература

1. Ботвин И.В., Репьева А.М. Некоторые проблемы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 27. № 3.
2. Ботвин И.В. Учет принципов уголовного права при оценке преступного деяния // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск: Омская академия МВД России, 2020.
3. Главной экономической проблемой Алтайского края стали плохие дороги, а также безработица и коррупция. URL: <http://www.newsru.com/finance/04jun2015/altoproseconom.html> (дата обращения: 29.07.2021).
4. Ивушкина А. В России составили рейтинг алкоголизации регионов. URL: <http://iz.ru/news/596460> (дата обращения: 25.07.2021).
5. Коган В.М. Содержание труда и антиобщественное поведение // Социологические исследования. 1993. № 2.
6. Национальный рейтинг трезвости субъектов Российской Федерации – 2016. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/rejting_trezvosti23112016_1 (дата обращения: 27.07.2021).
7. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2016. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2016 (дата обращения: 29.07.2021).
8. Рыбкина И.Д. Концепция качества жизни в геоэкологическом пространстве. Барнаул: ИВЭП СО РАН, 2013.
9. Социально-экономическое положение регионов РФ. Итоги 2016 года. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regpol_01_2017 (дата обращения: 29.07.2021).

УДК 343.2

В.В. Бабурин, доктор юрид. наук, профессор

Омская академия МВД России

E-mail: vvbaburin@mail.ru;

А.А. Нечепуренко, доктор юрид. наук, профессор

Омская академия МВД России

E-mail: nechepurenko_oma@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ДЕЯНИЕ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДМЕТА И МЕТОДА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

В статье исследуется содержание понятия «уголовно-правовое деяние», раскрываются его основные признаки, определяется соотношение понятий «преступление» и «уголовно-правовое деяние». Подчеркивается, что уголовно-правовое деяние включает в себя общественно вредное и общественно полезное поведение, имеющее уголовно-правовое значение. Анализируются разновидности общественно вредного и общественно полезного поведения. В рамках уточнения содержания предмета уголовного права авторы рассматривают содержание и виды уголовно-правовых отношений, отмечают, что содержание предмета уголовного права необходимо соотносить не только с понятием преступления, но и другими уголовно значимыми видами поведения. В рамках характеристики содержания метода уголовного права уточняются способы уголовно-правового воздействия уголовно-правовых норм не только на преступное поведение, но и на правомерное поведение, связанное с причинением вреда, в таких формах его реализации, как соблюдение, использование, исполнение и применение.

Ключевые слова: преступление, уголовно-правовое деяние, признаки уголовно-правового деяния, предмет уголовного права, метод уголовного права.

V.V. Baburin, Doctor of Juridical Sciences, professor

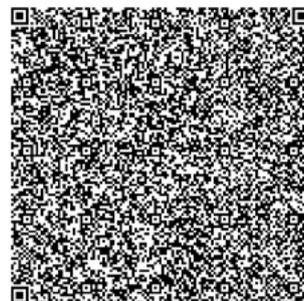
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: vvbaburin@mail.ru;

A.A. Nechepurenko, Doctor of Juridical Sciences, professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: nechepurenko_oma@mail.ru

CRIMINAL LEGAL ACT: THE CONCEPT AND MEANING FOR THE CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT AND METHOD OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

The content of the concept of “criminal act” is investigated, its main features are revealed, the ratio of the concepts of crime and criminal act is determined. It is emphasized that a criminal act includes socially harmful and socially useful behavior that has criminal legal significance. The types of socially harmful and socially useful behavior are analyzed. Within the framework of clarifying the content of the subject of criminal law, the authors consider the content and types of criminal law relations, note that the content of the subject of criminal law must be correlated not only with the concept of crime, but also with other criminally significant types of behavior. Within the framework of the characteristics of the content of the method of criminal law, the methods of the criminal-legal impact of criminal-legal norms are specified not only on criminal behavior, but also on legitimate

Key words: crime, criminal act, signs of a criminal act, subject of criminal law, method of criminal law.

В современном российском обществе с его постоянно возрастающими вызовами и угрозами, стремлением быстро и эффективно устранять любые возникающие социальные проблемы большие надежды возлагаются на уголовно-правовые средства их решения. При этом трудности развития теории и совершенствования самих уголовно-правовых средств остаются на втором плане. Все принимаемые для борьбы с очередной социально-экономической угрозой уголовно-правовые меры кажутся простыми и понятными, главное – быстрее внести изменения в уголовное законодательство. В дальнейшем все, что попадает в текст уголовного закона, становится базой для теории уголовного права. Однако, как отмечает М.С. Жук, «уголовный кодекс как форма выражения уголовного права не столько формирует, сколько отражает сформированные или формирующиеся институты уголовного права, а потому логика теоретического анализа институтов должна идти не по линии "от кодекса к праву", а наоборот, "от права к кодексу", с тем чтобы оценить степень адекватности содержания и структуры уголовного закона содержанию и структуре уголовного права» [6, с. 47].

В теории уголовного права остаются нерешенными вопросы как систематизации постоянных изменений, вносимых в уголовное законодательство, так и разработки фундаментальных, базовых уголовно-правовых проблем, включая понятия, составляющие основу российского уголовного права и имеющие большое значение для характеристики механизма уголовно-правового регулирования.

Главными проблемами понимания механизма уголовно-правового регулирования в российском уголовном праве являются: недостаточное исследование сущности и содержания уголовно значимого поведения; излишний акцент на преступлении как на основном уголовно значимом поведении и вытекающая отсюда сверхцентрализация системы российского уголовного права вокруг понятия преступления; неразвитость системы уголовно-правовых институтов, обеспечивающих уголовно-правовое регулирование основных видов общественно значимого поведения граждан; недостаточная разработанность вопросов применения уголовного закона, частичное использование возможностей уголовного закона в квалификации уголовно-правовых деяний.

В уголовном праве для характеристики общественно значимого социально опасного поведения традиционно используется *понятие преступления*, с которым связываются практически все основные вопросы данной научной отрасли: содержание уголовно-правового запрета, основания уголовной ответственности, уголовно-правовые последствия общественно опасного поведения и др. При широком использовании понятия преступления существуют про-

блемы в характеристике его содержания. Например, они касаются понимания признаков преступления [3, 8], соотношения понятий преступления и состава преступления [9, 10, 16], преступления и других видов общественно опасного поведения [12, 14]. Более того, в уголовном законе преступление не является единственным понятием, отражающим содержание общественно опасного и значимого для уголовного права поведения.

Анализ российского уголовного законодательства позволяет говорить о наличии в уголовном праве более емкого понятия, чем преступление, а именно об уголовно-правовом деянии, включающем в себя, помимо преступления, и иные общественно опасные деяния, а также правомерные деяния.

Так, в Уголовном кодексе РФ выделены в самостоятельный раздел иные меры уголовно-правового характера. Часть из них назначается лицам, являющимся невменяемыми, а деяния, совершенные ими, не считаются преступлениями. Таким образом, основаниями применения мер уголовно-правового характера являются не преступления, а именно общественно опасные деяния невменяемых [4].

В Уголовном кодексе РФ не предусмотрена, но фактически применяется ответственность за общественно опасные деяния, совершенные лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. В настоящее время такая ответственность наступает на основании Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [13]. Кроме того, в уголовных законах других стран закреплена уголовная ответственность юридических лиц, в отличие от УК РФ.

Глава 8 УК РФ посвящена обстоятельствам, исключаящим преступность деяния, т.е. особому виду поведения человека, имеющему внешние признаки общественно опасного деяния, – правомерному причинению вреда. Здесь необходимо отметить, что современный российский уголовный закон недостаточно структурирован, поскольку ряд норм, таких как обстоятельства, исключаящие преступность деяния, относится к разделу «Преступление». В этом же разделе расположены нормы, касающиеся деяний невменяемых (ст. 21), также не относящихся к преступлениям. Указанные обстоятельства, обусловленные недостаточной теоретической разработанностью содержания уголовно-правовых деяний, препятствуют дальнейшему развитию уголовно-правового регулирования.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в самом уголовном законе речь идет как минимум о трех видах уголовно-правовых деяний: во-первых, о преступлениях, во-вторых, иных общественно опасных деяниях, и наконец, в-третьих, о деяниях,

связанных с правомерным причинением вреда, имеющих признак общественной полезности. Эти деяния объединены внешними признаками уголовно-правовой значимости для правового регулирования и охраны наиболее важных общественных отношений, и поэтому их следует именовать уголовно-правовыми деяниями [2, с. 8].

О наличии в уголовном праве более емкого понятия, чем преступление, отмечается и в юридической литературе. Ряд авторов указывают на необходимость наряду с понятием преступления выделять иные общественно опасные деяния. Как отмечает В.А. Пимонов, «уголовное право, будучи публичной правовой отраслью, призвано обеспечить защиту интересов личности, общества и государства не только от преступлений, но и от иных общественно опасных посягательств». Более того, он подчеркивает, что «именно необходимостью защиты от социально опасных проявлений предопределена потребность в уголовном праве публичной отрасли российской правовой системы, в которой должны определяться способы и средства защиты охраняемых уголовным законом интересов не только от преступлений, но и от указанных посягательств» [11, с. 27]. Под иными общественно опасными посягательствами он, как и другие авторы, понимает деяния невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, а также юридических лиц.

В юридической литературе можно встретить и противоположные точки зрения. Так, Н.В. Генрих, характеризуя то обстоятельство, что меры воздействия на лиц, совершивших посягательства в состоянии невменяемости, предусмотрены в уголовном законе, считает это его недостатком и предлагает исключить данные положения из него [5, с. 84]. По ее мнению, к уголовно-правовым отношениям могут быть отнесены лишь те, которые возникают в связи с совершением преступления [5, с. 85]. С подобным подходом сложно согласиться. Во-первых, такое решение вопроса и выделение из уголовного права иных общественно опасных деяний потребуют создания еще одной отрасли в российской правовой системе, не имеющей в настоящее время даже приблизительных очертаний. Во-вторых, уголовное право не единственная отрасль права, в которой наряду с основными отношениями регулируются и другие, сопутствующие отношения. Например, в российском трудовом праве наряду с трудовыми существуют тесно связанные с ними отношения, которые также составляют содержание данной отрасли права [7, с. 49].

Таким образом, не только в уголовном праве, но и в уголовном законе преступление не является одним из центральных понятий. Фактически его место давно должно занимать другое понятие – уголовно-

правовое деяние. Однако в связи с указанными выше причинами, мешающими нормальному процессу развития теории уголовного права, к сожалению, этого не происходит.

Под уголовно-правовым деянием следует понимать предусмотренное уголовным законом или вытекающее из него общественно значимое поведение субъекта, требующее государственного реагирования. Признаками уголовно-правового деяния являются: уголовная значимость (общественная опасность или полезность); предусмотренность уголовным законом (противоправность или праворазрешенность); осознанность (виновность или правопреубежденность) и наличие уголовно-правового реагирования (наказуемость или ненаказуемость) [2, с. 8].

Подробная характеристика уголовно-правового деяния позволяет уточнить, что в уголовном праве существуют два основных вида уголовно значимых деяний: общественно опасное деяние и деяние, связанное с правомерным причинением вреда. Все остальные особенности общественно значимого поведения являются разновидностями этих видов уголовно значимого поведения.

Понятие уголовно-правового деяния, включающего в себя наряду с преступлением иные общественно опасные деяния и другие виды уголовно значимого поведения, позволяет внести существенные уточнения в содержание предмета и метода российского уголовного права – общественных отношений, которые возникают в связи с совершением не только преступления, но и в целом уголовно значимых деяний.

Итак, в рамках предмета уголовного права с учетом всех разновидностей уголовно-правового деяния в российском уголовном праве можно выделить шесть видов уголовно-правовых отношений, подлежащих регулированию [1, с. 21, 22]. Так, первой группой общественных отношений являются отношения между государством и гражданином, способным совершить преступление, по поводу удержания его от совершения преступления. Вторая группа общественных отношений, которые возникают между государством и лицом, не способным совершить преступление, но способным совершить общественно опасное деяние (объективно противоправное деяние) (лица, невменяемые или не достигшие возраста уголовной ответственности), по поводу недопущения совершения ими общественно опасного деяния. Третья группа общественных отношений возникает между государством и лицом, способным правомерно причинить вред охраняемым уголовным законом интересам, по поводу реализации им права на вынужденное причинение вреда. Четвертая группа общественных отношений возникает между государством и гражданином, совершившим преступление, по поводу при-

влечения его к уголовной ответственности. Пятая группа общественных отношений возникает по поводу применения мер социальной защиты общества между государством и лицом, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, или несовершеннолетним лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности и совершившим общественно опасное деяние. Шестая группа общественных отношений возникает между государством и лицом, правомерно причинившим вред охраняемым уголовным законом интересам, по поводу подтверждения правомерности реализации им права на вынужденное причинение вреда и исключения для него уголовной ответственности [1, с. 21, 22].

Соответственно, с учетом такого количества видов общественных отношений метод уголовного права не может сводиться только к запрету, устрашению и реальному применению наказания [15, с. 8]. Он нуждается в дополнительной характеристике с учетом специфики указанных выше уголовно-правовых отношений, прежде всего формы возможной реализации этих отношений.

Так, применительно к первой группе уголовно-правовых отношений реализация уголовно-правовых норм осуществляется путем их соблюдения гражданами, поэтому методом правового регулирования этих отношений выступает устрашение (запрет, подкрепленный угрозой применения уголовного наказания).

Применительно ко второй группе уголовно-правовых отношений реализация уголовно-правовых норм осуществляется путем их исполнения данными лицами, поэтому методом правового регулирования этих отношений выступает запрет.

Применительно к третьей группе уголовно-правовых отношений реализация уголовно-правовых норм осуществляется путем их использования в соответствующих ситуациях, поэтому методом правового регулирования этих отношений выступает дозволение.

Применительно к четвертой группе уголовно-правовых отношений реализация уголовно-правовых норм осуществляется путем их применения должностными лицами, поэтому методом правового регулирования этих отношений выступает применение наказания и иных мер уголовной ответственности (разновидности испытания и судимость).

Применительно к пятой группе уголовно-правовых отношений реализация уголовно-правовых норм осуществляется путем их применения должностными лицами, поэтому методом правового регулирования этих отношений выступает применение восстановительных и компенсационных мер.

Применительно к шестой группе уголовно-правовых отношений реализация уголовно-правовых

норм осуществляется путем их применения, поэтому методом правового регулирования этих отношений выступают контроль и содействие.

Таким образом, в рамках метода уголовно-правового регулирования можно выделить ряд особенностей. Так, в уголовном праве при регулировании действий, связанных с правомерным причинением вреда, используются свои методы, не имеющие ничего общего с устрашением. Это методы дозволения и контроля, применяемые к случаям правомерного причинения вреда. В качестве формы реализации данного вида уголовно-правового реагирования выступают меры по исключению обязанности претерпевать тяготы и лишения за правомерное причинение вреда в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Кроме того, как свидетельствует зарубежный опыт, свои методы свойственны и уголовно-правовому регулированию ответственности за совершение уголовного проступка и действий юридических лиц. Формами реализации уголовной ответственности за уголовные проступки служат наименее суровые меры уголовного наказания. В качестве формы реализации уголовной ответственности юридических лиц выступают особые меры уголовного наказания, применяемого к коллективам граждан – юридическим лицам.

В целом, учитывая особенности предмета и метода уголовно-правового регулирования таких отношений, следует выделить их разновидности, каждая из которых может быть детально регламентирована, вплоть до введения для этого нескольких подотраслей уголовного права. Среди них: уголовно-преступные (включая уголовно-проступковые, уголовно-корпоративные), уголовно-охранительные (или отношения по социальной защите общества от общественно опасных посягательств) и уголовно-разрешительные (или уголовно-исключительные) отношения. Каждые из этих уголовно-правовых отношений, имея определенную самостоятельность в рамках уголовного права, могут учитывать все особенности отдельных уголовно-правовых норм, не противореча основным положениям уголовного права.

Значение выделения данных видов отношений заключается в том, что в рамках каждого из них возможно формирование и развитие совокупности новых уголовно-правовых институтов, существование которых ранее нельзя было представить в системе уголовного права. Например, институты соучастия в преступлении, множественности преступлений, квалификации преступлений получают новое содержание и смогут стать соответственно институтами множественности участников уголовно-правовых деяний, множественности уголовно-правовых деяний, квалификации уголовно-правовых деяний и т.д.

Таким образом, уже в настоящее время становится очевидным, что уголовно-правовое регулирование охватывает борьбу не только с преступлениями и действиями невменяемых лиц, но и иными уголовно-правовыми деяниями, среди которых лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, деяния юридических лиц, а также контроль над деяниями, представляющими собой правомерное причинение вреда. Очевидно и то, что все эти деяния и меры реагирования на них со стороны государства явно не охватываются понятиями преступления и наказания, но помогают лучше раскрыть их содержание и особенности. Особо актуальной в этом плане является характеристика признаков такой разновидности уголовно-правового деяния, которая связана с правомерным причинением вреда, определяемого в настоящее время через обстоятельства, исключающие преступность деяния. Раскрытие их признаков позволит

углубить понимание сущности общественной опасности, общественной вредности, общественной полезности, а также их значения для квалификации как преступления, так и иных видов уголовно-правового деяния в целом.

Таким образом, понятие уголовно-правового деяния позволяет более полно раскрыть сущность уголовно-правовых отношений, особенности предмета и метода уголовно-правового регулирования, а также механизма уголовно-правового регулирования общественных отношений, характеристику квалификации значимых для уголовного права деяний, разграничения с общественно полезными деяниями, определения разновидностей общественно опасного и общественно полезного поведения, а значит, для решения главной задачи уголовного права – определения преступности и неправомерности человеческого поведения.

Литература

1. Бабурин В.В. Система современного уголовного права: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2015. 140 с.
2. Бабурин В.В. Понятие, признаки и виды уголовно-правового деяния // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы двадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 6-8.
3. Векленко П.В. Опасность преступления: онтологические и деонтические параметры // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений международной научной конф-ции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск: Омская академия МВД России, 2020. С. 81-85.
4. Галкин В.В. Уголовно-правовая оценка общественно опасного деяния невменяемого лица // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 3 (70). С. 10-14.
5. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 320 с.
6. Жук М.С. Пути совершенствования системы институтов российского уголовного права // Lex russica. 2015. № 4. С. 46-59.
7. Корсаков М.Н., Кобец Е.А., Защитина Е.К. Теоретико-методологическая сущность трудовых отношений и их особенности в разрезе специфики производства // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2013. № 6 (143). С. 47-52.
8. Марцев А.И. Преступление: социально-правовой анализ: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2012. 75 с.
9. Морозов В.И. К вопросу о понятии и признаках преступления // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений международной научной конф-ции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск: Омская академия МВД России, 2020. С. 98-101.
10. Николаев К.Д. Соотношение содержания понятий «преступление» и «состав преступления» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4 (71). С. 10-16.
11. Пимонов В.А. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно опасными посягательствами средствами уголовного права. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2007. 336 с.
12. Рогова Е.В. Преступление, уголовный проступок, административное правонарушение // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений международной научной конф-ции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск: Омская академия МВД России, 2020. С. 54-59.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.
14. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.
15. Суденко В.Е. Уголовное право. Общая часть: лекции / под ред. Н.А. Духно. М.: Юридический институт МИИТа, 2016. 197 с.
16. Филимонов В.Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 40-45.

УДК 343.85

А.А. Дорожинский

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: dorozhinskii-1995@mail.ru

ПРИЧИНЫ НЕЭФФЕКТИВНОГО ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ИНСПЕКЦИЯМИ ФСИН РОССИИ, И МЕРЫ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ

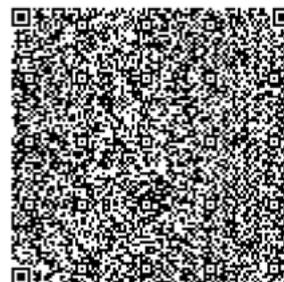
В статье рассматривается понятие посткриминального контроля как основной меры по предупреждению совершения повторных преступлений осужденными лицами без изоляции от общества. Автор статьи выделяет основные причины неэффективного посткриминального контроля, осуществляемого уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России. На основе анализа теории криминологии, российского законодательства, регулирующего сферу уголовно-исполнительной системы, опыта зарубежных стран в вопросе посткриминального контроля, осуществляемого государственными органами, автором предложены меры по устранению этих причин, позволяющие повысить эффективность посткриминального контроля, осуществляемого со стороны уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России.

Ключевые слова: посткриминальный контроль, предупреждение преступлений, осужденные без изоляции от общества, причины неэффективного контроля.

A.A. Dorozhinskiy

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

E-mail: dorozhinskii-1995@mail.ru

THE REASONS FOR INEFFECTIVE POST-CRIMINAL CONTROL CARRIED OUT BY THE PENAL ENFORCEMENT INSPECTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA AND MEASURES TO ELIMINATE THEM

The article discusses the concept of post-criminal control as the main measure to prevent the commission of repeated crimes by convicted persons without isolation from society. The author of the article identifies the main reasons for the ineffective post-criminal control carried out by the penal enforcement inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia. Based on the analysis of the theory of criminology, the Russian legislation regulating the sphere of the penal enforcement system, the experience of foreign countries in the issue of post-criminal control carried out by state bodies, the author suggests measures to eliminate these causes, allowing to increase the effectiveness of post-criminal control carried out by the penal enforcement inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Key words: post-criminal control, crime prevention, convicted persons without isolation from society, reasons for weak control.

В криминологическом аспекте контроль как правовое явление имеет неоднозначную позицию при его осуществлении уполномоченными органами. Ряд отечественных ученых считают, что контроль выступает в качестве меры воздействия на лицо, которое совершило то или иное правонарушение. Как отмечает В.А. Уткин, различные меры воздействия не могут выступать в качестве наказания и не имеют возмездного характера, а также они не могут выступать в качестве мер уголовной ответственности [13, с. 188].

Существует и иная позиция ученых, полагающих, что меры контроля могут выражаться в форме властных полномочий субъектов, которые целенаправленно осуществляют контроль за поведением осужденных, находящихся на свободе [15, с. 53].

По нашему мнению, контроль является краеугольным камнем в решении вопросов, связанных прежде всего с предупреждением повторной преступности. Особого внимания при этом заслуживают осужденные, которым назначено наказание, не связанное с реальным лишением свободы, т.к. данная категория лиц постоянно находится на свободе, не имея при этом должного контроля со стороны государственных органов, что, в свою очередь, позволяет им беспрепятственно совершать преступления повторно. В предупреждении рецидива со стороны указанной категории лиц важную роль играет посткриминальный контроль, имеющий свои особенности осуществления уполномоченными субъектами контроля.

Особое внимание понятию «посткриминальный контроль» в своих научных трудах уделял отечественный ученый в области уголовного права и криминологии О.В. Филимонов, который считал, что посткриминальный контроль является составной частью мер индивидуальной профилактики на стадии предупреждения повторной преступности. По его мнению, именно предупреждение рецидивной преступности и определяет, по своей сути, криминологическое значение посткриминального контроля. Также он делает вывод, согласно которому «...посткриминальный контроль является автономной частью механизма уголовно-правового регулирования, которая способствует эффективному решению задач, стоящих в сфере борьбы с преступностью, обеспечивая экономию уголовной репрессии» [14, с. 32, 180].

Для уяснения места посткриминального контроля в механизме исполнения наказаний без изоляции от общества, а также контроля поведения осужденных данной категории необходимо обратиться к законодательству, регулирующему данную сферу.

В диспозиции ст. 187 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [11] (далее – УИК РФ) указано, что контроль за поведением условно осужденных в течение испытательного срока осуществляется уголовно-ис-

полнительными инспекциями (далее – УИИ) по месту жительства условно осужденных. Применительно к действующему уголовному законодательству наиболее ярко посткриминальный контроль находит свое отражение в условном осуждении, которое регулируется нормами статьи 73 Уголовного кодекса РФ [12] (далее – УК РФ), а также находит свое отражение в наказаниях в виде ограничения свободы (ст. 53 УК РФ).

Так, основываясь, к примеру, на ч. 5 ст. 73 УК РФ, суд имеет право на условно осужденного наложить такие обязанности, как: не посещать определенные места, не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа и др. Контроль за надлежащим поведением осужденных без изоляции от общества в силу своих должностных обязанностей исполняет УИИ.

В соответствии со ст. 54 УИК РФ на УИИ возлагается ряд обязанностей, связанных с контролем за поведением осужденных, находящихся на свободе. Так, например, УИИ оказывает помощь осужденным в трудоустройстве, проводит с осужденными воспитательные беседы, применяет установленные законом меры поощрения и взыскания и ряд других.

Следует также выделить такие основополагающие нормативные правовые акты, регламентирующие основания и порядок посткриминального контроля за осужденными, как:

а) Положение об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» [6]. В общих его положениях выделены основные задачи инспекций, одной из которых является предупреждение преступлений иных правонарушений со стороны лиц, состоящих у них на учете;

б) Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденная Приказом Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [4], согласно общему положению которой УИИ анализируют работу по исполнению наказаний и осуществлению контроля за поведением осужденных, готовят в соответствии с действующим законодательством статистическую отчетность, а также информационно-аналитические документы. Также УИИ взаимодействуют с органами местного самоуправления и социальными службами в решении вопросов оказания осужденным без изоляции от общества помощи в социальной адаптации.

Между тем, несмотря на всю законодательно-правовую регламентацию посткриминального контроля, количество повторных преступлений, совершаемых лицами, состоящими на учете в УИИ, растет.

Согласно официальным статистическим данным, предоставленным УФСИН России по Алтайскому краю, за 2019 и 2020 гг. количество повторных преступлений, совершенных подучетной категорией лиц, увеличилось на 1%, что позволяет сделать вывод о снижении эффективности деятельности УИИ в вопросе осуществления посткриминального контроля в отношении осужденных без изоляции от общества.

В сложившейся ситуации возникает вопрос «Каковы основные причины неэффективного посткриминального контроля, которые приводят к увеличению повторной преступности среди осужденных, состоящих на учете в УИИ?»

На наш взгляд, необходимо выделить следующие:

1. Качество профилактических бесед, проводимых сотрудниками УИИ с осужденными различных категорий, состоящих у них на учете. Данные профилактические беседы зачастую имеют общий и формальный характер, без особого разграничения статуса, возраста осужденного, а также без углубления в их проблемы личного характера, возможно имеющиеся у осужденного лица.

Полагаем, что скрытые личностные проблемы осужденного могут послужить катализатором в активизации их преступной деятельности, а значит и важности совершения ими преступлений повторно.

Кроме того, сотрудники УИИ в ходе проведения бесед в редких случаях интересуются вопросами взаимодействия осужденного с членами его семьи, с потерпевшей стороной и рядом других вопросов, выяснение которых помогло бы определить эмоциональное и психологическое состояние осужденного в момент его нахождения на учете. Это, в свою очередь, позволило бы спрогнозировать его возможное криминальное поведение в будущем, а значит предупредить совершение им повторного преступления.

2. Проблемы организации совместной деятельности между УИИ и подразделениями органов внутренних дел (далее – ОВД), к примеру, с такими как: участковый уполномоченный полиции, инспектор по делам несовершеннолетних, инспектор по административному надзору и др.

Несмотря на существование Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению преступлений со стороны лиц, состоящих на учете в УИИ [7], в большинстве случаев перечисленные подразделения ОВД в силу своей служебной загруженности неохотно взаимодействуют с сотрудниками УИИ по данному вопросу. Кроме того, выполнение существующего на практике порядка

и условий взаимодействия двух ведомств остается на низком уровне.

По мнению И.Н. Смирновой, одной из основных причин слабого взаимодействия между УИИ и ОВД в вопросе предупреждения преступлений и иных правонарушений со стороны осужденных без изоляции от общества является переход УИИ из МВД России в Минюст России, поскольку сотрудники были вынуждены долгое время пользоваться нормативными актами, которые приняты МВД России. Одновременно резко произошло отстранение ОВД от работы с осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы [9, с. 159]. К тому же долгое время отсутствовал нормативный правовой акт, регулирующий совместное взаимодействие.

3. Нерезультативное взаимодействие УИИ с государственными, муниципальными органами и частными организациями по предоставлению осужденным возможности трудоустройства на возмездной или безвозмездной основе.

Данная причина вызывает типичную криминальную ситуацию, когда подучетные лица, находящиеся на учете в УИИ, в силу нежелания последней брать на себя организационные вопросы по трудоустройству осужденных остаются без какого-либо источника дохода, что вынуждает первых идти на совершение прежде всего преступлений корыстной направленности.

Полагаем, что экономическая сторона вопроса по трудоустройству осужденных без изоляции от общества является в данном случае практически значимой и важной, поскольку материальная независимость осужденного в первую очередь способствует его успешной социальной адаптации и интеграции в современное общество, минимизируя риски совершения данной категорией лиц повторных преступлений.

4. Недостаточная штатная численность сотрудников УИИ наряду с большим документооборотом и многочисленными отчетами о проделанной работе также негативно сказываются на качестве осуществления посткриминального контроля за поведением осужденных без изоляции от общества.

Выделив основные причины неэффективного посткриминального контроля, предлагаем следующие меры по их устранению.

В Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества следует предусмотреть обязанность УИИ проводить запланированные тематические профилактические беседы со всеми категориями осужденных с обязательным приглашением родственников или иных лиц, которые могут оказать на них положительное влияние.

При проведении подобных бесед сотрудник УИИ должен обладать не только общей информацией об

осужденном, но и иметь на подучетное лицо комплексное досье с психологической картой, его взаимоотношениями в быту, интересами по жизни, творческими или трудовыми предрасположенностями.

Ввиду того что сотрудники УИИ не имеют необходимых знаний в области психологии, целесообразно к беседе между УИИ и осужденным привлекать квалифицированных психологов, которые помогали бы в вопросах личного характера, профориентации и устранения психологических трудностей при трудоустройстве, преодоления кризисных и стрессовых ситуаций, а также в вопросе социальной адаптации и реабилитации, мотивирования на исполнение наказания, прогнозирования поведения осужденного, профилактики повторных преступлений [8, с. 25-26].

Также необходимо закрепить случаи, когда межведомственное взаимодействие служб в вопросах контроля за осужденными лицами будет обязательным, плановым и регулярным, что позволит повысить эффективность посткриминального контроля. Возможно осуществление совместных профилактических рейдов в отношении осужденных лиц, состоящих на учете в УИИ, и ряд иных совместных профилактических мероприятий.

На законодательном уровне необходимо увеличить штатную численность сотрудников УИИ и оптимально перераспределить между ними рабочую нагрузку, связанную с контролем за осужденными. На сегодняшний день средняя нагрузка на инспекторский состав УИИ составляет около 42 осужденных на одного сотрудника. Научно-исследовательским институтом ФСИН России была рассчитана и установлена оптимальная нагрузка на одного сотрудника УИИ, которая составила 28 осужденных [2, с. 17]. На наш взгляд, предложенная научными сотрудниками НИИ ФСИН России методика расчета штатной численности сотрудников УИИ позволила бы снизить нагрузку на каждого сотрудника УИИ при выполнении возложенных на них служебных обязанностей, что, в свою очередь, повысило бы эффективность и качество контроля за осужденными.

Между тем политика государства, направленная на постоянную централизацию государственных органов, их укрупнение и объединение ввиду оптимизации финансовых средств и их дефицита, может существенно замедлить решение указанной проблемы.

Также в решении данного вопроса целесообразно обратиться к опыту зарубежных стран, где актив-

но в помощь похожим на службы УИИ, например в службах пробации, используют на добровольных началах волонтеров. В качестве волонтеров, как правило, выступают студенты либо юридических факультетов, либо специализированных правоохранительных образовательных организаций, которые помогают действующим сотрудникам служб осуществлять контроль за поведением осужденных лиц, которым назначено наказание, не связанное с реальным лишением свободы [10, с. 54]. Таким образом, они существенно снижают рабочую нагрузку сотрудников, тем самым повышают качество контроля за осужденными.

Стоит отметить, что отечественные криминологи неоднократно поднимали вопрос о создании правовых основ участия общественности в осуществлении посткриминального контроля в сфере наказаний, не связанных с изоляцией от общества [3, с. 36].

Кроме того, законодателем на разных уровнях выносился вопрос о разработке и принятии инструкции общественного инспектора УИИ территориальных органов уголовно-исполнительной системы. Инструкция предполагала наделение общественных инспекторов правом проверять совместно с сотрудниками УИИ исполнение осужденными таких наказаний, как: исправительные работы, привлечение к общественным работам, лишение права занимать определенную должность, заниматься определенной деятельностью. Несмотря на открытые споры и правовые дискуссии, Положение об общественных инспекторах территориальных уголовно-исполнительных инспекций все же было принято в качестве эксперимента на уровне одного субъекта. Так, в 2000 году в Ростовской области был принят приказ об общественных инспекторах уголовно-исполнительных инспекций, который просуществовал несколько лет, а затем прекратил свое действие [5]. Как отмечает С.Л. Бабаян, опыт использования общественных инспекторов на примере Ростовской области не был распространен на все уголовно-исполнительные инспекции России и, соответственно, не был закреплен на федеральном уровне [1, с. 5].

Указанные меры, на наш взгляд, могут способствовать повышению качества посткриминального контроля, осуществляемого со стороны УИИ, и, как следствие, сократить уровень повторной преступности среди лиц, состоящих у них на учете.

Литература

1. Бабаян С.Л. К вопросу о профилактической работе с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Пенитенциарная наука. 2017. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-profilakticheskoy-rabote-s-osuzhdennymi-sostoyaschimi-na-uchete-v-ugolovno-ispolnitelnyh-inspektsiyah> (дата обращения: 01.10.2021).

2. Габараев А.Ш. Проблемы научной организации труда сотрудников уголовно-исполнительных инспекций // Ведомости УИС. 2017. № 12 (187). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-nauchnoy-organizatsii-truda-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnyh-inspektsiy> (дата обращения: 29.09.2021).
3. Гета М.Р. Пробация в уголовном праве зарубежных стран: учебное пособие. Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ им. С. Аманжолова, 2004. 91 с.
4. Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества [Электронный ресурс]: приказ Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об объявлении Положения об общественных инспекторах уголовно-исполнительных инспекций ГУИН Минюста России по Ростовской области: приказ ГУИН Минюста России по Ростовской области от 08.04.2000 № 243. URL: <http://www.coast.ru/referats/library1/editions/prison/28/34.htm> (дата обращения: 02.10.2021).
6. Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 (ред. от 23.04.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений [Электронный ресурс]: приказ Минюста России № 190, МВД России № 912 от 04.10.2012 (ред. от 20.01.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Смирнова И.Н. Организационно-правовые проблемы психологического обеспечения уголовно-исполнительных инспекций // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-problemy-psihologicheskogo-obespecheniya-ugolovno-ispolnitelnyh-inspektsiy> (дата обращения: 01.10.2021).
9. Смирнова И.Н., Минаева И.С. Проблемы организации совместной деятельности уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел в сфере профилактики преступлений и других правонарушений осужденных без изоляции от общества // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-sovmestnoy-deyatelnosti-ugolovno-ispolnitelnyh-inspektsiy-s-organami-vnutrennih-del-v-sfere-profilaktiki> (дата обращения: 02.10.2021).
10. Тыныбеков Н.Т. Практика применения пробации в зарубежных странах // Юридическая наука. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-probatsii-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 28.09.2021).
11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 26.05.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Уткин В.А. О правовой природе воспитательных мер, применяемых к осужденным за преступления // Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск, 1984.
14. Филимонов О.В. Посткриминальный контроль: Теоретические основы правового регулирования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 180 с.
15. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 2000. 179 с.

УДК 343.988:343.85

И.Н. Заварыкин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: criminal-man@mail.ru

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

В статье анализируются закономерности насильственных преступлений против личности, совершаемых в Российской Федерации, а также рассматриваются пути решения проблем, связанных с виктимологической профилактикой данного негативного социального явления.

Автор приходит к выводу о том, что уровень виктимности населения Сибирского федерального округа по убийствам, умышленному причинению тяжкого вреда здоровью и изнасилованиям в 2020 г. был в 1,5 раза выше, чем по России в целом. Особенно неблагоприятно на этом фоне выглядит Республика Тыва, где, например, уровень виктимности от убийств был выше общероссийского показателя в 5,7 раза, от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – в 7,2 раза, а от изнасилований – в 4,2 раза.

Также автор отмечает, что необходимо усилить работу по выявлению лиц, склонных к злоупотреблению алкоголем и совершающих бытовые насильственные правонарушения, а также лиц, незаконно сбывающих немаркированную алкогольную продукцию.

Для более эффективного противодействия рассматриваемому явлению автором сформулированы рекомендации по виктимологической профилактике.

Ключевые слова: насильственные преступления, закономерности преступности, виктимологическая профилактика преступности.

I.N. Zavarykin, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: criminal-man@mail.ru

VICTIMOLOGICAL ASPECTS OF PREVENTION VIOLENT CRIMES AGAINST THE PERSON

The article analyzes patterns of violent crimes against the person committed in the Russian Federation, along with consideration of problems-solving ways related to victimological preventive measures of this negative social phenomenon.

The author comes to the conclusion that the level of victimization of the Siberian Federal District population from murders, intentional inflictions of serious harm to health and rapes in 2020 was 1.5 times higher than in Russia as a whole. The Republic of Tyva looks especially unfavorable against this background, where, for example, the level of victimization from murders was 5.7 times higher than the national indicator, from intentional inflictions of serious harm to health – 7.2 times, and from rapes – 4.2 times.

He also mentions that it is necessary to intensify efforts to identify persons with alcohol abuse, perpetrators of domestic violence, and persons illegally selling unmarked alcoholic products.

For more efficient counteraction against the considered phenomenon the author has defined recommendations concerning victimological preventive measures.

Key words: violent crime, criminal patterns, victimological crime preventive measures.

Необходимо отметить, что раздел IV УК РФ «Преступления против личности» содержит в себе большое количество составов, а круг посягательств, предусматривающих уголовную ответственность, достаточно широк.

В него входят такие главы: глава 16 «Преступления против жизни и здоровья», глава 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», глава 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», глава 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», глава 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Однако все эти группы уголовно наказуемых деяний объединяет основной родовый объект – общественные отношения, связанные с безопасностью личности.

Индикатором посягательств на личность являются наиболее общественно опасные деяния: убийства, умышленные причинения тяжкого вреда здоровью и изнасилования. Они наносят не только непоправимый вред потерпевшим, но и причиняют моральные страдания их близким, снижают безопасность общества, характеризуются самыми низменными мотивами и средствами достижения преступных целей – насилием. А как известно, насилие – наиболее опасная форма противоправной деятельности.

Так, преступления, совершенные российскими серийными убийцами и сопряженные с изнасилованиями, имели не только внутренний, но и мировой общественный резонанс.

В этом отношении приведем примеры серийных убийц и насильников, совершавших свои преступления в Сибирском федеральном округе.

Александр Спесивцев, признанный душевнобольным, с 1991 по 1996 гг. в г. Новокузнецке совершил 20 убийств несовершеннолетних, сопряженных с изнасилованиями. Особенностью преступлений является совершение их в собственной квартире при непосредственном содействии матери и в присутствии сестры.

Алтайский край помнит ужаснейшие преступления, совершенные Александром Павленко в конце 1990-х – начале 2000-х гг., насильничавшим своих жертв, а впоследствии убившим четверых из них.

Не забыта история о пропавших без вести летом 2000 г. абитуриентах АлтГТУ, главный подозреваемый в убийстве которых Александр Анисимов закончил жизнь самоубийством.

Следует сказать и об алтайском серийном убийце Валерии Копытове, осужденном в 2005 г. к 25 годам лишения свободы за 19 убийств лиц без определенного места жительства.

В декабре 2018 г. Иркутский областной суд приговорил Михаила Попкова к пожизненному лишению свободы. Являясь действующим сотрудником

органов внутренних дел, Попков изнасиловал и убил 81 девушку в г. Ангарске и его окрестностях с 1992 по 2010 гг.

Все вышеперечисленные убийцы и насильники выбирали своих жертв среди наиболее виктимных категорий населения.

Для определения целей и задач виктимологической профилактики преступлений против личности (ст. 105, 111, 131 УК РФ) проанализируем основные показатели виктимности населения в Российской Федерации за последние 10 лет (в 2011-2020 гг.).

Несмотря на стабильное снижение абсолютных показателей преступлений с 2011 по 2018 гг., в 2019-2020 гг. в Российской Федерации произошел их незначительный рост (на 2,6%). Следует также отметить, что в 2020 г. на 14,0% возросло количество тяжких и особо тяжких преступлений.

Такая тенденция прослеживалась во всех федеральных округах.

В 2020 году возросло число погибших потерпевших в Ненецком АО (+100% к 2019 г.), в Республике Ингушетия (+51,6% к 2019 г.), в Томской области (+26,1% к 2019 г.), в Удмуртской Республике (+24,7% к 2019 г.), в Камчатском крае (+24,0% к 2019 г.), в Республике Коми (+21,6% к 2019 г.), в Белгородской области (+15,5% к 2019 г.), в Хабаровском крае (+15,4% к 2019 г.), в Астраханской (+15,2% к 2019 г.) и Ленинградской (+14,0% к 2019 г.) областях.

Также в 2020 г. возросло количество потерпевших, которым причинен тяжкий вред здоровью в г. Севастополе (+28,9% к 2019 г.), в Кабардино-Балкарской Республике (+20,3% к 2019 г.), в Республике Калмыкия (+10,8% к 2019 г.), в Карачаево-Черкесской Республике (+10,0% к 2019 г.), в Ивановской области (+9,3 % к 2019 г.).

Уровень виктимности населения Сибирского федерального округа по убийствам, умышленному причинению тяжкого вреда здоровью и изнасилованиям в 2020 г. был в 1,5 раза выше, чем по России в целом. Особенно неблагоприятно на этом фоне выглядит Республика Тыва, где, например, уровень виктимности от убийств был выше общероссийского показателя в 5,7 раза, от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – в 7,2 раза, а от изнасилований – в 4,2 раза.

Следует также отметить, что для Сибирского федерального округа достаточно актуальна проблема бытовой насильственной преступности. Так, например, в Алтайском крае в рассмотренный период их количество увеличилось на 16,7%. Подобные тенденции характерны как для России в целом, так и для Сибирского федерального округа, где темпы роста составляют 14,0% и 18,9% соответственно [5].

Следовательно, обеспечение криминологической безопасности граждан от преступлений против

личности в рассмотренных регионах требует дополнительных усилий, в т.ч. и со стороны правоохранительных органов.

Рост вышеуказанных показателей стал возможным по ряду причин.

1. Продолжает негативно отражаться на состоянии преступности пьянство. Удельный вес преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения, от общего числа расследованных уголовно наказуемых деяний в СФО составил 36,7%, что выше среднего общероссийского показателя (30,6%).

2. Нестабильность экономики и социальной сферы. Так, например, в период пандемии COVID-19 в России увеличилось количество безработных на 24,7%.

3. Инфляция и рост цен в России. Повышенная задолженность населения. Так, эксперты СтатБюро подсчитали, что уровень официальной инфляции за последние 10 лет вырос в России на 84,24% [1].

От нерешенных жизненных проблем и безделья люди начали злоупотреблять алкоголем.

4. Ограничительные меры, введенные в период пандемии COVID-19, также повлияли на увеличение числа тех, кто стал злоупотреблять алкоголем. На данную ситуацию повлияло и массовое увлечение жителей страны самогонварением, которое не запрещено законом.

5. Популяризация самогонварения в социальных сетях, на видеохостинге YouTube, его доступность. Существует значительное количество магазинов, торгующих продукцией для домашнего изготовления алкоголя; каналы видеоблогеров, рассказывающих об этом процессе, имеют повышенные рейтинги и стабильно высокое количество просмотров.

6. Распространение дешевого контрафактного алкоголя. Жители, страдающие алкоголизмом, не имея средств для приобретения качественной продукции, продолжают покупать паленую водку, контрафактный спирт и т.д.

Вышеуказанные объективные причины требуют повышенного внимания со стороны властей и правоохранителей.

По нашему мнению, на законодательном уровне следует ввести ограничения по открытой торговле самогонными аппаратами и сопутствующими товарами. Также необходимо усилить работу по выявлению лиц, склонных к злоупотреблению алкоголем и совершающих бытовые насильственные правонарушения, а также лиц, незаконно приобретающих, хранящих, перевозящих и сбывающих немаркированную алкогольную продукцию.

Детерминанты виктимности от насильственных преступлений против личности схожи с криминологическими, только их анализ нужно производить через виктимологическую призму.

Так, например, бедность, безработица, малообразованность, алкоголизация, наркотизация населения, проституция, беспризорность, безнадзорность и бесконтрольность несовершеннолетних в значительной мере влияют на приобретение виктимных и криминальных качеств.

Неудовлетворительная работа правоохранительных органов в сфере виктимологической профилактики преступлений, недостаточное половое и правовое воспитание учащихся в организациях образования, негативное влияние семьи, ближайшего окружения, СМИ и сети Интернет, популяризация насилия (в т.ч. сексуального), а также фривольного поведения являются основными детерминантами виктимизации от насильственных преступлений против личности.

Особенно в этом плане следует обратить внимание на виктимное поведение потерпевших, т.к. более половины тяжких насильственных преступлений совершается в конфликтных ситуациях, сопровождающихся «выяснением отношений» нескольких субъектов. И только случай определяет, кто из них окажется жертвой, а кто обвиняемым.

Виктимное поведение характерно для изнасилований, где значительная часть потерпевших (по данным исследований Г.Б. Дерягина, 40%) сама благоприятствует возникновению преступного умысла и его реализации (как правило, фривольным поведением в ситуациях, связанных с совместным употреблением алкоголя с насильником) [2, с. 336].

Так, 1 августа 2018 г. в поселке Усть-Кокса Республики Алтай в автомобиле был обнаружен труп десятиклассницы М. Ее изнасиловали, а потом задушили. Девушка была привязана к автомобильной двери веревкой за шею.

Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. 17-летняя девушка отпросилась у мамы, чтобы переночевать у подружки, однако совместно с ней они пошли на вечеринку к молодым людям, где вместе употребляли алкоголь. Ночью в состоянии алкогольного опьянения в центре поселка М. села в машину, где ее ждала подруга и двое незнакомых мужчин. После катания хозяин автомобиля вместе со второй девушкой разошлись по домам, а М. и другой молодой человек остались в машине. Утром ее владелец обнаружил труп М.

Вывод один: не обманула бы девушка своих родителей и ночевала дома, не каталась бы ночью с малознакомыми мужчинами на автомобиле, осталась бы живой [6].

Среди субъектов профилактики насильственных преступлений против личности наивысшим показателем эффективности, по оценке экспертов, обладают органы внутренних дел. Высокие показатели эффективности имеют прокуратура; органы образования; религиозные конфессии; общественные фор-

мирования, создаваемые на добровольной основе, судебные органы. Преобладающие показатели среди всех служб органов внутренних дел, которым присуща виктимологическая профилактика, у службы участковых уполномоченных полиции [4, с. 22].

Структура общей виктимологической профилактики многоуровневая. Основными ее направлениями могут быть разработка государственных и региональных программ по повышению уровня правового, культурного и духовного воспитания граждан, укреплению семьи, охране материнства и детства, правовой пропаганде в средствах массовой информации, созданию специализированных подразделений в правоохранительных органах.

Рассмотрим основные меры и направления эффективной организации общей виктимологической профилактики насильственных преступлений против личности. В качестве основополагающих мер виктимологической профилактики, по мнению большинства ученых-криминологов, является целенаправленная работа по устранению основных выявленных виктимогенных факторов, детерминирующих виктимизацию населения.

Разработка концептуальных государственных программ, направленных на снижение уровня безработицы, бедности, алкоголизации и наркотизации общества с учетом территориальных, национальных и культурных особенностей регионов, и их успешная реализация позволят значительно снизить возможность приобретения виктимных качеств.

Многие авторы виктимологических исследований отмечают отсутствие единого законодательства о виктимологической профилактике и реабилитации жертв преступлений, в котором определялись бы ее основы.

Наибольшую трудность в индивидуальной и групповой виктимологической профилактике преступлений против личности представляет собой этап выявления конкретных лиц с потенциальным виктимным поведением.

Для профилактики убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью важным направлением является выявление лиц с агрессивным, антиобщественным, насильственным, провоцирующим поведением. Учитывая социально-психологические характеристики таких лиц, необходимо убеждать их отказываться от противоправных намерений и действий, разъяснять неизбежность причинения таким поведением вреда себе и окружающим, тяжесть возможных последствий для самого лица, его окружения.

Как справедливо отмечает С.С. Мумаев, ситуация совершения преступления может быть как криминогенной (виктимогенной), так и автономной [7, с. 10]. При этом поведение вероятного потерпевшего может быть абсолютно нейтральным.

Так, в г. Бийске 18 октября 2020 г. около 20.00 некий Александр Баскаков напал с ножом на двух девушек недалеко от местного училища. Тренер по карате Мария Анохина не успела сориентироваться в мгновенно сложившейся криминальной ситуации, получила ножевые ранения, от которых погибла на месте. Ее подруга Анастасия Кокарева выжила, получив тяжкие телесные повреждения.

Преступление было совершено недалеко от спортивного клуба, где работала Мария Анохина. Вместе с подругой она возвращалась домой. Мимо проходил сильно пьяный Баскаков. Из-за внезапно возникшего неприязненного отношения к пострадавшим он напал на девушек. От единственного удара ножом Мария Анохина погибла. Анастасия получила два тяжелых ранения, но смогла отбежать в сторону и позвать на помощь. Убийца скрылся. Впоследствии полицейские задержали преступника и привлекли к уголовной ответственности. Как выяснилось в ходе следствия, Александр Баскаков ранее был судим за незаконный оборот наркотиков. На момент задержания он жил в шалаше, нигде не работал и постоянно злоупотреблял алкоголем. Рассмотренный случай широко обсуждался в федеральных и местных СМИ.

Отсюда можно сделать вывод, что в последнее время можно столкнуться с немотивированной агрессией, которая является следствием длительной девиации и отсутствием предупредительного воздействия на объект профилактики.

В ходе индивидуальной профилактической работы с категориями граждан, состоящих на профилактических учетах, сотрудники правоохранительных органов могут осуществлять и виктимологическую профилактику, выявляя их виктимно значимые характеристики. А изучая лиц, склонных к агрессивному поведению и совершению насильственных преступлений, их связи, можно определить круг потенциальных потерпевших. Учитывая, что значительная часть убийств и умышленных причинений тяжкого вреда здоровью совершается в семейно-бытовой и досугово-бытовой сферах, необходимо особое внимание уделять окружению лиц, способных совершать агрессивные действия, в т.ч. противоправные.

При выявлении потенциальных потерпевших необходимо разъяснять возможности правовой и иной защиты со стороны государства. Эффективным способом выявления потенциальных потерпевших могут стать проводимые в рамках специальных мероприятий целенаправленные проверки неблагополучных семей, «проблемных» квартир, одиноких пожилых и больных людей. Активную роль в таких случаях, наряду с органами внутренних дел, могут сыграть органы социальной защиты населения, опеки и попечительства.

Особую трудность представляет выявление потенциальных жертв изнасилований и иных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Негативную роль здесь играет высокая латентность данных преступлений, а виктимологическая профилактика осуществляется в основном в отношении реальных потерпевших. В связи с этим правоохранителям следует взаимодействовать с кризисными центрами для мужчин и женщин, действующими в регионах.

Как показывает официальная статистика, значительная часть изнасилований совершается в отношении несовершеннолетних. Взаимодействие органов внутренних дел с образовательными и медицинскими организациями может предоставить реальную возможность выявлять потенциальных и реальных жертв изнасилований.

Органы внутренних дел могут получать важные сведения о фактах возможного сексуального насилия над несовершеннолетними из результатов их медицинских осмотров, информации, поступающей из образовательных организаций. Правоохранителям совместно с педагогами и психологами следует проводить профилактические беседы об обеспечении собственной безопасности со студентами вузов, ссузов, школьниками, воспитанниками детских садов. При этом необходимо учитывать возрастные особенности профилируемых лиц.

Таким образом, реализация виктимологической профилактики насильственных преступлений против личности должна быть комплексной, строиться на совместной работе всех субъектов предупредительной деятельности.

Литература

1. Бюро статистики. URL: <https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation> (дата обращения: 22.09.2021).
2. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология: курс лекций для юрид. фак-тов. М., 2008.
3. Заварыкин И.Н., Бугров М.С. Некоторые проблемы противодействия насильственным бытовым преступлениям участковыми уполномоченными полиции в Алтайском крае // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. С. 45-47.
4. Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
5. Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде // Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: <http://www.fedstat.ru> (дата обращения: 22.09.2021).
6. Комсомольская правда. Новость от 06.08.2018. URL: <https://www.alt.kp.ru/daily/26864/3907194/> (дата обращения: 22.09.2021).
7. Мумаев С.С. Виктимологические аспекты профилактики насильственных преступлений (на материалах убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

УДК 343.271

Д.А. Огорелков

адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: ogorelkov97@yandex.ru

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ШТРАФА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье представлено сравнительно-правовое исследование вопросов регламентации норм о наказании в виде штрафа в уголовных законах России, Украины, Беларуси как государствах, имеющих общий исторический путь развития, экономико-культурные связи, а также схожую систему законодательства. Автором выделяются наиболее значимые положения УК Украины и УК Беларуси относительно применения штрафа в части определения назначаемой суммы и установления повышенного размера штрафа за отдельные виды преступлений. В работе отражены актуальные статистические данные о применении штрафа, приводятся мнения зарубежных исследователей в области наказания. Использование метода сравнительного правоведения позволяет в положительную сторону отметить отнесение штрафа не к самой мягкой мере в системе наказаний. Вместе с тем в статье также отмечены недостатки в правовом регулировании применения штрафа в зарубежном законодательстве, которые необходимо учитывать при совершенствовании института уголовного наказания в УК РФ.

Ключевые слова: наказание, штраф, наказания имущественного характера, зарубежное уголовное законодательство, штраф в странах СНГ.

D.A. Ogorelkov

postgraduate students of Omsk Academy of the Ministry of the Interior
of Russia

E-mail: ogorelkov97@yandex.ru

PENALTY IN THE FORM OF A FINE IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA, UKRAINE AND BELARUS: COMPARATIVE ANALYSIS

The article presents a comparative legal study of the regulation of the norms on punishment in the form of a fine in the criminal laws of Russia, Ukraine, Belarus, as states with a common historical path of development, economic and cultural ties, as well as a similar system of legislation. The author highlights the most significant provisions of the Criminal Code of Ukraine and the Criminal Code of Belarus regarding the application of a fine in terms of determining the amount to be assigned and establishing an increased fine for certain types of crimes. The paper reflects current statistical data on the application of the fine, provides opinions of foreign researchers in the field of punishment. The use of the method of comparative jurisprudence makes it possible to note in a positive way that the fine is not attributed to the mildest measure in the system of punishments. At the same time, the article also notes shortcomings in the legal regulation of the application of fines in foreign legislation, which must be taken into account when improving the institution of criminal punishment in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: punishment, fine, property-related penalties, foreign criminal legislation, fine in the CIS countries.

Каждое современное государство имеет собственный путь становления и развития. Протекающие внутренние социальные, политические, экономические и иные процессы оказывают влияние на правовое пространство страны, формируя уникальную систему национального права. В связи с этим необходимость их учета стоит на первом месте при проведении каждого исследования в области права.

Для более глубокого изучения реальных проблем, существующих в определенной области правового регулирования, и выявления проблем потенциальных, невидимых на первый взгляд, а также для разработки наиболее перспективных законодательных предложений обратимся к методу сравнительного правоведения. Профессор В.И. Лафитский отмечает крайне низкий уровень эффективности законодательства Российской Федерации в решении отдельных проблем, что ставит на повестку дня задачу более широкого внедрения сравнительно-правовых исследований в законотворческую практику [6, с. 204-208]. Значимость метода сравнительного правоведения подчеркивает член-корреспондент Международной академии сравнительного права А.В. Кресин. По его мнению, сравнительная методология «не ограничивается сравнением национальных правовых систем или их элементов, но такое сравнение является элементом понимания своего права через призму другого в себе и другого рядом с собой» [5, с. 194-201].

Уголовный закон охраняет наиболее важные общественные отношения, поэтому для разработки эффективных предложений по его совершенствованию метод сравнительного правоведения может продемонстрировать свою практическую направленность, обнаружив положительные или отрицательные стороны правового явления, которое уже имеет место быть в правоохранительной системе другого государства.

Рассмотрим нормы, регламентирующие положение штрафа в уголовном законодательстве России, Украины и Беларуси. Данные страны имеют много тождественных черт, т.к. развиваются в схожих территориально-географических, климатических, экономических и социально-культурных условиях, имеют общий исторический опыт, а нормы современного уголовного законодательства Украины и Беларуси близки нормам отечественного уголовного закона.

Аналогично положению штрафа в отечественном законе в системе наказаний, предусмотренной Уголовным кодексом Украины, штраф может являться как основным, так и дополнительным видом наказания и расположен на первом месте как наказание с наименее карательным потенциалом. Определение штрафа, раскрываемое в ч. 1 ст. 53 УК Украины, по своим признакам также сходно российскому: штраф признается денежным взысканием, налагаемым су-

дом в случаях и размере, установленных статьей Особенной части кодекса [14].

Основным отличием является способ исчисления штрафа. В украинском законе выбрана модель исчисления, согласно которой основой расчета суммы штрафа признается необлагаемый минимум дохода граждан (НМДГ).

Размер необлагаемого минимума доходов граждан установлен в п. 5 подраздела 1 раздела XX Налогового кодекса Украины и в общем порядке составляет 17 гривен [7]. В то же время для административного и уголовного законодательства предусматривается иной размер НМДГ, равный сумме налоговой социальной льготы, определяемой в подп. 169.1.1 п. 169.1 ст. 169 раздела IV Налогового кодекса Украины. Данная норма, в свою очередь, определяет размер налоговой социальной льготы, и, как следствие, НМДГ для уголовного закона равен половине месячного прожиточного минимума для трудоспособного лица. На 1 января 2020 г. прожиточный минимум для трудоспособного лица в Украине составлял 2102 гривны [3], с 1 января 2021 г. – 2270 гривен [9].

Таким образом, НМДГ в 2020 г. составлял 1051 гривну, а в 2021 г. – 1135 гривен. В украинском интернет-пространстве существуют специальные калькуляторы для определения необлагаемого минимума доходов для различных отраслей законодательства и разрешения тех или иных правовых споров. Воспользовавшись одним из них, мы также получили значение для уголовного судопроизводства, равное 1135 гривен, подтвердившее наши вычисления [3].

Нижний и верхний пределы штрафа, согласно ч. 2 ст. 53 УК Украины, составляют соответственно 30 и 50 000 необлагаемых минимумов доходов граждан, если статьей Особенной части не предусмотрены иные размеры штрафа.

Как отмечает Л.И. Беляева, для законодательства стран СНГ характерны совершенно различные коэффициенты кратности штрафа, которые колеблются от единицы до пятидесяти тысяч [2, с. 43-48]. Норма УК Украины относится именно к такому случаю.

Эта же норма содержит очень важное указание: если санкцией статьи Особенной части УК Украины предусмотрено основное наказание в виде штрафа свыше 3000 НМДГ, то размер штрафа не может быть меньше размера имущественного вреда, причиненного преступлением, либо дохода, полученного в результате совершения преступления, независимо от предела штрафа, предусмотренного санкцией. На наш взгляд, данное правило очень точно отражает принцип справедливости, демонстрируя явную математическую зависимость наказания от причиненного общественным отношениям вреда. В то же время срабатывает и предупредительная функция уголовного наказания, т.к. потенциальный преступник осознает,

что, совершая преступление имущественной направленности, он может не только не получить выгоду, но и лишиться равно пропорционального объема своих материальных благ, а виновное лицо чувствует на себе материальное стеснение, равное тому, которое причинило потерпевшему.

Однако из указанного правила имеется исключение: в ситуациях совершения деяния в соучастии при установлении незначительной роли кого-либо из исполнителей, подстрекателей или пособников такому лицу сумма штрафа может быть определена без учета причиненного вреда либо полученного дохода. В этом также есть смысл, т.к. имеет место баланс между справедливостью (соразмерностью) и индивидуализацией наказания.

В случае неуплаты штрафа он может быть заменен на общественные работы, исправительные работы или лишение свободы. При этом первые два вида наказаний применяются при уклонении от уплаты штрафа размером до 3000 НМДГ и при отсутствии оснований для рассрочки его выплаты. Если размер штрафа был свыше 3000 НМДГ, то он подлежит замене на лишение свободы.

С положительной стороны следует отметить механизм соизмеримости наказаний. Один час общественных работ равняется одному необлагаемому минимуму доходов граждан, а один месяц исправительных работ – двадцати необлагаемым минимумам доходов. Один день лишения свободы равен восьми НМДГ. Причем максимальный срок лишения свободы в данном случае зависит от категории преступления: за совершение нетяжких преступлений срок составляет от одного года до пяти лет, за совершение тяжких преступлений – от пяти до десяти лет, за совершение особо тяжких – от десяти до двенадцати лет.

В украинском законе отсутствует норма о принудительном порядке исполнения штрафа. Объясняется это может тем, что среди видов наказаний присутствует конфискация имущества, применение которой осуществляется в специально предусмотренных случаях, указанных в Особенной части УК Украины (за тяжкие и особо тяжкие преступления корыстной направленности, а также за преступления против основ национальной безопасности Украины и общественной безопасности независимо от степени их тяжести).

Например, санкции всех восьми статей, составляющих раздел 1 Особенной части УК Украины «Преступления против основ национальной безопасности Украины» (ст. 109-114.1 УК Украины), содержат в себе возможность назначения наказания в виде конфискации имущества. В России же эту функцию в санкциях статей Особенной части УК РФ зачастую выполняет дополнительное наказание в виде штрафа.

Так, санкция ст. 111 УК Украины «Государственная измена» устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. По УК РФ за совершение аналогичного деяния, предусмотренного ст. 275 УК РФ «Государственная измена», следует наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет. То же самое можно заметить при сравнении других санкций статей этого же раздела УК Украины и УК РФ.

Штраф в Украине в последние годы применяется в процентном соотношении к иным видам наказания чаще, чем в России, хотя разница не столь велика. Так, в 2018 году к штрафу в Украине было приговорено 19 857 осужденных (26% от общего числа) [11], в 2019 г. – 21 415 осужденных (50,43% от общего числа) [1]. То есть в 2019 г. штраф как уголовное наказание применялся в каждом втором случае. Однако стоит заметить, что общее количество осужденных в 2018 г. почти в два раза больше, чем в 2019 г., и составило 73 659 человек и 42 462 человека соответственно.

В целом считаем, что украинская модель применения штрафа не лишена недостатков, например, таковым, на наш взгляд, является меньший срок, на который может быть рассрочена выплата штрафа. По украинскому закону его временной максимум в пять раз меньше отечественного и составляет всего один год.

Отметим, однако, что для отечественной научной мысли украинский опыт представляет наибольший интерес в части регламентации назначения штрафа в размере не меньше причиненного преступлением ущерба или полученного в результате совершения преступления дохода. Таким образом, для субъекта преступления доводится мысль о бессмысленности совершения преступления, хотя бы с сугубо экономической точки зрения.

Рассмотрим далее регламентацию норм о штрафе в законодательстве Беларуси. В УК Республики Беларусь штраф в системе наказаний расположен не на первом месте, а на втором, после общественных работ [13]. Тем самым справедливо, что бесплатный труд в пользу общества является менее карательным, чем имущественное взыскание, которое способно оказывать более строгое воздействие, учитывая размеры штрафа и срок его исполнения, о чем мы уже указывали [12, с. 50-52]. В отечественной судебной практике встречаются многочисленные случаи, когда подсудимый ходатайствует о назначении ему обязательных работ, однако суд вынужден ответить

отказом, т.к. наказания, связанные с трудовым воздействием, считаются более строгими мерами государственной репрессии.

Также как в УК РФ и УК Украины, в ст. 50 УК РБ штраф признается денежным взысканием, а согласно ч. 3 ст. 48 УК РБ является как основным, так и дополнительным наказанием. Однако его исчисление отличается от российского и украинского способов. Единицей измерения в белорусском законе выступает базовая величина. Размер базовой величины устанавливается на каждый следующий год. Так, в 2020 году размер такой величины был равен 27 белорусским рублям, а с 1 января 2021 г. составил 29 белорусских рублей [10].

Размер штрафа может варьироваться от 30 до 1000 базовых величин, при этом существует два исключения из общего правила:

- размер штрафа может составлять от 300 до 5000 базовых величин при совершении деяний, предусмотренных главой 25 УК РБ «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» и главой 35 УК РБ «Преступления против интересов службы»;

- размер штрафа не может быть меньше максимального размера штрафа, налагаемого в качестве административного наказания, при назначении за совершение деяния, содержащего административную преюдицию.

Если взыскание штрафа не представляется возможным, а признаки уклонения от его уплаты отсутствуют, суд по ходатайству органа, исполнившего приговор, заменяет штраф общественными работами. То есть в таком случае малоимущее лицо не подталкивается к поиску денежных средств, в т.ч. незаконными способами, а выполняет общественно полезный труд. При этом это считается не усилением государственной репрессии, а снисхождением к лицу. В этом, безусловно, проявляется гуманизм белорусского законодателя.

В то же время в Особенной части УК РБ присутствует норма, устанавливающая ответственность за уклонение от уплаты штрафа, причем здесь нет необходимости устанавливать «злостность уклонения», как прописано в УК РФ и УИК РФ. В соответствии со ст. 418 УК РБ уклонение от уплаты штрафа при возможности его уплатить влечет за собой наказание в виде ареста (который в Беларуси, в отличие от России, применяется).

Несмотря на лаконичность и четкость при регламентации положений о штрафе, в белорусской научной литературе не все относится к данному виду наказания однозначно положительно.

Так, сотрудники Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь Д.В. Шаблинская и В.А. Барановская отмечают, что белорусскому законодательству не хватает норм о стимулировании правомерного поведения осужденного для исполнения штрафа путем предоставления отсрочек и рассрочек его уплаты; а также возможности замены штрафа на наказания, связанные с ограничением или лишением свободы, с таким расчетом, чтобы не оставлять осужденному пути уклонения от уплаты [15].

Интерес представляет и тот факт, что, как пишет Т. Кишко, назначение наказания за уклонение от уплаты штрафа, предусмотренное ст. 418 УК РБ, не освобождает лицо от его дальнейшей уплаты. Более того, уплата суммы штрафа в полном объеме до момента рассмотрения уголовного дела в суде также не освобождает от ответственности по ст. 418 УК РБ, это обстоятельство лишь учитывается при определении меры наказания [4].

Подводя итог, еще раз сфокусируем внимание на наиболее положительных чертах регламентации норм о штрафе в УК Украины и УК РБ, которые могут быть использованы при реформировании отечественного уголовного закона:

1. Размер штрафа не должен быть меньше причиненного преступлением ущерба или полученного в результате совершения преступления дохода – в случаях, когда они могут быть определены.

2. Из общего правила определения нижнего и верхнего предела штрафа могут быть сделаны исключения. Таковыми являются случаи назначения штрафа за отдельные категории преступлений (аналогично назначению штрафа по гл. 25 УК РБ «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» и гл. 35 УК РБ «Преступления против интересов службы»), когда ущерб не является материальным либо не может быть установлен.

3. Штраф не является самым мягким видом наказания и справедливо размещается после общественных работ, которые назначаются в случае отсутствия у подсудимого денежных средств.

Литература

1. Аналитические таблицы относительно состояния осуществления правосудия по 2019 год // Офіційний веб-портал Судова влада України. URL: https://court.gov.ua/inshe/sudova_statystyka/analit_tabl_19 (дата обращения: 18.04.2021).

2. Беляева Л.И. Наказания, не связанные с лишением свободы, по законодательству государств – участников Содружества Независимых Государств // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 43-48.

3. Калькулятор: Розрахунок неоподатковуваних мінімумів. URL: <https://www.buhoblik.org.ua/kalkulyator/n-minimum.html> (дата обращения: 17.04.2021).
4. Кишко Т. Уголовный штраф. Ответственность за уклонение от уплаты штрафа, назначенного по приговору суда. URL: <https://slutsk24.by/2020/08/21/ugolovnyj-shtraf-otvetstvennost-za-uklonenie-ot-uplaty-shtrafa-paznachennogo-po-prigovoru-suda/> (дата обращения: 15.04.2021).
5. Кресин А.В. «Мудрость сравнительного правоведения». Понять Уильяма Батлера // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 4 (68). С. 194-201.
6. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в законотворческой деятельности России и зарубежных стран // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 204-208.
7. Налоговый кодекс Украины (ред. от 28.03.2021) // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). 2011. № 13-14. № 15-16, 17. Ст. 112. Офіційний веб-портал парламенту України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2755-17#Text> (дата обращения: 17.04.2021).
8. О Государственном бюджете Украины на 2020 год: Закон Украины (ред. от 10.12.2020) // Ведомости Верховной Рады (ВВР). 2020. № 5. Ст. 31. Офіційний веб-портал парламенту України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/index> (дата обращения: 16.04.2021).
9. О Государственном бюджете Украины на 2021 год: Закон Украины от 15.12.2020 // Офіційний веб-портал парламенту України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1082-20#Text> (дата обращения: 16.04.2021).
10. Об установлении размера базовой величины: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 783 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/C22000783_1609448400.pdf (дата обращения: 24.01.2021).
11. Обзор данных о состоянии осуществления правосудия в 2018 году // Офіційний веб-портал Судова влада України. URL: https://court.gov.ua/userfiles/media/media/ogl_2018.pdf (дата обращения: 18.04.2021).
12. Огорелков Д.А. Перспективы применения уголовного наказания в виде штрафа // Преемственность и новации в юридической науке: мат-лы Всероссийской научной конф-ции адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2020. С. 50-52.
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (по сост. на 14.04.2021) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900275> (дата обращения: 18.04.2021).
14. Уголовный кодекс Украины (по состоянию на 18.02.2021). URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-10/> (дата обращения: 17.04.2021).
15. Шаблинская Д.В., Барановская В.А. Штраф как вид уголовного наказания: сравнительно-правовой анализ. Публикации работников Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. URL: <http://center.gov.by/publikatsii-rabotnikov-tsentra/shtraf-kak-vid-ugolovnogo-nakazaniya-sr/> (дата обращения: 10.04.2021).

УДК 343.575

О.М. Шаганова, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

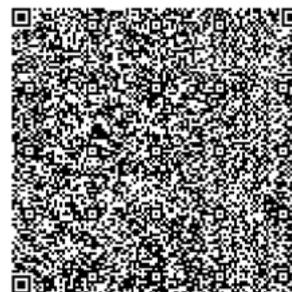
E-mail: olga.shaganova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО КУЛЬТИВИРОВАНИЯ РАСТЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЛИ ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА ЛИБО ИХ ПРЕКУРСОРЫ

В статье анализируются отдельные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 231 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, исследуется проблема толкования понятия незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. Несмотря на его нормативное закрепление в законе, в научной литературе высказываются различные позиции относительно содержания данного понятия. Кроме того, отсутствует единообразие квалификации незаконного культивирования в судебной практике.

Отдельное внимание уделяется вопросу, связанному с установлением момента окончания преступления. Автор приходит к выводу, что признание преступления окончанным определяется в зависимости от совершенного лицом конкретного действия, относящегося к незаконному культивированию. Также формулируются рекомендации для правоприменителей, которые позволят избежать ошибок в квалификации. Так, предлагаются правила квалификации случаев сбора наркотикосодержащих растений лицом, их незаконно культивировавшим, а также возможности совокупности преступлений, предусмотренных ст. 231, 228, 228.1 УК РФ.

Ключевые слова: квалификация преступлений против здоровья населения, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, незаконное культивирование растений.

O.M. Shaganova, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olga.shaganova@yandex.ru

FEATURES OF QUALIFICATION OF ILLEGAL CULTIVATION OF PLANTS CONTAINING NARCOTIC DRUGS OR PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR PRECURSORS

The article analyzes certain issues of qualifications under art. 231 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, the author observes the problem of interpretation of the concept of illegal cultivation of plants, containing illegal drugs, psychotropic substances or their precursors. Despite its normative consolidation in the law, various positions regarding this concept content can be found in scientific literature. In addition, there is a lack of uniformity in illicit cultivation understanding in judicial practice.

The work pays special attention to the issue related to the establishment of the moment of the end of the crime. The author comes to the conclusion that the recognition of the crime as final is determined depending on the person committing a specific action related to illegal cultivation. Also, the author formulates recommendations for law enforcement officers to avoid errors in qualification, for example the rules of filing cases of collecting drug-containing plants by a person who illegally cultivated them, as well as the possibility of a set of crimes under art. 231, 228, 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: qualification of crimes against public health, illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, illegal cultivation of plants.

На расширенном заседании коллегии МВД России в 2021 г. Президент РФ отметил важность борьбы с наркобизнесом и необходимость последовательной ликвидации подпольных производств наркотических средств и каналов наркотрафика [6]. Одним из способов получения наркотических средств является культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

Официальная статистика показывает, что ОВД ведут направленную борьбу с подобным незаконным явлением. Так, согласно сведениям ГИАЦ МВД России об уничтожении незаконно выращенных посевов, ОВД в результате самостоятельно проведенных мероприятий в 2016 г. было уничтожено 2414 единиц посевов, в 2017 г. – 6938, в 2018 г. – 3194, в 2019 г. – 4744, в 2020 г. – 2906 единиц. Кроме того, лиц, занимающихся незаконным культивированием наркотикосодержащих растений, привлекают к уголовной ответственности по ст. 231 УК РФ. Данные ГИАЦ МВД России свидетельствуют, что в 2016 г. было зарегистрировано 1052 таких преступления, в 2017 г. – 1280, в 2018 г. – 1204, в 2019 г. – 1141, в 2020 г. – 1155.

Объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, составляют не просто отдельные активные действия, а определенная деятельность (процесс), совершающаяся в течение какого-либо периода времени – незаконное культивирование растений, понятие которого раскрывается в ст. 1 ФЗ от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [15].

Так, деятельность по незаконному культивированию растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, проявляется в виде следующих признаков: создание специальных условий для посева и выращивания предмета преступления, их посев и выращивание, совершенствование технологии выращивания, выведение новых сортов, повышение урожайности и устойчивости к неблагоприятным метеорологическим условиям.

Отметим, что, несмотря на наличие законодательного толкования исследуемого понятия, в теории уголовного права неоднократно высказывались мнения ученых, которые предлагали внести в него изменения, направленные на конкретизацию признаков. К примеру, к числу признаков, по мнению авторов, следует относить «повышение урожайности путем селекции растений, уровня содержания наркотикосодержащих веществ в растениях» [16, с. 255; 17, с. 203]. Представителями другой позиции, напротив, чрезмерно расширяются признаки культивирования, т.к. к нему относят «любые другие действия, направленные на доведение растений, содержащих наркоти-

ческие средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, до стадии созревания» [3, с. 85; 7, с. 15].

Поскольку незаконное культивирование – это деятельность, то возникает вопрос, для привлечения лица к ответственности по ст. 231 УК РФ необходимо установить наличие только одного из перечисленных в законе признаков или их совокупность.

В правоприменительной практике в большинстве случаев объективная сторона состава незаконного культивирования проявляется в виде нескольких действий. Например, Г., посеяв семена наркотикосодержащих растений, периодически осуществлял рыхление почвы, полив и внесение удобрений, обеспечивал ежедневное оптимальное освещение и температуру, тем самым вырастил 23 растения конопли (растение рода *Cannabis*) для личного употребления [8].

В отдельных единичных примерах квалификация действий в качестве преступных осуществляется по одному признаку. Например, М. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 231 УК РФ за то, что создал специальные условия для выращивания наркотикосодержащих растений – прищипывал верхушечную часть растений, пропалывал их [9].

Таким образом, полагаем, что для того, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности по ст. 231 УК РФ, достаточно установить в его действиях наличие не всех признаков незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, одновременно, а только лишь одного из перечисленных.

Также проблемным является вопрос о том, как квалифицировать действия лица, которое не создавало специальных условий для посева семян наркотикосодержащих растений, их не высевало либо не высаживало сами растения, а только лишь выращивало дикорастущие наркотикосодержащие растения (осуществляло действия по прополке и рыхлению почвы, окучиванию грядок, поливу) [1, с. 303].

На практике подобные действия оцениваются как преступные. Так, Х., обнаружив дикорастущие наркотикосодержащие растения конопли в соседнем огороде в количестве не менее 138 штук, стал осуществлять их выращивание путем прополки для последующего личного употребления. Суд квалифицировал содеянное по ч. 1 ст. 238 УК РФ [10].

Представленный вывод о возможности квалификации указанной ситуации по ст. 231 УК РФ основывается на том, что даже единичное действие образует состав преступления.

Специфическая объективная сторона состава незаконного культивирования наркотикосодержащих растений порождает сложности в установлении момента окончания данного преступления.

Конструкция объективной стороны состава исследуемого преступления позволяет его определить как формальный. Из этого следует, что преступление окончено с момента совершения самого деяния.

Некоторые авторы, называя преступление продолжаемым, связывают момент его окончания с любой стадией культивирования, на которой оно пресечено или прекращено [2, с. 19]. По нашему мнению, такая позиция не вполне корректна ввиду того, что «создание специальных условий для посева» и «посев» семян, хотя и являются признаками незаконного культивирования, но в случае пресечения такой преступной деятельности или ее прекращения не позволят установить необходимый размер предмета преступления (при этом следует учитывать, что, во-первых, предметом преступления выступают только растения, во-вторых, требуется их крупный размер [5]).

В случае если был произведен посев (высадка) рассады наркотикосодержащего растения в почву и далее преступная деятельность лица была пресечена, то его возможно привлечь к уголовной ответственности, только если количество растений соответствовало крупному размеру.

Другие авторы признают моментом окончания исследуемого преступления совершение последнего из действий, нацеленных на доведение того или иного растения до стадии созревания (последняя поливка, последняя прополка, создание парниковых условий и др.) [3, с. 86].

Следуя логике представленной позиции, остается непонятным, как квалифицировать действия лица, если оно совершило первое, а не последнее из предполагаемых действий (например, предполагало поливать раз в неделю в течение четырех недель, а после первой поливки было задержано)? Как покушение на незаконное культивирование или как оконченное преступление?

Считаем, что моментом окончания незаконного культивирования, если оно проявляется в виде создания специальных условий для выращивания наркотикосодержащих растений, их выращивания, совершенствования технологии выращивания, выведения новых сортов, повышения урожайности, повышения устойчивости к неблагоприятным метеорологическим условиям, надлежит признавать первое действие, относящееся к любому из перечисленных, направленных на получение таких растений в крупном размере.

Моментом окончания незаконного культивирования в виде посева рассады наркотикосодержащих растений следует признавать ее высадку в почву в том количестве, которое в зависимости от вида признается крупным размером независимо от последующего произрастания растений.

Как было указано выше, сами по себе отдельные действия в виде создания специальных условий для посева и посев семян не являются преступными, поскольку отсутствует необходимый признак – предмет преступления – растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. Если к названным действиям присоединяются и иные, входящие в перечень деятельности по незаконному культивированию, то момент окончания преступления связывается с выполнением тех действий, результатом которых является произрастание наркотикосодержащих растений в крупном размере.

Так, К. осуществил посев 30 семян растения «конопля» (растение рода *Cannabis*), в последующем довел их до стадии созревания, обеспечивая условия для произрастания, повышения урожайности и устойчивости к неблагоприятным условиям, а именно: специально оборудовал помещения температурными датчиками, системами вентиляции и полива, осуществлял внесение удобрений в почвенный слой, удаление сорняковых растений. К. был признан виновным по ч. 1 ст. 231 УК РФ [11].

Проблемой квалификации для работников правоохранительных органов выступают случаи сбора наркотикосодержащих растений, которые лицо само незаконно культивировало.

Например, Ш. незаконно культивировал у себя на балконе из ранее приобретенных им семян коноплю (растение рода *Cannabis*), после чего срезал выросшие растения и хранил изготовленное им наркотическое средство каннабис, а также части растений, содержащих наркотические средства, в крупном размере. Суд признал Ш. виновным только по ч. 2 ст. 228 УК РФ в незаконном хранении без цели сбыта наркотических средств и частей растений, содержащих наркотические средства, в крупном размере, не посчитав возможным привлечь Ш. к уголовной ответственности по ст. 231 УК РФ ввиду того, что ответственности за незаконное приобретение без цели сбыта наркотических средств и частей растений, содержащих наркотические средства, путем их выращивания, согласно разъяснениям, содержащимся в ППВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14, уголовным законом не предусмотрено [12].

Учитывая положения п. 6 ППВС РФ 2006 г. № 14 [4], согласно которым к незаконному приобретению относятся сбор дикорастущих наркотикосодержащих растений или их частей с земель, принадлежащих предприятиям или гражданам, *если эти растения не высеивались и не выращивались* (курсив авт. – О.Ш.), либо сбор остатков находящихся на неохраняемых полях посевов таких растений после завершения их уборки, можно сделать вывод, что если они незаконно высеивались и выращивались тем лицом, которое впоследствии осуществило сбор «урожая»,

то эти действия не являются незаконным приобретением. Полагаем, что такой «специальный» способ получения наркотикосодержащих растений или их частей в крупном размере относится к незаконному культивированию и должен быть квалифицирован по ст. 231 УК РФ.

Согласно вышеизложенному, представляется верным следующее решение суда. А. незаконно культивировал растения конопли (растение рода *Cannabis*) в количестве 40 штук, затем путем сбора листьев с культивируемых им наркотикосодержащих растений осуществлял их высушивание и в дальнейшем незаконно хранил без цели сбыта, для личного употребления вещество, являющееся наркотическим средством – каннабис (марихуана), в крупном размере. Суд вменил А. в вину совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 231 УК РФ и ч. 2 ст. 228 УК РФ [13].

Квалифицировать действия виновного по ч. 1 ст. 228 при незаконном культивировании наркотикосодержащих растений можно только в том случае, если, во-первых, количество таких растений не соответствует крупному размеру, во-вторых, лицо после их сбора хранит полученные части растений, содержащие наркотические средства, или, изготовив из них наркотические средства, продолжает владеть для личного употребления в значительном размере.

Стоит отметить, что в п. 30 ППВС РФ 2006 г. № 14 отражено правило совокупности преступлений, предусмотренных ст. 231 УК РФ и ст. 228 или ст. 228.1 УК РФ. Это становится возможным тогда,

когда при незаконном культивировании в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, в дальнейшем происходит изготовление из них наркотических средств, а затем их хранение, перевозка в крупных (особо крупных) размерах без цели сбыта, а также независимо от размера пересылка, незаконное производство либо сбыт.

Например, Г., который незаконно культивировал у себя дома 77 наркотикосодержащих растений в крупном размере, затем оборвал листья и соцветия этих растений, часть которых он измельчил, получив наркотическое средство (марихуану) массой не менее 341,11 г, а часть (37,5 г) оставил хранить на чердаке дома с целью последующего сбыта. Кроме того, Г. собрал немного пыльцы с листьев этих растений, получив смолу каннабиса (гашиш) массой не менее 0,8 г. Полученные наркотическое средство и смолу каннабиса он расфасовал и спрятал в различных местах своего дома. Через несколько дней сотрудники правоохранительных органов, проводя обыск жилища Г., обнаружили и изъяли названные предметы. Суд оценил действия Г. по ч. 1 ст. 231 и ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ [14].

Таким образом, для единообразной практики применения ст. 231 УК РФ требуется более подробно изложить толкование признаков объективной стороны и момента окончания преступления в действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2006 г. № 14.

Литература

1. Деньщик А.В. Проблема квалификации незаконного культивирования наркотических средств и психотропных веществ // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: мат-лы ежегодной Всероссийской научно-практ. конф-ции (16-17 мая 2018 г.) / под ред. А.Г. Хлебушкина, Т.Н. Тиминой. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 300-303.

2. Жевалков Э. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, в свете изменений в законодательстве // Уголовное право. 2011. № 6. С. 16-20.

3. Комиссаров В.С., Пожидаев И.Е. Актуальные вопросы уголовной ответственности за культивирование наркотикосодержащих растений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 1. С. 83-87.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

5. Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: постановление Правительства РФ от 27.11.2010 № 934.

6. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 12.04.2021).

7. Поджидаев И.Е. Проблемы уголовно-правового противодействия незаконному культивированию растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 24 с.

8. Приговор Саткинского городского суда Челябинской области от 16 октября 2018 г. № 1-244/2018. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 23.04.2021).
9. Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 6 июля 2020 г. № 1-73/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 23.04.2021).
10. Приговор Похвистневского районного суда Самарской области от 28 июля 2020 г. № 1-109/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 23.04.2021).
11. Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 29 июля 2020 г. № 1-97/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.04.2021).
12. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 21 сентября 2020 г. № 1-927/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.04.2021).
13. Приговор Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15 мая 2020 г. № 1-444/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 26.04.2021).
14. Приговор Джанкойского районного суда Республики Крым от 20 июля 2020 г. № 1-132/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 27.04.2021).
15. Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
16. Хисматова З.Г. Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным культивированием растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры // Актуальные проблемы юриспруденции в современном мире: мат-лы VII Всероссийской научно-практ. конф-ции (12-13 апреля 2017 г.) / под ред. Н.М. Швецова, Н.В. Иванцовой. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2017. С. 253-257.
17. Чирков С.В. Переписка хозяйственного департамента Министерства внутренних дел с губернаторами как источник по изучению истории общественного самоуправления второй половины XIX – начала XX веков // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 4. С. 202-203.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.985

С.С. Галахов, доктор юрид. наук, профессор
Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: junior86@rambler.ru;

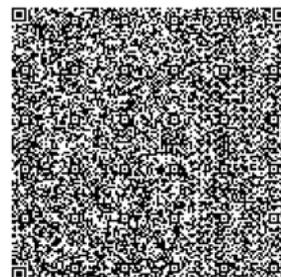
Н.Б. Маликова, канд. юрид. наук, доцент
Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: malikova26@mail.ru

ПРИНЦИПЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье приводятся суждения ведущих ученых в оперативно-розыскной деятельности в части интерпретации ими подходов к понятию и содержанию ее принципов, приводится их классификация. Криминальные угрозы, по мнению авторов, должны восприниматься как прогностический потенциал, определяющий степень необходимости и возможности совершенствования принципов оперативно-розыскной деятельности и их унификации. На основе анализа понятийного и содержательного подхода к принципам авторы формулируют свой научно-прикладной подход к обсуждаемым категориям и в качестве своего вклада в науку дополняют их своим новым принципом.

Ключевые слова: принципы оперативно-розыскной деятельности, конституционные принципы (общие) и отраслевые (специальные), Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», агентурный метод, правовые основы оперативно-розыскной деятельности, квалифицированный целевой негласный аппарат, экстремистские и террористические угрозы.

S.S. Galakhov, Doctor of Juridical Sciences, professor
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: junior86@rambler.ru;
N.B. Malikova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: malikova26@mail.ru

PRINCIPLES FOR PROBLEM SOLVING OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES (SCIENTIFIC AND APPLIED PROBLEMS)

The article presents the opinions of leading scientists in operational and investigative activities in terms of their interpretation of approaches to the concept and content of its principles, and their classification. According to the authors of the article, criminal threats should be perceived as a predictive potential that determines the degree of necessity and possibility of improving the principles of operational and investigative activities and their unification. Based on the analysis of their conceptual and content approach to the principles, the authors of the article formulate their scientific, and applied approach to the discussed categories and supplement them with their new principle as their contribution to science.

Key words: principles of operational-search activity, fight against crime, constitutional principles (general) and branch (special), Federal law «On operational-search activity», agent method, legal bases of operational and investigative activities, detection of crimes, qualified target secret apparatus, extremist and terrorist threats.

В последнее время пристальное внимание руководителей всех органов и подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД) на территории РФ, обращено на комплексное решение ее задач, которые обсуждались научным сообществом. На протяжении ряда лет появляются научно-прикладные монографии и статьи, в которых авторы затрагивают проблему совершенствования организации негласной составляющей ОРД в борьбе с преступностью и противодействии криминальным угрозам, правоохранительной функции государства. Все это происходит на фоне снижения результативности использования негласных форм ОРД, подчеркивающего недостатки в осуществлении выявления, профилактики, пресечения и раскрытия преступлений. В последнее время закрепились высказывания, оправдывающие это снижение принципиальным обновлением законодательства, несоответствием конституционных норм потребностям правоохранительной деятельности в области прав человека, необходимостью модернизации и конкретизации функций субъектов ОРД в РФ и их оперативных подразделений, оптимизацией сил и средств, используемых при ее осуществлении и проведении оперативно-розыскных мероприятий. Про все это говорилось и писалось более чем пятьдесят лет назад, т.к. «бороться с уголовными преступлениями, ...приходится действовать тайно: засылать агентов, секретно готовить операцию...» [11, с. 5]. Вышеизложенное в качестве своей цементирующей основы базируется на принципах, которые перечислены в ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Принципы ОРД не только обеспечивают автономность ее осуществления, но и ограничивают власть ее субъектов. Главный смысл принципов любой деятельности – это защита от возможного произвола правоохранительных органов и их посягательств на жизнь, права и свободы человека и гражданина. Не является исключением и оперативно-розыскная деятельность. Единство принципов ОРД обусловлено необходимостью соблюдения равноправия человека перед законом и социальной справедливости по отношению к нему [4, с. 66]. Хотя они и имеют опосредованный характер, вытекающий из конституционных норм России (ст. 17-64), конкретизированных в статьях 3, 17, 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», они отражают закономерности, подчеркивают их государственно-правовую природу и легитимность ОРД [1, с. 19-23].

Однако, на наш взгляд, современная система принципов, по которым организуется ОРД, сформулирована в нормативных правовых актах однобоко. Это необоснованно принижает вклад негласной ОРД в борьбе с преступностью. Без их формулирования невозможно априори обеспечивать эффективность

претворения в жизнь принципа неотвратимости наказания. В противном случае агентурный метод уходит на второй план, а сами оперативные подразделения и их оперативные сотрудники самоустраиваются от ее целенаправленного решения, а приобретенные «под палкой» источники оперативно-розыскной информации в большинстве своем представляют собой массу неорганизованных лиц. Поэтому не случайно, что в перечне основных задач не ставится требование об организации целевой системы содействия граждан, в т.ч. конфиденциальной. В качестве примера можно сослаться на один из ведомственных нормативных актов МВД России 2005 г., отмечавший, что руководители оперативных подразделений вместо принятия управленческих решений, направленных на совершенствование негласных форм ОРД, сохраняют «валовой» подход к оценке ее результатов, а личный состав оперативных подразделений перегружен секретным делопроизводством, составлением надуманных оперативно-служебных документов, заведением дел оперативного учета по очевидным преступлениям, что не оставляет у них времени для выявления и раскрытия замаскированных преступлений с использованием разведывательных возможностей лиц, негласно содействующих им в решении задач ОРД. Эта проблема также не нова. Ее решение требует изменений подходов к ОРД на практике и корректировки принципов деятельности.

Рациональный характер необходим организации ОРД. Целеполагание, условия и принципы обязательного осуществления ОРД должны стать основными и объективными требованиями в ведомственных подходах к защите прав и свобод человека и гражданина. Как нам кажется, руководители оперативных подразделений не готовы признать разумность целевого и разового подхода к привлечению лиц на конфиденциальной основе к содействию сотрудникам оперативных подразделений в решении задач ОРД в целом или же по конкретным линиям работы по борьбе с определенной группой преступлений. В современных условиях организации ОРД такой подход менее всего востребован.

Необходимо подчеркнуть, что плановый характер в осуществлении ОРД определяется соответствующим принципом плановости, который предполагает формирование такой системы ее организации, которая на основе анализа состояния преступности по линии работы или на территории обслуживания прогнозировала бы проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях ее стабилизации и противодействия ей. Нерациональный подход к пониманию данного принципа создал условия к установлению бессознательных усредненных нормативов отчетных показателей деятельности, полагая, что бесчисленное количество различных форм отчетности свидетель-

ствует о надвигающихся переменах в борьбе с преступностью к лучшему. Причем сами же руководители знают о слабых оперативных подходах к той или иной категории преступников, разведывательных качествах негласных сотрудников. Так, по мнению ряда руководителей оперативных подразделений, балласт среди лиц, содействующих оперативным подразделениям на конфиденциальной основе и по контракту, составляет более 80%.

Искажение результатов ОРД в сторону лучших показателей, безусловно, является негативным фактором при ее организации. Это пагубное направление повлияло на законодательство. Были внесены изменения в название статьи 303 УК РФ, и была добавлена в нее часть четвертая, предусматривающая уголовную ответственность за фальсификацию результатов ОРД [15].

Расширить перечень принципов ОРД и включить их в закон предлагал И.А. Климов [8]. Его идею поддержал Д.В. Ривман, полагая, «что не следует отвергать другие принципы, разработанные наукой об оперативно-розыскной деятельности» [16, с. 26]. И с этим утверждением мы полностью согласны.

Принципы как руководящие начала ОРД, помимо их системности, обладают определенными характеристиками:

- 1) адекватность, т.е. соответствие правовым основам ОРД;
- 2) стимулирование – побуждают решение задач ОРД;
- 3) автономность – дополняют друг друга при условии полной самостоятельности и функциональной независимости;
- 4) целесообразность – реальная потребность в осуществлении ОРД;
- 5) оптимальность – их наличие оправдывает законодательные затраты для реализации ОРД;
- 6) эффективность – способствуют достижению результата ОРД.

В различные исторические периоды предпринимались регулярные попытки к формулированию принципов ОРД через их ведомственное нормативное правовое регламентирование ее субъектами [17, с. 433-486]. Эволюция принципов ОРД связана с формированием и развитием функций криминального сыска полиции в России, позднее преобразовавшегося в оперативные подразделения.

Обратим внимание, что научные изыскания ОРД более ориентированы на вопросы состояния и направления совершенствования ее правовых основ и в меньшей степени на ее тактику. Менее всего они касаются принципов ОРД. Тогда как последовательная и периодическая разработка проблемы правовых основ ОРД через ее принципы позволяет исключить фрагментарное и одностороннее исследование и вы-

явить весь вектор вопросов и недостатков рассматриваемой деятельности.

Спектр взглядов на концепцию современных принципов, на которых основывается осуществление ОРД, достаточно широк [3, с. 144-150]. Это происходит вследствие того, что каждый из ее субъектов абстрагируется от необходимости понимать, какой смысл законодатель закладывает в принципы, и трактует их по-своему в соответствии со своей компетенцией, что вносит в понятие принципов ОРД и их количество много противоречивых суждений, обоснований и предложений.

В связи с этим усматривается потребность в кардинальных действиях по исключению противоречий и пробелов в ведомственных нормативных актах через призму комплекса принципов ОРД, которые обеспечат не только системность и внутреннюю согласованность правовых норм, но и модернизируют законодательство об ОРД в решении ее задач и достижении целей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [14].

В классическом современном понимании система принципов ОРД сформулирована на основе общих (конституционных) и специальных (отраслевых) принципов, но которые в совокупности являются базовыми для организации работы с негласным аппаратом, ведения дел оперативного учета и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Ввиду того что понятийная интерпретация принципов в научной и учебной литературе может толковаться произвольно, это приводит к уменьшению их значимости и потере ценности. Полагаем, что полный перечень общих принципов должен быть перечислен в законе, являющемся правовой основой осуществления ОРД.

Отраслевые же принципы, характерные для осуществления негласной ОРД и ее организации, должны быть перечислены в соответствующих ведомственных актах [18, с. 29-36].

Стараниями основоположников теории ОРД различные варианты интерпретации принципов ОРД отражены во многих научных трудах. Но отдельные моменты, на наш взгляд, носящие универсально-комплексный характер, нуждаются в теоретико-прикладном осмыслении. Поэтому далее акцентируем внимание на основных принципах ОРД, которые направлены на организацию и осуществление негласной оперативно-розыскной деятельности.

Первым в их ряду стоит принцип *конспирации* – своеобразный принцип «скрытности», но весьма ценный. Попустительское отношение к нему приводит к разглашению негласных средств и методов, применяемых в ОРД. В научном понимании он, к сожалению, в организационно-тактическом и методическом плане малоизучен, но известен давно.

Не одно тысячелетие люди использовали агентурный шпионаж, в основе которого был человек [2, с. 6]. В Библии его упоминают как соглядатая [7, с. 164], а в Древней Индии агенты внедрялись в банды, и благодаря их действиям эти банды разоблачались и обезвреживались их члены [6, с. 48-51]. Тайный сыск и тайные осведомители, не фигурировавшие при проведении дознания, были известны в Древней Руси. Поэтому работа по раскрытию преступлений как таковая не проводилась, а осуществлялась благодаря информаторам (лат. *delators* – доносчики), сообщавшим о подготавливаемом или совершенном преступлении. Необходимость в таких людях на протяжении многих веков на Руси рассматривалась как общепринятое правило поведения [9, с. 35-36].

Поэтому несоблюдение принципа конспирации во многих случаях приводит к наступлению необратимых последствий для ее субъектов и разглашению организационно-тактических приемов негласной работы, обусловленных отчасти их халатностью или незнанием способов зашифровки методов негласной работы [13, с. 11]. Примерно это же говорит китайская мудрость: «Тот, кто это знает, не говорит. Тот, кто об этом говорит, не знает».

Поэтому не зря принцип конспирации является не только важнейшим, но и основополагающим в организации ОРД и в работе с лицами, содействующими органам, ее осуществляющим. В ОРД он традиционно относится к группе специальных принципов [12, с. 47-70]. Его востребованность и соблюдение являются индикатором реальности и жизнеспособности негласной работы. Поэтому принцип конспирации по своей природе призван обеспечить решение задач ОРД через умышленно создаваемые и сохраняемые при ее осуществлении организационно-тактические приемы, а поэтому может расцениваться как комплексный метод противодействия преступности при соблюдении общеправового принципа соблюдения законности. Однако законность при анализе специальных (отраслевых) принципов ОРД упоминается фрагментарно и продолжает оставаться мало востребованной при научных дискуссиях, на фоне рассматриваемых организационных принципов негласной ОРД, особенно ее комплексных методов [5].

Принцип *сочетания гласных и негласных методов и средств* подчеркивает комплексное содержание ОРД, которая может осуществляться всеми возможными силами, средствами и методами, разрешенными нормативными правовыми актами.

Благодаря гласному характеру ОРД ее результаты могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Поэтому решение здесь однозначное – такие

сведения подлежат проверке с помощью гласных приемов и подтверждаются официальными материалами и источниками.

Важно учитывать, что есть сведения, которые составляют государственную тайну. Такая информация относится к сведениям в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности. Она подлежит засекречиванию, а ее разглашение влечет уголовную и административную ответственность [19, с. 52].

Еще один принцип, участвующий в решении задач ОРД, – принцип *наступательности*. Сущность его сводится к активным действиям по выявлению, предупреждению и пресечению замышляемых и подготавливаемых преступлений. Весьма актуален этот принцип при работе с лицами, негласно содействующими оперативным сотрудникам, выполняющими их задания при оперативном внедрении в преступную среду, когда тайное проникновение в криминальную среду позволяет установить преступные намерения до момента совершения окончательного преступления.

Данное обстоятельство в целях правильного воплощения в жизнь этого принципа, на наш взгляд, главным образом требует выработки четких оценочных подходов к определению целесообразности заведения дел оперативного учета, т.к. только при работе по ним наиболее рельефно просматривается вклад в их реализацию негласного аппарата. В воплощении принципа наступательности лежит не только наличие добросовестных (сознательно не искаженных или выдуманных) сведений и обстоятельств, являющихся основанием для проведения конкретных целевых оперативных разработок. Принцип наступательности, несомненно, проявляется в организации силами действующего негласного аппарата инициативного поиска сведений, представляющих оперативный интерес, который практически непрерывен, но одновременно не должен быть «валовым».

Принцип *целеустремленности* предполагает наличие профессиональных качеств в решении задач ОРД, для которых проводятся конкретные оперативно-розыскные мероприятия и используются негласные сотрудники. Это предполагает, что оперативные сотрудники и руководители оперативных подразделений должны исключить использование конфиденентов без учета реальной потребности в них, разумного долевого их сочетания, достаточного для решения задач ОРД. Негласный аппарат, помимо заданных, получаемых от оперативного сотрудника, может в инициативном порядке выявлять лиц и факты, представляющие оперативный интерес для всех оперативных подразделений. Специализированный негласный аппарат, помимо своего прямого предназначения, должен привлекаться и к решению вспомогательных задач борьбы с преступностью в иных

сферах криминальных проявлений, несвойственных для его повседневной работы в криминальной среде. А каждый оперативный сотрудник должен постоянно укреплять убежденность в значимости работы негласного аппарата, воспитывать и развивать у них поисковые навыки, обучать наиболее эффективным способам и приемам решения задач ОРД.

Принцип целеустремленности многогранен и имеет несколько целей. Так, одной из них является формирование работоспособного негласного аппарата. Он эффективно и рационально должен «накрывать» всю обслуживаемую территорию и непосредственно проникать в криминогенные объекты и общеизвестные криминальные группы.

Принцип *оптимизации и стабильности* негласных источников оперативно-розыскной информации (негласного аппарата) следует из положений ведомственных приказов об организации ОРД ее субъектов в РФ. Однако на практике создание негласного аппарата и его формирование по линиям работы нередко осуществляется без учета действительной потребности в нем. До сих пор вопреки целесообразности формирования стабильного, небольшого по численности, но качественного негласного аппарата продолжается практика привлечения к негласному содействию лиц, не удовлетворяющих разведывательным и иным качественным требованиям.

В результате подавляющее большинство оперативных сотрудников продолжают рассчитывать при раскрытии совершенных преступлений на свои неформальные контакты вместо действующей системы источников оперативной информации либо на проведение личного сыска. Такая дискредитация работы с конфидентами, по существу, достойна удивления, т.к. работа с ними для оперативного сотрудника была всегда интересна и составляла предмет его профессиональной гордости. Что касается проблемы стабильности источников оперативно-розыскной информации, то ее преодоление во многом связано с уровнем профессионализма оперативных сотрудников.

Таким образом, рассматриваемый принцип лишь тогда станет востребованным на практике, когда будут выполняться требования ведомственных нормативных актов в части требований к организации ОРД; при обучении в ведомственных образовательных учреждениях, где будут формироваться профессиональные навыки, достаточные для осуществления негласной ОРД; при переподготовке оперативных сотрудников и повышении их квалификации станут осуществляться на основе обобщения передовой практики негласной работы.

Принцип *своевременного оперативно-розыскного обеспечения* предполагает использование при раскрытии конкретного преступления, как правило, квалифицированного целевого негласного аппарата.

В современных условиях данный принцип менее всего востребован, т.к. он предполагает также и возможность исключения конфидента из числа негласного аппарата после раскрытия преступления, в целях раскрытия которого он был использован. В целом, на наш взгляд, целевое использование негласного аппарата обязывает оперативных сотрудников на основе тщательного анализа складывающейся конкретной оперативно-розыскной ситуации четко определить целесообразность, при которой появляется необходимость привлечь негласного сотрудника к обеспечению раскрытия преступления, принять меры к подбору такого сотрудника и обеспечению возможности выполнить поставленную перед ним задачу. Подобный подход к работе возможен лишь у тех сотрудников, у которых имеются твердые профессиональные навыки в ведении негласной работы.

А теперь обратимся к детерминации принципа экстремистских и террористических угроз, который актуален для всего мирового сообщества. В связи с этим использование различных положений религиозных вероучений в противодействии их радикальным толкам в современных условиях приобрело новое звучание, т.к. их знание приносит гораздо больше пользы, чем вреда. Оперативные сотрудники в силу отсутствия четких познаний различных положений религиозных вероучений и радикальных течений недостаточно четко ориентируются в противоправной направленности и тактике деятельности организаций экстремистов и террористов. Поэтому оперативное проникновение в их среду сопряжено со значительными трудностями.

Этот принцип может быть использован применительно к оперативно-розыскному обеспечению противодействия экстремизму и терроризму [1, с. 19]. В качестве нашего предложения и последующего научного осмысления можно сформулировать его как принцип *этноконфессиональной особенности* при осуществлении ОРД, ведении дел оперативного учета, формировании негласного конфиденциального аппарата для противодействия экстремизму и терроризму.

Императивность – это стержень принципов любой деятельности, включая оперативно-розыскную. В принципах закладывается важнейшая основа, конкретные правила и направления всей деятельности, чем обеспечивается постановка конкретных целей, выбор конкретных сил, средств и способов их достижения. Поэтому правильно сформулированные принципы обеспечивают «идеальный образ желаемого, возможного и необходимого состояния управляемой системы» [10, с. 61]. Поэтому научная разработка и практическая реализация принципов ОРД обуславливаются объективными потребностями борьбы с преступностью в целом.

Литература

1. Адмиралова И.А. К вопросу о принципах оперативно-розыскного и административно-правового обеспечения прав и свобод граждан в деятельности полиции // Вестник ВИПК МВД России. 2017. № 4 (44). С. 19-23.
2. Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М.: Международные отношения, 1996.
3. Баранов А.М. Закон об оперативно-розыскной деятельности: вчера, сегодня, завтра // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции. Омск: Омская юридическая академия, 2012. С. 144-150.
4. Галахов С.С., Козлов В.И., Ельсаев Л.А. Права человека и оперативно-розыскная деятельность (к 60-летию принятия Всеобщей декларации прав человека) // Научный портал МВД России. 2008. № 4. С. 66.
5. Гусев В.А., Луговик В.Ф. Теория оперативно-розыскных процедур: монография. М.: Проспект, 2019.
6. Данилов О. «...Что у кого увидишь дурного, тотчас сообщай» // Служба безопасности: новости разведки и контрразведки. М., 1995. № 3-4. С. 48-51.
7. Илларионов В.П. Синедрион и Кесарь против Иисуса Христа. М.: Academia, 2003.
8. Климов И.А. Предмет теории оперативно-розыскной деятельности. М.: ВЮЗШ МВД России, 1993.
9. Королев С.А. Донос в России: социально-философские очерки. М.: Прогресс-Мультимедиа, 1996.
10. Коротков Э.М. Концепция менеджмента: учебное пособие. М.: ТОО ИКК «Дека», 1998.
11. Кошель П.А. История российского сыска. М.: Молодая гвардия, 2005.
12. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. М.: Юрайт, 2015.
13. Необходимое руководство для агентов Чрезвычайных Комиссий. М.: ЛексЭст, 2001.
14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
15. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ.
16. Ривман Д.В. Сущность, задачи, принципы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: лекция. СПб.: СПбУ МВД России, 1999.
17. Смирнов М.П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и зарубежных стран: учебное пособие. М.: Экзамен, 2003.
18. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2014.
19. Филиппов Е.М. Анализ понятия «государственная тайна» в конституционном праве Российской Федерации // Вестник Поволжской академии государственной службы: научный журнал. 2013. № 3 (36). С. 52.

УДК 343.98

В.С. Горшкова

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: vera-gorshkova-86@mail.ru

ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ УЧЕТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ

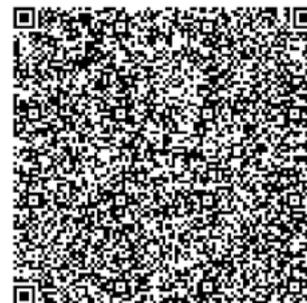
Раскрытие и расследование преступлений невозможно без использования информационных ресурсов, формируемых криминалистической регистрацией. Формирование, ведение и использование экспертно-криминалистических учетов требуют использования специальных познаний сотрудников экспертно-криминалистических подразделений. После проведения исследования предметов и документов или производства судебных экспертиз объект подлежит постановке на учет, а в дальнейшем проверке по массивам ведущихся экспертно-криминалистических учетов. Автор статьи приходит к выводу о том, что экспертно-криминалистические учеты органов внутренних дел являются самостоятельным видом учета, не входящим в систему криминалистических учетов. Совместное использование экспертно-криминалистических учетов, в основе которых лежит использование специальных познаний «сведущих лиц», с криминалистическими, оперативно-справочными, розыскными и иными видами учетов способствует успешной борьбе с преступностью, розыску без вести пропавших и лиц, не способных в силу объективных причин сообщить о себе данные, а также решению иных стоящих перед органами внутренних дел задач.

Ключевые слова: криминалистическая регистрация, криминалистические учеты, экспертно-криминалистические учеты, оперативно-розыскные мероприятия.

V.S. Gorshkova

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

E-mail: vera-gorshkova-86@mail.ru

FORENSIC ACCOUNTING OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS AN ELEMENT OF THE CRIMINAL RECORD SYSTEM

The disclosure and investigation of crimes is impossible without the use of information resources generated by forensic registration. The formation, maintenance and use of forensic records requires the use of special knowledge of the staff of forensic units. After the examination of objects and documents or the production of forensic examinations, the object is subject to registration, and further verification by arrays of ongoing forensic records. The author of the article comes to the conclusion that forensic accounting of internal affairs bodies is an independent type of accounting that is not included in the system of forensic accounting. The joint use of forensic records, which are based on the use of special knowledge of «knowledgeable persons», with forensic, operational reference, search and other types of records contribute to the successful fight against crime, the search for missing persons and persons unable to report themselves for objective reasons, as well as other tasks facing the internal affairs bodies.

Key words: forensic registration, criminal record, forensic accounting, operational and investigative measures.

При раскрытии и расследовании преступлений необходимо получать сведения о представляющих оперативный интерес объектах и событиях путем использования учетов органов внутренних дел. В информационных ресурсах криминалистических учетов, подлежащих рассмотрению в рамках данной статьи, содержатся важные данные об обстоятельствах и способах совершения преступлений (учет преступлений), об особо опасных и имеющих преступную квалификацию лицах, неопознанных трупах и лицах, не способных в силу объективных причин сообщить о себе сведения, пропавших без вести (учет лиц), а также иных объектах. Однако возникает вопрос, являются ли экспертно-криминалистические учеты (далее – ЭКУ), ведущиеся в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России (далее – ЭКП), элементом системы криминалистических учетов. При анализе специальной литературы по криминалистике и теории оперативно-розыскной деятельности установлено, что авторы по данному вопросу не пришли к единому мнению: ряд исследователей считают ЭКУ частью системы криминалистических учетов [5, с. 12-13; 11, с. 159-160; 12, с. 259], а другие говорят о существовании экспертно-криминалистических баз данных (картотек, коллекций, альбомов и т.д.) наряду (отдельно) с криминалистическими, оперативно-справочными и розыскными учетами [8, с. 142-144; 9, с. 167-168]. При детальном изучении нормативных актов внутреннего [7] и международного [10] характера установлено, что законодатель разграничивает криминалистические и экспертно-криминалистические учеты путем указания на различный перечень объектов, подлежащих постановке на учет, оснований и порядка формирования, ведения и использования указанных информационных массивов в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, а также субъектов, которые осуществляют данную деятельность. Среди существенных различий криминалистических и экспертно-криминалистических учетов следует выделить:

- объекты учета: криминалистические учеты – учет преступлений (совершенных в отношении детей, с особой жестокостью, серийные уголовно наказуемые деяния; межрегионального и международного характера) и учет лиц (пропавшие без вести, лица, не способные в силу объективных причин сообщить о себе сведения, особо опасные преступники); ЭКУ – учет следов (рук, подошв обуви, протекторов шин транспортных средств, биологического происхождения – ДНК-профиль лица и т.д.) и объектов (огнестрельное оружие, пули, гильзы, субъективные портреты, микрообъекты, черепа неопознанных трупов, поддельная иностранная валюта и т.д.);

- субъекты формирования, ведения и использования учетов. При работе с криминалистическими

учетами ведущая роль отведена оперативным подразделениям, а с ЭКУ – сотрудникам ЭКП. Однако стоит отметить, что при формировании массивов федеральной базы данных геномной информации субъектами являются оперуполномоченный полиции (изымает образцы буккального эпителия у представляющего оперативный интерес лица, направляет на исследование и проверку, при этом неся персональную ответственность за качество сбора и достоверность направляемых материалов) и эксперт ЭКП (выделяет ДНК-профиль конкретного лица и осуществляет его проверку по имеющимся массивам геномной информации, полученные сведения передает инициатору). Таким образом, в некоторых случаях субъектами формирования ЭКУ являются сотрудники ЭКП и оперативного подразделения органа внутренних дел;

- различная нормативная база – разные нормативно-правовые акты регламентируют работу с криминалистическими учетами и ЭКУ, которые рассмотрены выше.

Таким образом, мы выделили только некоторые различия рассматриваемых видов учета, что позволяет говорить о самостоятельности ЭКУ и отделить их от системы криминалистических учетов. Назрела необходимость разработки нового ведомственного нормативного акта, согласно которому криминалистически значимая информация о следах и объектах, подлежащих постановке на экспертно-криминалистический учет, и лицах, представляющих оперативный интерес (подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам и иных категорий лиц (пропавшие без вести и неизвестные больные, дети, престарелые граждане)), формировала бы единый ресурс ЭКУ. В декабре 2021 г. вводится в эксплуатацию сервис ИБД-М [4], с помощью которого будут использоваться оперативно-справочные, криминалистические и розыскные учеты полиции для предоставления государственных услуг, например сведений о наличии/отсутствии судимости, совершении административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков (употребление запрещенных веществ без назначения врача), и иных целей. Однако сервис по централизованному использованию экспертно-криминалистических учетов, за исключением ЦАДИС «Папилон», в целях раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных с особой жестокостью, серийных уголовно наказуемых деяний, не создан в рамках уже действующего ИСОД МВД России, хотя потребность в этом у сотрудников ЭКП существует.

Основной задачей использования ЭКУ является наиболее эффективное использование информации, заключенной в 13 объектах учета (следы рук, следы подошв обуви, следы протекторов шин транспорт-

ных средств, микрообъекты, изъятые с мест преступления, монеты, огнестрельное оружие и т.д.), для раскрытия и расследования преступлений. Кроме предусмотренных ведомственным нормативно-правовым актом полиции видов учетов, в ЭКП возможно формирование, ведение и использование иных учетов и коллекций, таких как:

- красителей и документов, выполненных полиграфическим способом;
- ликероводочных изделий, предоставленных заводом-изготовителем, алкогольной и спиртосодержащей продукции в качестве эталонного образца (для проведения комплексных криминалистических исследований материалов, веществ и изделий и трасологических исследований. Особый интерес представляют способы укупоривания колпачков, наклеивания этикеток и нанесения буквенно-цифровых, маркировочных обозначений на готовую алкогольную, спиртосодержащую продукцию);
- металлов и камней для художественных и ювелирных изделий;
- верха обуви.

К примеру, в ЭКП ГУ МВД России по Алтайскому краю функционирует программа АСУ «Эксперт». В указанной системе учета работы сотрудников ЭКП накапливаются данные о следах рук, подошв обуви, следах орудия взлома, протекторах шин транспортных средств, изъятых при производстве осмотров мест происшествий, субъективные портреты, а также изображения внешности задержанных за совершение преступлений лиц, их носимой обуви и иных объектов (предметов – отмычек, ломов и т.п.). Специалист, имеющий допуск на право самостоятельного производства габитоскопических или трасологических экспертиз, проводит сравнение вышеописанных объектов (след-лицо, объект-объект, след-след) с целью установления их тождества либо различий. Полученная в результате использования ресурсов ЭКУ и иных данных (в ведомственном правовом акте среди объектов учета отсутствуют лица) информация о возможной причастности конкретного лица к совершению преступления или группы уголовно наказуемых деяний используется при раскрытии и расследовании преступлений.

Инициатор (как правило, сотрудник оперативного подразделения полиции) выносит задание (часто называемое «отношение») специалисту ЭКП на проведение оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов», в рамках которого специалист также проводит проверку предоставленных материалов по имеющимся массивам ЭКУ. Кроме того, оперуполномоченный полиции вправе назначить проведение проверки следов (следы, изъятые при производстве осмотра места происшествия, при проведении оперативно-розыскных

мероприятий и т.д.) и объектов (представляющие оперативный интерес лица и их носимая обувь, одежда) по ведущимся массивам картотек, коллекций, натуральных объектов, альбомов в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия «Отождествление личности».

На наш взгляд, стоит выделить ряд факторов, способствующих эффективности формирования, ведения и использования ЭКУ при раскрытии и расследовании преступлений:

- качественная работа на месте происшествия: использование всех имеющихся криминалистических средств и методов, комплексный подход к обнаружению, фиксации и изъятию следов и иной криминалистически значимой информации;
- своевременность и полнота направления на исследования в экспертные учреждения изымаемых следов и объектов, прежде всего с мест происшествий;
- качественное содержание и своевременность пополнения массивов криминалистических учетов (картотек, коллекций, альбомов);
- обеспечение полноты криминалистически значимой информации на лиц, представляющих оперативный интерес (изображение внешности, носимой обуви, дактилоскопической карты с отпечатками пальцев рук и оттисками ладоней рук);
- взаимодействие служб при формировании, ведении и использовании криминалистических учетов, в т.ч. наличие обратной связи.

Результаты проведения проверки по имеющимся ЭКУ сотрудник ЭКП оформляет справкой. Возникает вопрос, как использовать полученный документ в рамках возбужденного уголовного дела. Р.С. Белкин относит справку по результатам проверки объектов по учетам к категории «иных документов», которые должны приобщаться в качестве доказательств к материалам уголовного дела [3, с. 161]. Данная позиция ученого, на наш взгляд, является дискуссионной. Вышеуказанная справка содержит ориентирующую информацию только о возможной причастности конкретного лица к совершению преступления (на месте происшествия обнаружены и изъяты следы рук определенного человека), объединении уголовных дел (на местах ряда преступлений зафиксированы следы подошв обуви с одинаковым рисунком низа обуви), которая подлежит обязательной проверке и оценке следователем, дознавателем. Только после производства судебной экспертизы данная информация приобретет доказательственное значение. Например, информация об оставленных конкретным лицом следах рук, изъятых с поверхности входной двери магазина, где совершена кража товарно-материальных ценностей, должна оцениваться – лицо могло посещать магазин с целью приобретения про-

дуктов питания, при этом преступление не совершалось. Таким образом, справка по результатам проверки следов и объектов по ЭКУ может прилагаться к материалам уголовного дела, а не приобщаться в качестве доказательств.

Говоря об эффективности использования ЭКУ, стоит отметить, что согласно данным отчета формы 1-НТП ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю за 2015-2020 гг. сотрудниками ЭКП региона ежегодно предоставляется информация, способствующая раскрытию и расследованию более 3 тысяч преступлений. Однако данный показатель ниже зафиксированного в отчетных документах цифрового значения, зафиксированного в ЭКУ. Данное обстоятельство обусловлено тем, что оценку, проверку и реализацию полученной информации в результате проверки по ЭКУ проводит сотрудник органа дознания или предварительного следствия, который при заполнении позиций 31 и 32 статистической карточки о результатах расследования преступления (форма 1.1) может их оставить пустыми, посчитав «своей заслугой» раскрытие преступления и привлечение лица в качестве обвиняемого по уголовному делу. Проанализировав результаты проведенного нами анкетирования 319 сотрудников оперативных подразделений полиции Сибирского федерального округа, получили следующую оценку работы по ЭКУ: удовлетворительно – 83% респондентов; неудовлетворительно – 8%, затруднились ответить – 9%. При ранжировании ведущих видов ЭКУ анкетированные особо выделили учет следов рук, изъятых с мест нераскрытых преступлений, а также информационные ресурсы федеральной базы данных геномной информации.

На страницах специальной литературы поднимается вопрос о самостоятельном либо совместном с иными базами данных использовании трех идентификационных систем – дактилоскопической, геномной и биометрической [2; 6, с. 107]. Стоит отметить, что биометрия включает в себя ДНК-профиль лица (геномная), отпечатки пальцев и оттиски ладоней рук (дактилоскопическая), радужную оболочку глаза, голос и движение тела человека. К примеру, российскими криминалистами разработана программа «Элементы фигуры и одежды человека», с помощью которой возможно создание субъективного изображения фигуры человека [13]. Компания ООО «ИТ-Папилон» занимается созданием и предоставлением правоохранительным органам техники с системой мультибиометрической идентификации АДИС «Папилон», позволяющей по отпечаткам рук, ступней, изображениям лица, радужной оболочки глаза про-

вести биометрическую экспресс-идентификацию личности [1]. Таким образом, с учетом имеющейся нормативной базы по осуществлению дактилоскопической и геномной регистрации, формирующейся биометрической регистрации, предоставляя в распоряжение полиции соответствующее оборудование, возможно предложить ведение нового вида ЭКУ – биометрического учета лиц, представляющих оперативный интерес. Однако в этом случае встает ряд вопросов, касающихся правовой регламентации порядка формирования, ведения и использования биометрических информационных массивов: какой государственный орган будет ведущим при осуществлении формирования баз данных (МВД России, как при осуществлении государственной геномной информации, или специально созданный межведомственный орган или группа), каким образом информация будет унифицирована, кто будет осуществлять выдачу информации, обеспечивать сохранность от несанкционированного доступа третьих лиц и пр. На наш взгляд, ведущей структурой в формировании, ведении и использовании вышеуказанных идентификационных систем следует определить МВД России, которое уже является головным подразделением при осуществлении геномной и дактилоскопической регистрации.

Таким образом, экспертно-криминалистические учеты МВД России играют существенную роль при раскрытии и расследовании преступлений. Они являются самостоятельным от криминалистического видом учета, который формируется, ведется и используется сотрудником ЭКП, в исключительных случаях совместно с оперативным сотрудником органа внутренних дел. Необходимо ведение нового вида экспертно-криминалистического учета – биометрического учета лиц, представляющих оперативный интерес. К объектам данного учета следует отнести подозреваемых, обвиняемых по уголовным делам, в исключительных случаях – другие категории лиц (например, неопознанные трупы, лица, относящиеся к категории «пропавшие без вести», либо подвергнутые административному аресту за совершение правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств). При постановке лиц, представляющих оперативный интерес, на ЭКУ оформляется биометрическая карта, содержащая ДНК-профиль лица, дактилоскопическую карту, информацию о травмах, приводящих к утрате частей тела (время и обстоятельства получения), анатомические характеристики человека, динамические признаки (голос, движение тела).

Литература

1. АДИС (AFIS) Папилон – система мультибиометрической идентификации // Официальный сайт «Системы Папилон». URL: <https://www.papillon.ru/products/programs/adis/> (дата обращения: 20.10.2021).

2. Алымов Д.В., Трусов К.Ю., Снегирева Д.Е. К вопросу о всеобщей обязательной биометрической регистрации // *Мировой судья*. 2019. № 7. С. 29-36.
3. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: в 3 т. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1978. Т. 2. 464 с.
4. Вопросы организации эксплуатации сервиса по использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов органов внутренних дел Российской Федерации при предоставлении государственных услуг, в том числе в электронной форме [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 02.09.2021 № 656 (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кубанов В.В., Степанов В.В. Криминалистические учеты огнестрельного оружия и следов его применения. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008. 168 с.
6. Мохов А.А. Геномная регистрация в России: проблемы и перспективы развития // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 7 (116). С. 103-113.
7. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / под ред. А.Е. Четчина. 2-е изд., доп. и перераб. Барнаул: БЮИ МВД России, 2005. 246 с.
9. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник / под общ. ред. Ю.А. Агафонова, Ю.Ф. Кваши. М.: ЦОКР МВД России, 2009. 216 с.
10. Протокол о внесении изменений в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о порядке формирования и деятельности совместного информационно-координационного центра органов внутренних дел от 4 июля 2016 г. (Москва, 16 октября 2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Пшеничный Р.В. Криминалистические учеты и их применение при раскрытии и расследовании преступлений // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2019. № 1. С. 156-163.
12. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: Норма, 2006. 368 с.
13. Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие / Ф.Г. Аминев и др.; под ред. Ф.Г. Аминева. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2010. 97 с.

УДК 343.982.323

Е.В. Давыдов, канд. юрид. наук, доцент

Волгоградская академия МВД России

E-mail: E.W.Davydov@yandex.ru;

А.Г. Задоров, канд. юрид. наук

Волгоградская академия МВД России

E-mail: zadorexper37@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОТОУСТРОЙСТВ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ ПРИ ОТБОРЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗЦОВ ЛИЦА ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Одной из проблем в практике раскрытия и расследования преступлений является повышение результативности использования внешнего облика человека, в т.ч. запечатленного на мобильные телефоны. В процессе получения этими устройствами изображения лица человека на достоверность информации о признаках внешности оказывают влияние некоторые виды фотографических факторов.

Проблемам влияния факторов на отображение признаков внешности лица человека, зафиксированного на фотографиях, уделено достаточно много внимания. Однако у экспертов возникают трудности по отождествлению лица, запечатленного фотокамерами различных видов мобильных телефонов. Они обусловлены различием в объемах информации о признаках внешности, отобразившихся на фотоизображениях, и являются результатом влияния определенных видов фотографических факторов. В статье исследуются возможности камер сотовых телефонов, в частности, при отборе сравнительных образцов для вышеуказанного вида исследований.

Ключевые слова: фотокамеры мобильных телефонов, фотографические факторы, элементы и признаки внешности, образцы для сравнительного исследования.

E.V. Davydov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

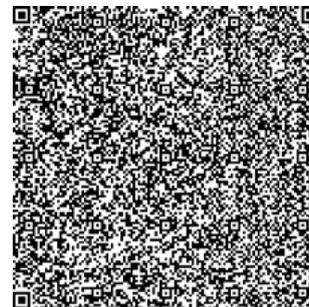
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: E.W.Davydov@yandex.ru;

A.G. Zadorov, Candidate of Juridical Sciences

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: zadorexper37@mail.ru

POSSIBILITIES OF USING CELL PHONE PHOTO DEVICES IN SELECTION OF COMPARATIVE SAMPLES OF A HUMAN FACE FOR FORENSIC PORTRAIT EXAMINATION

One of the problems in the practice of clearance and investigation of crimes is to increase the effectiveness of using the external appearance of a human being captured by means of cell phones. While obtaining a human face image by these devices, the reliability of information about the appearance features is directly influenced by certain types of photographic factors.

Quite a lot of attention has been paid to the problems of the impact of some factors on the display of specific features of the appearance of a human face in photographs. However, experts have to face certain difficulties in identifying a human face captured by cameras of various types of cell phones. They are caused by the difference in the amount of information about the appearance features displayed in photographs and are the result of the impact of some types of photographic factors. The authors analyze the capabilities of cell phone cameras, in particular when selecting comparative samples for the given type of examination in the article.

Key words: cell phone cameras, photographic factors, elements and features of appearance, samples for comparative examination.

Вопросы использования цифровых изображений в экспертной и следственной практике авторами рассматривались и ранее в научных работах, посвященных данной теме. В них, в частности, отмечалось, что «с развитием цифровых технологий и внедрением их в практику борьбы с преступностью в качестве объектов отождествления личности по признакам внешности все чаще стали использоваться цифровые изображения, полученные с различных видов цифровых устройств: цифровых камер наружного наблюдения, банкоматов, видеорегистраторов, мобильных телефонов» [2, с. 101]. В то же время нами проведен анализ судебно-портретных экспертиз, где объектами выступали именно цифровые снимки, сделанные камерами, в т.ч. и сотовых телефонов. Затруднения, в частности, касаются стадии оценки признаков внешности лица. Неточная, неверная их оценка может снизить вес экспертного заключения как доказательства.

На изменения признаков внешности, которые могут произойти в результате «технических условий фотографирования» и в дальнейшем создавать «большие трудности при сличении фотографий», еще в 1912 г. указывал известный русский криминалист К.Г. Прохоров [7].

В системе факторов, влияющих на внешний облик лица, отдельным блоком представлены такие факторы, как: освещение при съемке; положение головы фотографируемого относительно фотокамеры; расстояние от объекта до объектива фотокамеры; вид и тип фотообъектива; характеристики фотоматериалов (аналоговые фотоснимки) и ПЗС-матриц (цифровые фотоизображения).

Для аналоговой фотографии такими характеристиками являются: разрешение фотоматериала (фотопленки); светочувствительность; применяемые при фотосъемке оптические системы (объективы). В свою очередь, для цифровой фотографии это разрешение, чувствительность, формат ПЗС-матрицы, наличие автодиафрагмы, отношение сигнал/шум, система баланса белого, угол обзора камеры.

Как известно, в аналоговой фотографии изображение формируется на фотопленке, и поэтому в зависимости от целей съемки используются фотоматериалы с различными характеристиками, касающимися разрешения и светочувствительности. Разрешающей способностью является величина, характеризующая способность фотослоя раздельно воспроизводить мелкие элементы объекта фотографирования.

Для получения изображений лица человека принято использовать фотоматериалы с нормальной светочувствительностью и разрешающей способностью (92 линий на мм) (например, «Фото-65»), которые наиболее оптимально отображают анатомические (морфологические) элементы и признаки внешности лица человека.

Однако если же при фотографировании этого же лица использовать высокоразрешающую фотопленку, например «Микрат-200» (196 линий на мм), то фотоизображения будут значительно отличаться друг от друга. Различия могут наблюдаться по степени контрастности и особенностям отображения микрорельефа кожи. Так, на фотоснимке, изготовленном с фотопленки с высокой разрешающей способностью, будут хорошо видны не только мельчайшие элементы поверхности кожи (родинки, оспинки, веснушки и т.д.), но также морщины и даже поры. Следовательно, элементы и признаки внешности лица человека при фотосъемке на такой фотоматериал отображаются со значительными изменениями.

В цифровой фотографии изображение формирует ПЗС-матрица, которая является наиболее важной частью современного сотового телефона. Матрица выполнена в виде полупроводниковой пластины с большим количеством ячеек (пикселей). Их плотность измеряется в количестве на единицу площади. По общему правилу, чем больше пикселей располагается на единице площади, тем четче, детальнее будет изображение.

В связи с непрерывным развитием информационных технологий с целью улучшения качества изображения производители мобильных телефонов постоянно совершенствуют и разрешающую способность их фотокамер. Так, если в первых модификациях сотовых телефонов, выпускаемых, к примеру, такими компаниями-производителями, как Apple, Samsung, Nokia, использовались камеры с разрешением в 2 мр (мегапикселя), 3,2 мр, 5 мр, 8 мр, то в современных телефонах используются фотоустройства с 12 мр, 16 мр, 27 мр и большим разрешением.

Исходя из вышеизложенного, задачей данного исследования является установление определенных моделей мобильных телефонов, камеры которых способны получать изображение без искажений анатомических признаков внешности лица человека и их особенностей, при отборе соответствующих экспериментальных образцов.

В современной следственной и экспертной практике при документировании и фиксации отдельных видов следственных действий, в т.ч. отборе сравнительных образцов, используются фотокамеры различных моделей сотовых телефонов, поскольку они имеются в личном пользовании практически каждого сотрудника правоохранительных органов.

Особенности их отбора для проведения судебно-портретных экспертиз по цифровым изображениям авторами также ранее рассматривались в специальной литературе, где обращалось внимание на основания проведения этого следственного действия и требования, предъявляемые к образцам. В частности, в ней отмечалось, что «процесс получения образцов

для сравнительного исследования регламентирует ст. 202 УПК РФ, в которой указано, что их получение осуществляет следователь. Для проведения судебно-портретной экспертизы следователь представляет эксперту свободные и экспериментальные образцы. Экспериментальные образцы – это фотоснимки и видеозаписи, которые выполняются специально для проведения экспертизы. Этим образцам придается особое значение, так как они могут быть отобраны в условиях, максимально приближенных к тем, в которых было получено изображение подозреваемого лица. Методикой судебно-портретной экспертизы предусмотрены требования, предъявляемые к сравнительному материалу: сопоставимость, достаточность, доброкачественность.

Доброкачественными считаются фото-, видеоизображения хорошего качества: нормальные по резкости, контрастности, отображающие все мелкие элементы и признаки (родимые пятна, веснушки, жировики, пигментные пятна, морщины, складки и т.п.), мелкозернистые, с отсутствием либо незначительной вуалью, без ретуши и больших признаков старения. Достаточными являются такие образцы, в которых присутствуют все свойства исследуемого объекта.

Рис. 1. Исходное исследуемое изображение лица

Вышеуказанный комплекс характеризуется следующими признаками внешности: волосы длинные, густые, прямые, темные, зачесаны назад; контур линии роста волос на лбу дугообразно-выпуклый, на висках извилистый; пропорции лица в целом средние, по контуру лицо овальное; кожа гладкая, без морщин. Лоб высокий, по ширине средний. Брови по длине и ширине средние; правая бровь по контуру извилистая, левая дугообразная; асимметрия бровей по контуру. Глаза по протяженности и ширине средние, по контуру миндалевидные, по положению средне-расставленные; вид внутренних углов глаз заостренный; подвижная часть верхнего века без нависания, хорошо развитая. Нос по высоте и ширине средний; спинка носа по ширине средняя, по контуру прямая; кончик носа заостренный, опущенный; крылья носа по высоте средние, асимметрия крыльев носа по ширине. Размер рта средний, верхняя и нижняя губы по контуру дугообразные; подбородок по высоте боль-

Другой стороной достаточности образцов является их количество – это такой их объем, который обеспечил бы возможность полной и всесторонней экспертизы представленных на исследование объектов. Достаточным количеством образцов принято считать такое их количество, которое обеспечило бы максимальное сопоставление всех одноименных признаков на объектах, поступивших на исследование» [3, с. 70].

С целью решения задачи по оптимальному использованию фотокамеры определенной модели сотового телефона, потенциально могущего быть задействованным при отборе образцов лица человека для сравнительного исследования, авторами в несколько этапов проведено экспериментальное исследование.

На первом этапе в качестве исходного (проверяемого) лица использовался фотоснимок молодой девушки (статиста), полученный с использованием фотоаппарата Nikon D5000 в условиях студийной фотосъемки.

На полученном фотоизображении четко и в полном объеме отобразился комплекс групповых и индивидуальных анатомических особенностей признаков внешности (рис. 1).

шой, по контуру края закругленный. Ушные раковины закрыты волосами, их элементы не просматриваются.

В качестве мелких (наиболее ценных для идентификации) анатомических особенностей признаков внешности на фото отобразился количественный и качественный их комплекс. В их числе: родинка над внутренним углом левого глаза; две родинки на спинке носа; шесть родинок на левой щеке; одна родинка на правой щеке; одна родинка слева на шее.

На втором этапе экспериментального исследования фотокамерами мобильных телефонов с расстояния 3 м в режиме фотосъемки была произведена съемка головы и лица той же девушки-статиста. Съемка производилась днем, на улице, в облачную погоду. Приближение при фотосъемке объекта не применялось.

Для фотографирования использовались фотокамеры мобильных телефонов следующих марок:

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Apple, Samsung, Nokia (как наиболее распространенных), имеющие разное разрешение: 5 мр, 8 мр и 12 мр, всего 9 различных устройств. Полученные фотоизображения в дальнейшем исследовались на предмет соответствия требованиям, предъявляемым к экспериментальным образцам – по степени доброкачественности и достаточности отображения на них мелких анатомических особенностей признаков внешности.

Следует отметить, что на всех исследуемых фотоизображениях в полном объеме отобразился ком-

плекс групповых (размерные характеристики элементов лица, форма и др.) и отдельных индивидуальных (округлый контур линии роста волос на лбу, извилистый контур линии роста волос на правом виске, большая высота лба и др.) анатомических элементов и признаков внешности.

Ниже в таблице 1 указаны основные характеристики фотокамер смартфонов, использованных при получении экспериментальных снимков. Настройки камер при этом использовались заводские (по умолчанию).

Таблица 1

Отдельные характеристики фотокамер смартфонов, задействованных в эксперименте

	Модель/параметры	Светосила	Фокусное расстояние/ эквивалент 35 мм
1	iPhone 4	2,8	3,85 29,31
2	iPhone 5S	2,2	4,3 30,43
3	iPhone 6S	2,2	4,02 29
4	Samsung j1 mini	2,2	- -
5	Samsung j3	2,0	- -
6	Samsung G Note j	1,9	3,6 27
7	Nokia E72	-*	4,7 -
8	Nokia C7	2,8	5,9 -
9	Nokia N8	1,9	3,18 25,99

* характеристики (параметры) не установлены

В результате фотосъемки лица фотокамерами сотовых телефонов, имеющих разрешение 5 мр, установлено следующее (рис. 2-4):

Рис. 2. iPhone 4

Рис. 3. Samsung j1 mini

Рис. 4. Nokia E72

На фотоизображениях, полученных фотокамерами мобильных телефонов iPhone 4, Samsung j1 mini, индивидуальные анатомические особенности в виде родинок, пятен, практически не отобразились. На фотоизображении, полученном фотокамерой телефона Nokia E72, нечетко отобразились особенности признаков внешности в виде родинки над внутренним углом левого глаза и одной родинки на левой щеке.

В полном объеме и доброкачественно мелкие анатомические особенности на фотоизображениях не отобразились, следовательно, фотоустройства данных телефонов не пригодны для отбора образцов лица человека с целью последующего отождествления.

При фотографировании лица фотокамерами сотовых телефонов, имеющих разрешение 8 мр, установлено следующее (рис. 5-7):

Рис. 5. iPhone 5S

Рис. 6. Samsung j3

Рис. 7. Nokia C7

На фотоизображениях, полученных фотокамерами мобильных телефонов iPhone 5S, Samsung j3 и Nokia C7, отобразились родинка над внутренним углом левого глаза и по две родинки на левой щеке. Более четко просматриваются эти особенности на фотоизображениях, полученных фотокамерами мобильных телефонов Samsung и Nokia. Нечетко отобразились эти особенности на фотоизображении, полученном фотокамерой телефона iPhone.

В полном объеме и качественно анатомические особенности лица на полученных изображениях не отобразились, поэтому использовать фотокамеры указанных телефонов для отбора сравнительных образцов также не рекомендуется.

В результате фотосъемки лица фотокамерами сотовых телефонов, имеющих разрешение 12 мр, установлено следующее (рис. 8-10):

Рис. 8. iPhone 6S.

Рис. 9. Samsung G Note j

Рис. 10. Nokia N8

На всех трех фотоизображениях статиста четко, в полном объеме отобразились групповые элементы и индивидуальные анатомические признаки внешности, в т.ч. их мелкие особенности: родинка над внутренним углом левого глаза; две родинки на спинке носа; шесть родинок на левой щеке; одна родинка на правой щеке; одна родинка слева на шее. В то же время наиболее четко и полноценно они отобразились на изображении, полученном фотокамерой мобильного телефона Nokia N8.

Таким образом, фотоизображения лица, полученные 12-мегапиксельными фотокамерами мобильных

телефонов Apple, Samsung и Nokia, соответствуют требованиям, которые предъявляются к сравнительным образцам при производстве судебно-портретных экспертиз.

В заключение отметим, что изложенный в настоящей статье материал о возможности использования наиболее распространенных видов мобильных телефонов при производстве судебно-портретных экспертиз будет полезен для использования в работе как экспертам-практикам, так и другим сотрудникам силовых структур, осуществляющих борьбу с преступностью.

Литература

1. Влияние факторов на отображения внешнего облика человека, запечатленного на фотоснимках и видеоизображениях: учебное пособие / Е.В. Давыдов, В.Ф. Финогенов, Т.Г. Шаова. Волгоград: ВА МВД России, 2015. 96 с.
2. Давыдов Е.В., Финогенов В.Ф. Криминалистическая оценка признаков внешности лица человека, отобравшегося на цифровых изображениях // Судебная экспертиза. 2014. № 4 (40). С. 99-104.
3. Давыдов Е.В., Финогенов В.Ф. Особенности подготовки сравнительного материала для проведения судебно-портретных экспертиз по цифровым изображениям // Судебная экспертиза. 2013. № 3 (35). С. 67-72.
4. Ильин Н.Н. Судебно-портретная идентификация человека по видеоизображениям. Методические основы: монография. М.: Проспект, 2020. 128 с.
5. Криминалистическая идентификация человека по признакам внешности: учебное пособие для вузов / под ред. А.М. Зинина. М.: Юрайт, 2018. 311 с.
6. Портретная экспертиза: курс лекций / Н.А. Анчабадзе, М.В. Бобовкин, Е.В. Давыдов и др. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 176 с.
7. Прохоров К.Г. Сличение фотографических карточек преступников // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 9.
8. Снетков В.А. Использование признаков внешности в работе органов внутренних дел: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1993. 56 с.
9. Судебная фотография и видеозапись: учебник: в 2 т. / В.Г. Булгаков, А.А. Курин, В.А. Зотчев и др.; под ред. В.Г. Булгакова. 3-е изд., испр. и доп. М.: МосУ МВД России, 2018. Т. 2. 272 с.

УДК 343.985.5:343.57

Д.В. Кураков, канд. юрид. наук

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: denis.kurakoff@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

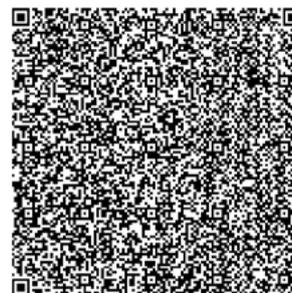
Массовое увеличение спроса на распространение наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемое путем бесконтактного сбыта с помощью сети Интернет, повышение анонимности организаторов совершения преступлений, доступность информации о способах приобретения наркотических средств, которая размещается организаторами сбыта на интернет-ресурсах, на фасадах зданий и в других общественных местах, свидетельствуют о назревшей проблеме раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Совокупность этих и других факторов приводит к снижению эффективности деятельности органов внутренних дел. В статье рассматриваются некоторые особенности деятельности органов внутренних дел, направленной на получение информации о причастности лиц к совершению данной категории преступлений и предоставление ее следователю для определения направлений последующего раскрытия рассматриваемой категории преступлений.

Ключевые слова: наркотические вещества, закладка, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, бесконтактный сбыт наркотических веществ, интернет-данные.

D.V. Kurakov, Candidate of Juridical Sciences

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: denis.kurakoff@yandex.ru

SOME FEATURES OF DETECTION AND DISCLOSURE OF CRIMES RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES ON THE INTERNET

A massive increase in demand for the distribution of narcotic drugs and psychotropic substances carried out by contactless sale using the Internet, increasing the anonymity of the organizers of the commission of crimes, the availability of information on the methods of acquiring narcotic drugs is posted by marketing organizers on the Internet resources, on the facades of buildings and in other public places... The combination of these and other factors leads to a decrease in the effectiveness of the activities of the internal affairs bodies. The article examines some of the features of the activities of the internal affairs bodies aimed at obtaining information about the involvement of persons in the commission of this category of crimes and providing it to the investigator to determine the directions of the subsequent disclosure of the considered category of crimes.

Key words: narcotic substances, operational and investigative measures, investigative actions, contactless sale of narcotic substances, Internet data.

В современном мире массовое распространение наркотических средств и психотропных веществ осуществляется путем бесконтактного сбыта с помощью сети Интернет. К уголовной ответственности в ходе оперативно-розыскных мероприятий привлекаются простые наркопотребители, тогда как организаторы уклоняются от наказания [7, с. 51].

В целях установления всех участников, причастных к совершению рассматриваемой категории преступлений, немаловажным обстоятельством будет являться сбор оперативно значимой информации и вещественных доказательств. Для достижения поставленных целей проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий, в частности «Прослушивание телефонных переговоров», актуальность которых во многом обусловлена широким распространением средств мобильной связи. В большинстве случаев участники преступных групп в целях конспирации используют по несколько десятков различных абонентских номеров, зарегистрированных в основном на подставных лиц [4, с. 114].

Преступники в целях снижения риска их разоблачения и возможного документирования их преступной деятельности сотрудниками правоохранительных органов в телефонном общении между собой активно используют такие меры конспирации, как иносказательные выражения, шифрование фраз, легендирование, использование вымышленных прозвищ вместо имен и т.д.

Результаты, полученные в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров», позволяют получить информацию о степени осведомленности допрашиваемого лица об имеющихся доказательствах; характере отношений с другими фигурантами уголовного дела; выборе тактических приемов допроса, постановке дополнительных вопросов; оценке сведений, сообщаемых свидетелями и потерпевшими и т.д.

Кроме того, в последние годы наркобытчики для бесконтактного сбыта наркотиков все меньше прибегают к использованию СМС-переписки с наркопотребителями и все больше используют различное программное обеспечение для переписки и кодирования информации в сети Интернет, например программы для мгновенного обмена сообщениями: ICQ, Skype, Brosix, Telegram, WhatsApp, Google Talk, а также интернет-сайт для кодирования информации в целях разового ознакомления с ней – www.privnote.com. Данная тенденция обусловлена осознанием наркобытчиками того факта, что для правоохранительных органов несколько сложнее отследить процесс интернет-переписки, нежели процесс переписки посредством СМС-сообщений [3, с. 25].

Огромную роль в развитии общероссийской сети наркоторговли играет сайт [https://www.legalrc.](https://www.legalrc.biz/)

[biz/](https://www.legalrc.biz/), где происходит так называемая встреча наркопотребителей с наркоторговцами, предлагающими свои закладки в том или ином городе. Информация, содержащаяся на данном интернет-ресурсе, включает в себя не только пропаганду употребления наркотиков, но и способы их незаконного приобретения. А это позволяет наркобытчикам из различных регионов создавать новые крупные каналы нелегального наркотрафика.

С учетом трансграничного использования интернет-сервисов могут возникать затруднения в получении необходимой информации от оператора, предоставляющего услугу в сети Интернет, располагающегося за пределами страны, проводящей расследование. МВД России заинтересовано в развитии международного взаимодействия по данному вопросу, т.к. многие интернет-ресурсы, содержащие противоправный контент, размещаются на расположенных за пределами России серверах, к примеру, ресурсы крупнейшей торговой площадки HYDRA (далее – «Гидра»), которая охватывает большую часть теневого бизнеса. Кроме наркотиков, популярными товарами на «Гидре» являются фальшивые деньги и документы, инструкции по противозаконной деятельности. Также на ресурсе реализуются такие услуги, как сбыт наркотиков, интернет-безопасность и взлом аккаунтов. Кроме того, на «Гидре» выставлены предложения по трудоустройству, в основном в сфере производства и сбыта наркотиков.

Сложность в раскрытии и расследовании данного вида преступлений заключается в том, что, как правило, участники преступной группы не знают друг друга лично. Подбор «кадров» осуществляется также через сеть Интернет и максимум, что известно об участниках группы, это их никнеймы, под которыми они зарегистрировались для совершения преступлений. Данное обстоятельство негативно сказывается на формировании доказательственной базы и сводит к нулю результативность проведения некоторых следственных действий, таких как опознание, очные ставки, т.к. при вышеописанных обстоятельствах отсутствует визуальный контакт со сбытчиком запрещенных веществ, а также участники преступной группы не знают друг друга, что затрудняет процесс доказывания по уголовному делу.

В связи с изложенным при расследовании уголовных дел данной категории следователю необходимо воспользоваться широким спектром следственных и процессуальных действий, предоставленных уголовно-процессуальным законодательством РФ, а также вести расследование в тесном взаимодействии с оперативными службами. После возбуждения уголовного дела по факту незаконного сбыта наркотических средств с оплатой путем электронных платежей следователь уполномочен самостоятельно

запросить информацию о принадлежности расчетного счета, установлении лица, зарегистрировавшего данный расчетный счет, и лица, пользующегося им.

Достаточно большое значение при доказывании причастности лица к распространению наркотических и психотропных веществ играет проведение оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Основной целью его проведения является обнаружение запрещенных веществ. При этом необходимо изымать компьютеры, ноутбуки, мобильные телефоны, сим-карты, флеш-карты, иные электронные носители информации, по которым назначается компьютерно-техническая судебная экспертиза с целью установления имеющейся в памяти информации, переписки, электронных счетов и т.д. Впоследствии данная информация передается в следственное подразделение с целью проведения некоторых следственных действий, для процессуального закрепления обнаруженных предметов и веществ и приобщения к материалам уголовного дела.

В случае обнаружения в ходе обыска или личного досмотра фигуранта наркотических средств, психотропных веществ, аналогичных наркотическим средствам, психотропным веществам, изъятым из незаконного оборота в ходе проверочной закупки, рекомендуется проведение сравнительной химической судебной экспертизы для выяснения возможной принадлежности изъятых веществ к единой массе. Также в ходе обыска важно изымать банковские карты, находящиеся в пользовании преступника, с целью установления номера счета и подтверждения факта использования данного счета для получения денежных средств от незаконных сбытов наркотических средств, психотропных веществ.

Нередко с целью сокрытия своей преступной деятельности преступники под различными предлогами оформляют банковские карты на подставных лиц, не осведомленных о преступной деятельности фигурантов уголовного дела, при этом привязывают к номеру счета абонентский номер своего телефона. Еще к одной проблеме, возникающей в ходе раскрытия и расследования уголовных дел рассматриваемой категории, можно отнести проживание нескольких лиц в квартире или домовладении, в котором зарегистрирован IP-адрес, с которого велась переписка и «работа» по распространению наркотических средств. В связи с этим у следователя возникают сложности в доказывании, кто именно из проживающих в квартире или домовладении лиц причастен к бесконтактному сбыту наркотиков с учетом того, что это либо родственники, либо супруги, и зачастую во время дачи показаний они желают воспользоваться ст. 51 Конституции РФ [5], в соответствии с которой никто

не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

С развитием научно-технического прогресса видоизменяются и преступления, особенно способы их совершения. В наше время практически любое преступление так или иначе связано с использованием компьютерных технологий, в частности глобальной сети Интернет. Таким образом, для реализации целей борьбы с преступностью правоохранительные органы должны иметь специалистов, которые будут соответствовать тому уровню знаний и подготовки, который предполагает криминогенная ситуация в нашей стране [6].

Помимо специалистов, постоянно следует разрабатывать новые методы выявления криминалистических признаков преступлений, совершаемых посредством использования глобальной сети Интернет. На данный момент количество доказательств, которые можно получить посредством изучения порядка пользования лицом мобильных средств, его контактов, переписок и сведений, получаемых в различных социальных сетях и мессенджерах, очень высоко. Это говорит о реальной необходимости формирования криминалистических признаков и рекомендаций по расследованию преступлений, совершаемых через Интернет. Из всего массива преступлений, совершаемых в сети, наибольшую общественную опасность представляют преступления в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ либо связанные с ними, предусмотренные ст. 228-233 Уголовного кодекса Российской Федерации [11].

С появлением возможности быстрого обмена информацией наркоторговля приобрела огромный масштаб, об этом говорит статистика по данным статьям за прошедший 2020 год. Так, за период январь-декабрь 2020 г. было выявлено 189 905 преступлений по ст. 228-233, из них совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 47 060 [8].

Что примечательно, в большинстве случаев возраст лиц, привлекаемых для распространения наркотических веществ, составляет от 18 до 25 лет, это говорит о том, что личность преступника, а именно ее социальные и естественно-биологические свойства, является первоочередным криминалистическим признаком, на который правоохранительным органам стоит обращать внимание при расследовании данного вида преступлений. Стоит отметить, что началом совершения данного вида преступления посредством сети Интернет следует считать создание ресурса для сбыта наркотиков, он может быть выражен в виде сайта, отдельной группы в социальных сетях, чата в мессенджере либо отдельной торговой платформы.

В качестве примера такой платформы можно назвать ранее указанную торговую площадку «Гидра», на которой по различным оценкам за последние годы было реализовано наркотических средств на сумму в несколько миллиардов долларов. На данных ресурсах организаторы сбыта наркотических средств размещают информацию об ассортименте, количестве, цене, средствах оплаты и доставки наркотических веществ. Как правило, данные лица находятся за границей РФ и осуществляют свою деятельность посредством специальных автоматизированных систем, что затрудняет их обнаружение.

Таким образом, реализация наркотиков производится с наймом лиц, которые их разносят, создают тайники, называемые складами или закладками. Данные лица посредством Интернета передают геолокацию (конкретное расположение точки на карте) организатору. Организатор, получив данные, продает координаты закладки непосредственно покупателю, в данной схеме предметом преступления можно назвать не само продаваемое наркотическое средство, как это было несколько лет назад, а информацию о месте его захоронения, что уменьшает личное взаимодействие между участниками и осложняет работу сотрудникам правоохранительных органов.

Неотъемлемым звеном в данной цепочке участников преступления являются курьеры. Они осуществляют перезаклад большой партии наркотических средств на более мелкие. Для данного субъекта характерной чертой является быстрая и частая смена лиц, т.к. на практике именно этих лиц удается задерживать сотрудникам правоохранительных органов. Они имеют наименьшую общественную опасность из всех соучастников, однако они же и составляют основную массу осужденных по ст. 228-233 УК РФ [11].

В теории криминалистики и криминологии отмечается, что особая опасность данной схемы сбыта наркотических средств состоит в ее способности адаптироваться к различным видам следственных действий правоохранительных органов.

Это происходит благодаря тому, что на всех этапах реализации наркотических средств через Интернет соучастники являются анонимными друг для друга. Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что применение ресурсов сети и использование современной компьютерной техники определяют криминалистические признаки личности преступника.

На первоначальных этапах выявления, раскрытия и расследования преступлений данной направленности для проверки первичной информации осуществляется документирование фактов получения и сбыта крупных партий наркотических веществ посредством проведения неотложных оперативно-

розыскных мероприятий и следственных действий, в дальнейшем для реализации собранной информации в рамках уголовного дела составляется план совместных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

При получении оперативно значимой информации о причастности конкретных лиц к совершению рассматриваемой категории преступлений особое внимание следует обратить на проведение мероприятий, направленных на определение мест хранения наркотических веществ. Прежде всего это связано с изворотливостью и хитростью при сокрытии наркотиков, зачастую они вшиваются в одежду (манжеты, капюшоны, обувь и т.д.), также из практики известно, что преступники часто хранят небольшое количество наркотических средств на виду, например в карманах, а основную массу держат в другом месте, тем самым скрывая реальный объем имеющихся наркотиков [1, с. 73].

При осуществлении экспертиз в первую очередь должен быть установлен контакт конкретного лица с наркотическим средством, это может быть состояние наркотического опьянения, наличие следов наркотиков в анализах подозреваемого либо на теле, например зачастую частицы наркотиков сохраняются под ногтями человека. Одновременно должна осуществляться работа по поиску и фиксации информации из личных устройств и аккаунтов обвиняемого: переписки, номера телефонов, координаты тайников и прочее.

Совместно со следственными органами при выявлении способа транспортировки наркотических средств следует производить обыски в жилищах лиц в целях изъятия основной массы наркотических средств, компьютерной и мобильной техники, через которую была произведена коммуникация с соучастниками. Из таких устройств изымаются электронные носители информации – HDD-диски, SSD-диски, также переносные накопители – флеш-карты и диски. Как правило, компьютеры изымаются без мониторов и приобщаются к вещественным доказательствам, предварительно устраняются пароли и иные средства защиты.

Информация на носителях не должна просматриваться на месте, также техника не должна контактировать с различными магнитными полями, т.к. это может привести к неисправности носителей информации на устройствах. Во избежание подобного рода происшествий необходимо участие специалиста во всех оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях, т.к. не все сотрудники правоохранительных органов обладают познаниями в данных областях. На дальнейших этапах необходимо назначить комплексную химико-фармакологическую экспертизу, т.к. нередки случаи, когда поставщик

под видом наркотических средств передает курьеру обычные, похожие по виду вещества, не обладающие наркотическими свойствами, а курьер в силу неразборчивости принимает их за наркотики. Данная экспертиза должна быть осуществлена несколькими экспертами-химиками и фармакологами, перед которыми стоят вопросы о природе вещества, массе и других характеристиках. Не менее важную роль играет другая экспертиза – компьютерная, которая проводится в целях установления информации, следов работы в сети устройств [2, с. 178].

Также исследуются сим-карты лица, производится детализация звонков и сообщений. Таким образом, можно говорить об основных рекомендациях по проведению следственных действий при расследовании преступлений по ст. 228-233 УК РФ посредством сети Интернет.

Оплата осуществляется покупателем с помощью перевода по номеру мобильного телефона, который, как правило, обезличен либо зарегистрирован на третье лицо. Современные средства электронных платежей позволяют мгновенно переводить деньги на любые счета или телефонные номера из любой точки мира, при этом стороны друг с другом не встречаются и каких-либо материальных (квитанций, следов пальцев рук) или идеальных следов (признаков внешности сбытчика и приобретателя) не остается, что исключает в дальнейшем возможность опознания. Все изложенное обуславливает тот факт, что большинство преступлений, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств, остается нераскрытым.

Таким образом, представляется, что следы, которые образуются в результате бесконтактного сбыта наркотических средств, т.е. электронно-цифровые следы, необходимо искать тогда, когда имеется подозреваемое лицо (задержано при проведении оперативно-розыскных мероприятий либо в момент получения закладки) либо нужно доказать его причастность к совершению преступления уже в процессе расследования. Для понимания того, где нужно искать электронно-цифровые следы, рекомендуется разделять их на два вида – пассивные и активные. Первые, как правило, пользователь оставляет непредумышленно: данные, которые остаются в результате входа в сеть Интернет (IP-адрес устройства, история посещения сайтов и др.). Вторые являются отражением осознанных действий, производимых в сети Интернет (сообщения в социальных сетях, мессенджерах, комментарии, посты, блоги и т.д.).

Чтобы скрыть электронно-цифровые следы, люди часто прибегают к различным ухищрениям: переезжают с одного места на другое, меняют технические устройства (смартфоны, планшеты, ноутбуки), используют анонимайзеры (специальные сервисы, по-

зволяющие пользователю не только скрывать данные о своем местоположении, оборудовании, интернет-браузере и другую конфиденциальную информацию, но и посещать различные интернет-ресурсы, свободный доступ к которым по каким-либо причинам закрыт).

Кроме того, для введения в заблуждение сотрудников правоохранительных органов и отведения от себя подозрений преступники осуществляют незаконное подключение к Wi-Fi-роутерам незапароленных пользователей, находящихся в зоне доступа сети, либо подгадывают момент, когда пользователь, только подключившийся к сети Интернет, устанавливает пароль для ограничения подключения к Wi-Fi-роутеру, перехватывают сигнал и взламывают пароль [10, с. 8].

Необходимо также отметить, что сегодня во многих общественных местах (торговых центрах, кафе, ресторанах, вокзалах, аэропортах и т.д.) можно свободно подключиться к Wi-Fi, что делают в том числе злоумышленники. Данное обстоятельство существенно затрудняет расследование преступления, поскольку в таких условиях установить преступника невозможно. Однако, несмотря на все ухищрения, полностью скрыть свое пребывание в Интернете нельзя. Даже малозначительные действия любой давности могут дать информацию о личности пользователя. Лицо, которое причастно к совершению сбыта наркотических средств в сети Интернет, наверняка осуществляло вход и на другие сайты, форумы, в социальные сети, пользовалось поисковыми системами Google, Yandex, Mozilla Firefox и т.д.

Электронно-цифровой след подобен отпечатку пальцев, поскольку является цифровой идентификацией человека. Он определяет контент, который будет показан пользователю, и сервисы, которые будут ему доступны. Время, проведенное в приложениях или на сервисах, также фиксируется в информационной среде. Отследить пассивный цифровой след, например установить IP-адрес пользователя сети Интернет, сегодня совсем несложно. Для этого существует множество различных программ (Whois, REG.RU, Speed-tester, IpGeoBase и др.). Но, как было отмечено выше, преступники могут использовать анонимайзеры. В данных случаях в истории посещения сайтов будет показан IP-адрес пользователя, не соответствующий реальному. При взаимодействии с сотрудниками отдела «К» МВД России у владельцев, предоставляющих услуги анонимизации, можно запросить информацию о реальном IP-адресе пользователя, который заходил в интернет в определенную дату и время [9, с. 100].

Однако не все сервисы анонимизации ведут журналы посещений, поэтому получить нужную информацию удастся не всегда. Чтобы установить реаль-

ный IP-адрес злоумышленника, можно воспользоваться сервисом <https://2ip.ru/whois/>.

В случае, когда адрес принадлежит одному из интернет-провайдеров (Билайн, Ростелеком и т.д.), он наверняка является реальным. В дальнейшем по нему можно установить данные лица, на которое зарегистрирован договор с компанией, предоставляющей услуги интернет-связи, и точное место пользователя в момент его выхода в сеть.

Для фиксации активных цифровых следов незаконного сбыта наркотических средств в сети Интернет следует прибегать к помощи специалиста. С его участием необходимо осмотреть техническое средство (смартфон, планшет, ноутбук, компьютер) подозреваемого либо в момент получения закладки покупателем, либо при ее помещении в тайник курьером. Если нужно доказать причастность лица к совершению преступления уже в процессе расследования, в протоколе следственного действия необходимо зафиксировать историю переписки, относящейся к событию преступления (сообщения в социальных сетях, мессенджерах, комментарии, посты, блоги и т.д.).

Рекомендуется также обращать внимание на то, установлены на техническом средстве подозреваемого приложения для осуществления электронных платежей или нет. Если таковые имеются, их нужно

просмотреть, а в протоколе зафиксировать сведения о переводах денежных средств, номерах телефонов либо счетах, куда были переведены деньги. Эта информация поможет установить владельцев указанных счетов и даст направление дальнейшему расследованию.

При обнаружении и фиксации следов незаконного сбыта наркотических средств в сети Интернет сотрудники следственных подразделений часто сталкиваются с многочисленными трудностями, обусловленными недостаточностью специальных знаний в области компьютерных технологий. Чтобы избежать их, следователям необходимо организовывать взаимодействие с оперативными подразделениями отдела «К» МВД России, непосредственно занимающимися выявлением, пресечением и раскрытием компьютерных преступлений. Следственные действия по обнаружению и фиксации информации в компьютерной технике либо информационно-телекоммуникационном пространстве нужно проводить с участием специалиста, который поможет обнаружить всю имеющуюся информацию и правильно ее зафиксировать. Перечисленные мероприятия будут способствовать не только полному и своевременному обнаружению следов и их фиксации, но и качественному раскрытию и расследованию преступлений.

Литература

1. Герасимова С.О. Методика расследования бесконтактного способа сбыта наркотиков // Развитие общественных наук российскими студентами: сборник научных трудов. Краснодар, 2017. С. 71-74.
2. Дондуков Б.Г. Криминалистическая характеристика времени незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 176-179.
3. Жихорова Е.Д. Проблемные вопросы раскрытия и расследования бесконтактного сбыта наркотиков через сеть Интернет // Символ науки: международный научный журнал. 2020. № 12-2. С. 23-26.
4. Кинах А.В. Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и сбыт с использованием сети Интернет // Молодежь и наука: шаг к успеху: сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 5 т. / отв. ред. А.А. Горохов. 2020. С. 114.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
6. Меретуков Г.М. Некоторые аспекты криминалистической деятельности следователя-криминалиста Следственного комитета Российской Федерации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 134. С. 1279.
7. Осипенко А.Л. Оперативно-розыскное противодействие незаконному обороту наркотических средств, совершаемому с использованием сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 151-155.
8. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 15.03.2021).
9. Решняк О.А. Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2020.
10. Российская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: мат-лы международной научно-практ. конф-ции (Алматы, 19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 8.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК: 343.98

А.Г. Лисицын

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: aav28010208@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ

В статье рассмотрены исторические аспекты становления и развития института обыска и выемки как судебно-следственного поиска вещей, предметов, лиц на ранних этапах развития уголовного процесса, исторический период формирования тех правовых и теоретических основ рассматриваемых следственных действий, которые известны нам на сегодняшний день.

В настоящее время обыск и выемка являются одними из наиболее эффективных следственных действий, направленных на получение прежде всего вещественных доказательств, а также избрание подозреваемых в совершении преступлений.

Ключевые слова: обыск, выемка, судопроизводство, доказательство, понятие, следственные действия, противодействие преступности.

A.G. Lisitsyn

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: aav28010208@yandex.ru

REVISITING THE HISTORICAL ASPECTS OF THE EMERGENCE AND IMPROVEMENT OF THE INSTITUTION OF SEARCH AND SEIZURE

The article considers the historical aspects of the formation and development of the institute of search and seizure as a forensic investigative search for things, objects, and persons at the early stages of the development of the criminal process, the historical period of the formation of the legal and theoretical foundations of the investigative actions under consideration, which are known to us today.

Currently, search and seizure are among the most effective investigative actions aimed at obtaining, first of all, physical evidence, as well as exposing suspects in the commission of crimes.

Key words: search, seizure, legal proceedings, evidence, witnesses, investigative actions, crime prevention.

Изучение исторических источников формирования и развития системы противодействия преступности, а также сравнительно-правовой анализ правовых норм, действующих в различные эпохи, позволяют сделать вывод о том, что обыск и выемка как следственные действия развивались в части разновидностей и процедуры проведения, в т.ч. их законодательной регламентации. Впервые истории отечественного законодательства и криминалистики обыск и выемка как инструменты противодействия преступности стали известны в XV в., однако не были систематизированы и четко регламентированы [6, с. 73].

При проведении ретроспективного анализа следственных действий, ставших предметом исследования, можно отметить, что их производство связано с нормативными актами прошлых времен. В работе рассмотрены пять наиболее важных, по нашему мнению, документов, расположенных в соответствии с временным промежутком. Первым является Псковская судная грамота, вторым – Судебник 1497 г., третьим – Судебник 1550 г., четвертым – Соборное уложение 1649 г. и пятым – Воинский устав Петра Великого. В данных нормативных актах заложены основы юридического основания производства обыска и выемки и определено доказательственное значение данных действий.

Говоря о предпосылках появления такого понятия, как «обыск», следует обратиться к древнему законодательству Западной Европы, где Законы XII таблиц «*quaereere*» определялись как разновидность действий, целью которых был поиск предметов, необходимых судебным органам для разрешения вопросов о виновности или невиновности лица в совершении деяния, наказываемого законом [1, с. 15]. На наш взгляд, в тот момент обыск отождествлялся с выемкой, что в целом вполне обоснованно ввиду схожих тактических приемов и правовой основы. Считается, что выемка в ряде случаев являлась частью обыска.

Обратимся к памятникам отечественного законодательства. В них представление об обыске и выемке было менее очевидным, поскольку отсутствовали строгая регламентация и необходимые дефиниции. Не было закреплено как таковое доказательственное значение процедуры обыска при рассмотрении и расследовании событий, ставших предметом наказания по законодательству Руси и последующих эпох в отечественной истории.

Понятие «обыск» как следственное действие впервые было упомянуто в Псковской судной грамоте. Следует акцентировать внимание на норме статьи 60 данного акта, в которой сказано следующее: «а татю веры не нять, а на кого восклепнет, ино дом его обыскать и найдуць в дому его что полишное, и он тот

же тать, а не найдуць в дому его и он свободен» [7, с. 57]. Структурный анализ представленной нормы свидетельствует о некоем подобии описываемой процедуры обыску и выемке. Так, «обыскать» предписывает провести необходимые поисковые действия в доме подозреваемого. Здесь же упоминается слово «найдуць», что предусматривает обнаружение предмета, имеющего значение для расследования дела. Далее прописан исход ситуации: в случае если ничего не будет обнаружено, лицо, в доме которого производился обыск, будет свободно. Таким образом, мы можем увидеть предпосылки законодательной регламентации обыска и выемки в отечественном законодательстве, а также гарантии защиты в случае непричастности лица к совершению преступления или необнаружения искомых предметов.

Следующий этап в развитии обыска пришелся на 1497 год и принятый в это время Судебник. В нём сказано так: «а на кого тать возмолвит, ино того пытати: будет причной человек з доводом, ино его пытати в татьбе. А не будет на него прирока з доводом в какове деле в прежнем ино татиным речем не верити, дати его на поруку до обыску» [5, с. 212]. Сделаем акцент на том, что большинство правоведов, изучая данный акт, пришли к выводу, что под обыском понимался допрос «добрых» людей для установления репутации подсудимого [3, с. 112].

В этот же промежуток времени обыск рассматривался и в отечественном законодательстве. Суть его заключалась в действии должностных лиц по отысканию следов и предметов. Обратимся к статье А.М. Хлуса «Значение Статутов Великого Княжества Литовского в становлении криминалистических знаний и разработке методов расследования и розыска». Автор обращает наше внимание на то, что в Статуте 1566 г. были закреплены нормы, подробно описывающие деятельность данной категории лиц. Так, ст. 5 разд. XIV «якъ маеть въ дому чіемъ лицо (вещественное доказательство, следы преступления) зостати» предусматривает порядок производства обыска.

Исходя из данной процедуры, любое лицо, которое желает отыскать свои ворованные вещи в чужом доме, должно соблюдать определенный алгоритм действий. В самом начале лицам необходимо было обратиться в государственный орган с сообщением о совершенном в отношении него противоправном деянии. Только после этого для осуществления обыска приглашался возный и определялся предмет поиска. Украденные вещи по утвержденной схеме разыскиваются самим потерпевшим при непосредственном участии возного [9, с. 486].

Результаты обыска по данному нормативному акту не могли быть самостоятельным доказательством совершения деяния. Но спустя время, а именно в 1832 г. в Своде законов Российской империи обыск

и выемка были закреплены как способ получения доказательств. Данный свод объединил в себе понятия «обыск» и «выемка» и не предусматривал конкретных различий между ними. Акцент можно сделать на том, что, скорее всего, выемка была составляющей частью обыска, ведь статья 94 предполагала обязанность «выемщика» обыскать домовладение.

Также были установлены правила проведения обыска. К ним относилось, к примеру, обязательное участие «приличного числа» понятых или запрет на причинение имущественного вреда в процессе проведения обыска [4, с. 84]. Уже на тот момент данные положения соответствовали нашему современному действующему законодательству.

Окончательное формирование в российском законодательстве обыска как следственного действия, которое направлено на доказывание определенных фактов и событий расследуемого преступления, произошло в XIX в. Стоит обратить внимание на Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Именно в нём сформирована упорядоченная система следственных действий, которые направлены на собирание доказательств в целях формирования доказательственной базы по уголовному делу.

Детализировалась и правовая регламентация процедуры производства обыска и выемки. Например, ст. 43 Устава уголовного судопроизводства установила необходимость обязательного присутствия понятых при производстве следственного действия, ставшего предметом рассмотрения.

Также не стоит упускать из вида работу австрийского ученого Ганса Гросса под названием «Руководство для судебных следователей». В ней он предложил рассматривать обыск так: «действие, направленное на обнаружение предметов, имеющих значение при выяснении события преступления и лица, его совершившего». При этом ученый отметил, что в качестве предмета обыска может выступать также и личность предполагаемого преступника, которого до момента расследования установить не удалось [2, с. 169].

Наиболее полно история судопроизводства второй половины XIX в. освещалась в тот период в работах Я.И. Баршева, В.Д. Спасовича, И.Я. Фойницкого, Н.Н. Розина. В них имелись отдельные положения, определяющие порядок производства и основания обыска и выемки.

В марте 1918 г. при рассмотрении должностных преступлений обязательный обыск производили местные чрезвычайные комиссии.

В 1922 году было упразднено ВЧК и территориальные ЧК и создавались органы Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (ОГПУ), которым передано право производства обысков. Обыск, осуществляемый сотрудника-

ми ОГПУ, производился на основании специального постановления и только при наличии особого ордера, который выдавался в соответствии с инструкцией, утвержденной Народным комиссариатом юстиции.

Более подробное закрепление производства обыска было зафиксировано в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. Постановлением II сессии ЦИК БССР IV созыва от 30 марта 1923 г. на всю территорию Белоруссии с 15 апреля 1923 г. распространялось действие УПК РСФСР, утвержденного Президиумом ВЦИК 15 февраля 1923 г.

Обыску в УПК РСФСР 1923 г. посвятили главу XIV. Постановление о производстве обыска принималось непосредственно следователем, который проводил данную деятельность единолично. Для получения документов, которые содержали государственную, дипломатическую или военную тайну, соответствующие учреждения по соглашению с прокурором в процессе обыска имели возможность устанавливать особые гарантии для неразглашения этих документов.

Согласно УПК РСФСР 1923 г. также требовалось «специальное постановление, туда же входил ордер на производство обыска и присутствие при производстве обыска понятых» [8, с. 230]. В данном УПК обыск интерпретировался как самостоятельное следственное действие. Вместе с тем предусматривались цели, основания и детальный порядок производства.

В период советского времени вопросы производства обыска нашли отражение в трудах И.Н. Якимова. Так, в одной из своих книг под названием «Практическое руководство к расследованию преступлений» им детально была изучена природа производства указанного следственного действия, а также выемки. Вместе с тем дано толкование норм законодательства, регламентирующих основания обыска и выемки. Немалое внимание уделялось и тактическим приемам. Автором подробно рассмотрены алгоритмы производства обыска в различных местах и в зависимости от искомых предметов. Также он один из первых в науке отечественного уголовного судопроизводства рассматривал юридическую природу и тактические приемы производства личного обыска различных категорий лиц [10, с. 77].

При НКВД СССР с 1934 г. стали функционировать Особые совещания, полномочия которых действовали вне процессуального порядка, и они не были связаны строгими рамками закона. В данный период обыски проводились без ордеров, постановлений и понятых [3, с. 112].

В 1958 году с принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик для производства обыска следователю предписывалось получать санкцию прокурора. В случаях, не терпящих отлагательства, уполномоченный мог про-

вести обыск без потребности санкции прокурора, но в дальнейших действиях он должен его уведомить в течение 24 часов о произведенном следственном действии (ч. 2 ст. 35 Основ).

Такая мера являлась существенной составляющей системы укрепления законности в деятельности правоохранительных органов по защите прав и свобод человека и гражданина. Ввиду того, что прокуратура имеет назначением надзор за соблюдением прав, наделение прокуроров такой компетенцией было весьма уместно.

Проведенный ретроспективный анализ законодательства в области уголовного судопроизводства и методик теории криминалистики позволяет сделать вывод о многоэтапном процессе становления обыска и выемки как следственных действий в системе, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством. Значительное совершенство на протяжении долгих лет достигалось и в тактике проведения следственных действий.

Итак, выделим этапы развития следственных действий, ставших предметом рассмотрения настоящей работы.

1. Появление предпосылок обыска как инструмента борьбы с противоправными посягательствами на интересы лиц. Официальной датой, с которой этот процесс берет отсчет, предлагаем считать 1497 год, поскольку именно тогда были приняты Судебник и Псковская судная грамота. В этих и некоторых других нормативных актах мы встретились с понятиями «обыск», «повальный обыск».

2. Дореформенный этап (с 1801 г. по 1860 г.), длившийся до Судебной реформы 1864 г. В этот период обыск впервые официально был закреплен как средство получения доказательств в уголовном процессе. Здесь же можно говорить и о разделении обыска и выемки.

3. После реформы 1864 г. производство обыска и выемки определялось Уставом уголовного судопроизводства. В данном акте большое внимание было уделено неприкосновенности жилища и собственности, уважению тайны личной жизни и коммерческой тайны и др.

4. В период с 1880 г. по 1917 г. обыск и выемка стали популярными среди научных исследований таких известных ученых, как И.Я. Фойницкий, В.Д. Спасович, Я.И. Баршев и др. Выделялись личный и иные разновидности обыска. В теории и практике вырабатывались методики и тактические приемы.

5. Советский этап, длившийся с 1917 г. по 1953 г. Этот период характеризуется первым законода-

тельным закреплением обыска как следственного действия (Уголовно-процессуальные кодексы 1922 и 1923 гг.).

6. В 1959 году приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Законодательное закрепление получили особенности производства обыска в жилище. Введено требование получения разрешения прокурора на производство обыска в жилище. Далее было принятие УПК РСФСР, на страницах которого нашли отражение вопросы производства обыска и выемки.

7. Современный этап берет начало с 1990 г. Характерен высокой приоритетностью прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных Конституцией РФ высшей ценностью, а также принятым на ее основе УПК РФ.

Подводя итоги рассмотрению исторических аспектов становления и развития института обыска и выемки, следует отметить, что истории уголовного судопроизводства известен длительный период формирования тех правовых и теоретических основ рассматриваемого следственного действия, которые известны нам сегодня. Впервые истории отечественного законодательства и криминалистики обыск и выемка как инструменты противодействия преступности стали известны в XV в., однако не были систематизированы и четко регламентированы. При проведении ретроспективного анализа следственных действий, ставших предметом исследования, можно заключить, что их производство связано с нормативными актами прошлых времен, которые были упомянуты выше. Говоря о предпосылках появления такого понятия, как «обыск», следует обратиться к древнему законодательству Западной Европы, где Законами XII таблиц «*quaerege*» определялось как разновидность действий, целью которых был поиск предметов, необходимых судебным органам для разрешения вопросов о виновности или невиновности лица в совершении деяния, наказываемого законом. Первое упоминание об обыске как следственном действии встречается в Псковской судной грамоте. Стоит отметить, что долгое время между обыском и выемкой отсутствовала грань. Эти действия, как правило, отождествлялись. По мнению многих ученых, выемка является составляющей частью обыска. Это инструмент, к которому правоохранители прибегают при необходимости изъятия обнаруженного. Однако на сегодняшний день выемка представляет хотя и тесно связанное с обыском по смыслу и основаниям, а также структурному расположению среди норм УПК РФ, но всё же самостоятельное следственное действие.

Литература

1. Бакиров А.А. Уголовно-процессуальные аспекты производства обыска и выемки: монография / под науч. ред. З.Д. Еникеева. М.: Юрлитинформ, 2012.

2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Нов. изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002.
3. Лейнова О.С. Тактико-психологическое содержание подготовки и производства обыска в помещениях: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
4. Макогон И.В., Трифонова К.А., Хоршева В.С. История развития законодательства, регламентирующего производство обыска и выемки в уголовном судопроизводств России // Лучшая научная статья: сборник статей XX международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и просвещение, 2018. С. 84-87.
5. Осипов А.В. Исторические аспекты производства обыска: от Русской Правды до Соборного уложения 1649 г. // Правовая система общества: преемственность и модернизация: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (г. Барнаул, 4-5 октября 2012 г.). Барнаул: Изд. АГУ, 2013. С. 212.
6. Пацкевич А.П. Ретроспективный и криминалистический анализ возникновения и развития института обыска // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2018. № 1 (43). С. 73-80.
7. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т.; т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922 (июнь). № 20-21. Ст. 230.
9. Хлус А.М. Значение Статутов Великого Княжества Литовского в становлении криминалистических знаний и разработке методов расследования и розыска // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зб. навук. прац, прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння праф. І.А. Юхо. Мінск: БГУ, 2012. С. 486-487.
10. Якимов И.Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М.: Изд. `ЗАГОТХОЗА` Милиции Республики, 1924.

УДК 343.14

А.В. Смолин

Нижегородская академия МВД России

E-mail: avsmolin1@gmail.com

ВЕРТИКАЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Доказывание представляет собой познавательную деятельность, состоящую из взаимосвязанных непоследовательных этапов: собирание, проверка и оценка доказательств. Его сердцевину представляет процесс «рождения» доказательств, который в настоящее время необходимо рассматривать как результат преобразования информации. С содержательной стороны создание доказательства не ограничивается только помещением информации в уголовно-процессуальную оболочку, а, наоборот, на первое место выходит познавательная деятельность субъектов доказывания, интерпретация доказательственной информации в соответствии с элементами предмета доказывания. При этом доказывание не ограничивается созданием готового доказательства. В процессе преобразования информация проходит ряд форм своего существования, которые выстраиваются в иерархичную вертикаль уголовно-процессуального доказывания. В связи с этим необходимо выделить пять уровней доказывания: уровень отображений, уровень следов, уровень доказательств, уровень подсистемы доказательств, уровень системы доказательств.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, уровни доказывания, доказательственная информация, формирование доказательств, собирание доказательств.

A. V. Smolin

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: avsmolin1@gmail.com

VERTICAL OF CRIMINAL-PROCEDURAL TRANSFORMATION OF INFORMATION

Evidence is a cognitive activity consisting of interconnected inconsistent stages: collection, verification, and evaluation of evidence. At its heart is the process of the «birth» of evidence, which must now be seen as the result of the transformation of information. On the substantive side, the creation of evidence is not limited to the placement of information in the criminal procedural shell, but on the contrary, the cognitive activity of the subjects of proving, interpretation of evidentiary information in accordance with the elements of the subject of proving comes to the fore. In this case, proving is not limited to the creation of ready-made evidence. In the process of transformation the information undergoes a number of forms of its existence, which are aligned in the hierarchical vertical of the criminal-procedural proving. In this regard, it is necessary to distinguish 5 levels of proof: the level of mappings; the level of traces; the level of evidence; the level of subsystem of evidence; the level of the system of evidence.

Key words: evidence, proof, levels of proof, evidentiary information, formation of evidence, collection of evidence.

Любая деятельность, в т.ч. и преступная, неминуемо приводит к изменениям окружающего мира. Эти изменения – отражение действий прошлого. Важнейшей задачей субъекта расследования является воссоздание преступного события и установление лица, причастного к его совершению по тем самым отображениям, которые образовались вследствие противоправных действий. В сущности, данный процесс является познанием. Невозможно установить обстоятельства предмета доказывания, не постигнув механизма совершения преступления. Таким образом, познание и доказывание – два взаимосвязанных процесса. «В действительности же, – отметил А.Ф. Лубин, – совершается единый и неразрывный процесс познания: восприятия, актуализации (понимания) и уголовно-процессуальной фиксации познанного» [15, с. 30]. Вся эта деятельность направлена на информацию, которая посредством применения к ней познавательных процедур, строго определенных уголовно-процессуальным законом, проходит трансформацию – от содержания отображения преступной деятельности до элемента системы доказательств. Это и является механизмом доказывания – восхождением информации по вертикали уголовно-процессуального доказывания.

Доказывание традиционно состоит из трех элементов: сбор, проверка и оценка доказательств (ст. 85 УПК РФ). Аналогичная его структура содержалась и в ранее действующем законе, она вытекала по смыслу из положений ст. 70 и 71 УПК РСФСР 1960 г. В связи с этим неудивительно, что данные этапы доказывания получили признание и в науке [19, с. 110].

«Рождение» доказательств традиционно относится к первому этапу доказывания, т.е. его сбору. Однако не совсем корректно говорить о том, что элементы доказывания последовательны. В практической деятельности они синтезированы в единый механизм. Так, следователь, допрашивая свидетеля об известных ему сведениях, не только вводит в уголовное дело новое доказательство, но одновременно проводит его проверку и оценку, соотнося с уже известными ему обстоятельствами расследуемого события.

Легальной дефиниции термина «сбор доказательств» УПК РФ не содержит, но раскрывает содержание данной процедуры (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). В науке же устоялась точка зрения, согласно которой под ним понимается «совокупность действий по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению различных доказательств» [7, с. 16-17]. А.Р. Белкин отметил комплексность данного понятия и включил в него также и получение доказательств [6, с. 140].

В сущности, если говорить о сборе доказательств, надо рассматривать данную процедуру

многогранно: от выявления отображений преступной деятельности до формирования системы доказательств, обосновывающей принятие решения по делу. Сюда входит: поиск следов преступления; извлечение из них доказательственной информации; ее анализ и восприятие субъектом доказывания; преобразование данной информации в доказательство; интерпретация для установления обстоятельств предмета доказывания; формирование частной доказательственной совокупности и общей системы доказательств. При этом явно прослеживается и тесное переплетение элементов доказывания, т.к. формирование совокупности доказательств невозможно без проверки и оценки последних, т.е. они происходят одновременно с сбором и четко их разграничить и утверждать, что они исключительно последовательны, нельзя.

Отсюда следует вывод: доказательство – это уголовно-процессуальная категория, совокупность признаков, посредством приобретения которых то или иное вербальное или невербальное отражение преступной деятельности может стать таковым. Так, в теории доказательств уже давно устоялось мнение, что доказательств самих по себе в окружающем мире не существует, в связи с чем употребляемый термин «сбор» к процедуре расширения системы доказательств не применим. «Словосочетание "сбор доказательств", – пишет Е.А. Доля, – не выражает и даже искажает существо деятельности, которую оно обозначает, этимологически предполагая наличие доказательств в готовом виде. ...доказательства не собираются, а формируются» [8, с. 125]. Данная точка зрения, а именно концепция формирования доказательств, была сформулирована С.А. Шейфером еще в 1972 г. и предполагала, что «объективно существуют лишь следы события, в которых содержится нужная информация» [26]. «Но эта информация еще не есть доказательство. И лишь в процессе познавательно-удостоверительной деятельности определенных субъектов доказывания, наделенных для этого соответствующими полномочиями, информации придается надлежащая процессуальная форма и возникают, т.е. формируются, доказательства» [25]. Впоследствии данная концепция получила широкое распространение и множество сторонников [17, 22, 23].

Однако в последнее время стало возникать большое количество вопросов об универсальности концепции формирования доказательств. Основных проблем здесь две. Первая заключается в невозможности ее адаптации в условиях состязательного процесса по причине главенствующей роли в формировании доказательств субъектов доказывания, производящих предварительное расследование. Вторая заключается в том, что последние проведенные исследования сторонниками концепции формирования доказательств

показали неприменимость данного подхода к ряду видов доказательств [21]. Так, С.Б. Россинский отметил, что «формирование доказательств – это создание (как бы рождение) новых познавательных ресурсов посредством процессуальной формы, то есть путем производства предусмотренных УПК РФ следственных, судебных либо иных процессуальных действий», а «ни вещественные доказательства, ни "иные" документы, ни заключения специалиста никакому следственно-судебному формированию не подлежат», а попадают в уголовное дело уже в готовом виде, так же как и результаты оперативно-розыскной и административной деятельности [20, с. 95]. Придерживаясь аналогичной позиции, В.А. Лазарева говорит о невозможности применения концепции формирования доказательств к информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, а также результатам контроля и записи телефонных или иных переговоров [14, с. 23].

То, что в некоторых случаях при доказывании по уголовному делу используются уже «готовые» доказательства, не вызывает сомнения. Результаты оперативно-розыскной деятельности, административной деятельности, иных отраслей права (гражданского, арбитражного, административного) попадают в уголовное дело в уже сформированном виде, при этом субъект их формирования не всегда является субъектом уголовно-процессуального доказывания. Однако это не значит, что они должны приниматься и беспрекословно помещаться в систему доказательств. Вне зависимости от источников поступления указанных материалов в уголовное дело они подлежат обязательной проверке субъектом текущего расследования – следователем, дознавателем, судом (как минимум соотносению с другими имеющимися в деле доказательствами, особенно в случае их получения в порядке ст. 90 УПК РФ). Так, в отношении таких материалов уместнее говорить о готовности их содержательной доказательственной информации, нежели о готовности процессуальной формы. Они представляют собой перечень закреплённой доказательственной информации, однако для того, чтобы она преобразовалась в доказательство, субъект доказывания должен ее познать и проинтерпретировать согласно обстоятельствам, подлежащим доказыванию. То есть в любом случае следует совершить с ними какое-либо познавательное действие, произвести тем самым формирование именно уголовно-процессуального доказательства. При этом заключение эксперта формирует эксперт, заключение специалиста формирует специалист, информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами формирует представитель компании сотовой связи. Но все эти материалы, попадая субъекту расследования, проходят процедуру переосмысления, обработки све-

дений, представляющих значение для доказывания, а также проверку и оценку.

В связи с этим в формировании доказательства необходимо выделять два аспекта: материальный и интеллектуальный. Первый состоит в формировании предметной оболочки (показания лиц находят свое отражение в протоколах их допроса; значимые признаки вещественных доказательств и документов – в протоколах их осмотра, при необходимости применения специальных знаний – в заключении эксперта или специалиста; обстоятельства, установленные в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, – в вынесенных решениях суда и т.д.). Второй аспект выражен в личном восприятии доказательства. Одно и то же доказательство может восприниматься по-разному для каждого участника уголовного судопроизводства, в т.ч. и для субъектов доказывания. Это вытекает из принципа свободы оценки доказательств, наделяющего обязанностью вновь вступающего в уголовное дело следователя, дознавателя, прокурора, судью производить оценку ранее собранных доказательств. В связи с этим необходимо отметить и роль внутреннего восприятия в формировании доказательств.

Однако сложно определить, в какой именно момент происходит окончательное формирование доказательства. Немного проще с материальным аспектом. Материальное формирование доказательства происходит, когда информация обретает соответствующую уголовно-процессуальную форму. Здесь все очевидно. Сложнее определиться с интеллектуальным аспектом. По мере собирания доказательств может изменяться и внутреннее отношение субъекта доказывания к каждому из них. Попадая в систему, некоторые из них по внутреннему ощущению лица могут становиться более достоверными, другие же – более сомнительными. К тому же в процессе уголовного судопроизводства сменяется и большое количество субъектов доказывания – следователь (дознаватель), прокурор, суд. Каждый из них самостоятельно проверяет и оценивает имеющуюся по уголовному делу систему доказательств, добавляет в нее новые элементы. В связи с этим, вероятно, момент формирования доказательства у каждого из них свой. Тогда говорить об окончательном формировании доказательства и определении конкретного момента наступления такового бессмысленно, поскольку в данном контексте формирование доказательств – категория субъективно-оценочная.

Таким образом, основной составляющей формирования доказательства является не столько облачение информации в уголовно-процессуальную форму, сколько ее познание и интерпретация субъектом доказывания. То есть формирование не содержательной

стороны доказательства (она может создаваться как им, так и другими лицами), а удостоверение в законности ее происхождения и использование таким образом, чтобы она способствовала установлению обстоятельств совершенного преступления. При этом помещение информации в оболочку является уже производным действием. В некоторых случаях извлечение информации возможно только посредством производства следственного или иного процессуального действия. Так, например, раскрытие содержания изъятых следов пальца руки возможно только в ходе производства его экспертного исследования, по результатам которого формируется заключение эксперта – самостоятельное доказательство. Но таковым оно становится только после познавательной деятельности субъекта принятия процессуальных решений – следователя, дознавателя, суда, только после того, как оно будет оценено, проверено и соотнесено с другими доказательствами. В связи с этим представляется логичным, что формирование доказательств выходит за рамки такого элемента доказывания, как собирание доказательств. Оно должно включать в себя обязательную оценку и проверку, и только после производства указанных действий можно говорить о его сформированности.

Но если субъекты доказывания с материальной точки зрения не всегда создают доказательство, то уместно ли говорить о формировании такового, особенно когда их участие ограничивается только проверкой, оценкой и интерпретацией? Можно ли считать такое создание доказательства формированием? Вероятней всего, нет. При интерпретации извлеченной из отображения преступной деятельности информации не происходит как таковое ее создание, поскольку она уже существует. Осуществляется лишь ее познание и помещение в оболочку. Теория информатики гласит, что важной составляющей работы с информацией является ее обработка, т.е. преобразование, которое изменяет или ее форму, или содержание. Применительно к уголовному судопроизводству происходит изменение лишь ее формы, перенос с источника на носитель – с формальной точки зрения, обладающей признаками доказательства. При этом содержание информации не меняется. Оно может лишь интерпретироваться. Тем самым происходит ее преобразование.

Таким образом, исходя из действующей в настоящий момент в законе информационной концепции доказательства и осуществления правосудия на основе принципов состязательности и равноправия сторон, необходимо рассматривать «рождение» доказательств как результат преобразования информации.

В свою очередь, очевидно, что созданием доказательства процесс использования и трансформации информации в доказывании по уголовному делу не

останавливается. Укоренилось мнение, что доказывание осуществляется двумя путями: получение сведений о совершенном деянии (информационная сторона доказывания) и логическое построение выводов (логическая сторона доказывания) [12, с. 98]. Ранее в науках уголовного процесса и криминалистики уже рассматривались возможность преобразования информации и ее переход с одного уровня на другой. Это привело к появлению понятия «уровни доказывания».

В 1974 году, рассматривая вопрос о структурности процесса доказывания, В.Я. Колдин отметил, что предмет доказывания не устанавливается непосредственно и сразу, а является результатом решения частных, промежуточных задач, в связи с чем он выделил в процессе доказывания два уровня – информационный и логический [11, с. 86-91]. Основу информационного доказывания представляет чувственное восприятие, эмпирическое познание, посредством которого субъект доказывания непосредственно контактирует с источниками доказательственной информации в целях установления обстоятельств уголовного дела. Логическое доказывание заключается в обосновании выводов о главном факте и оперировании достоверно установленными фактами.

Выдвинутые В.Я. Колдиным тезисы представляются незыблемыми. Сложно возразить тому, что доказывание представляет собой продолжительный процесс, состоящий в решении промежуточных задач: установление обстоятельств совершения преступления и лица, его совершившего, предъявление обвинения подозреваемому, избрание в отношении него меры пресечения и т.д. В результате их решения также происходит и накопление фактических данных о совершенном деянии. При этом, как и любое познание, доказывание осуществляется при помощи органов чувств человека, поскольку через них и происходит взаимодействие с внешним миром. Информационные сигналы, поступающие извне, с их помощью воспринимаются и декодируются, т.е. содержание информации раскрывается и осознается субъектом познания. Результатом данной деятельности является накопление сведений о совершенном преступлении. Но доказывание, в отличие от обыденного познания, этим не ограничивается. Важной его составляющей является необходимость принятия обоснованного уголовно-процессуального решения. Это возможно только при проведении анализа собранных в ходе расследования доказательств, когда посредством логического анализа вытекает единственно верный аргументированный вывод. Тем самым эмпирическая и логическая стороны являются сердцевинной процесса доказывания.

Остается вопрос, есть ли необходимость выделения иных уровней доказывания? Представляется, что

ответ должен быть положительным, поскольку механизм доказывания содержит большое количество промежуточных задач, решение которых по своему содержанию неоднородно. Также различны на этапах доказывания форма и состояние информации, представляющей основу доказательств.

Так, В.Я. Колдин впоследствии пересмотрел первоначально предложенную им структуру доказывания, выделив уже три уровня: собирание доказательств; установление доказательственных фактов; установление главного факта [10, с. 427-432]. По его мнению, первый уровень представляет собой поиск источника информации и ее извлечение, второй – установление обстоятельств расследуемого события, третий – построение логического вывода на основе достоверно установленных доказательственных фактов. Тем самым произошло размежевание информационного доказывания на два самостоятельных этапа.

Развивая идею о восхождении с информационного на логический уровень доказывания, А.Ф. Лубин предложил его четырехуровневую структуру:

- информационный уровень (уровень следообразования, где находятся источники, содержащие доказательственную информацию о совершенном преступлении);

- уровень доказательств (доказательственная информация обличается в уголовно-процессуальную форму);

- уровень доказательственного факта (происходит объединение средств доказывания по элементам предмета доказывания или эпизодам преступной деятельности);

- уровень главного факта (уровень предмета доказывания, образованный доказательствами-фактами) [16, с. 39-56].

Предложенная А.Ф. Лубиным структура механизма уголовно-процессуального доказывания, несомненно, обоснована, к тому же ее явным преимуществом является выделение основных связующих элементов, которые образуют систему доказательств: след, доказательство, элемент предмета доказывания, предмет доказывания.

Однако, несмотря на свою логичность, предложенные подходы к структуре доказывания не получили всеобщего одобрения, что привело к появлению и иных подходов к определению уровней доказывания. Ю.К. Орлов выделял в нем два аспекта: правовой и гносеологический, первый, в свою очередь, подразделялся на доказывание-познание, доказывание-удостоверение, доказывание-обоснование, а второй состоял из информационного и логического доказывания [18, с. 13]. В.С. Балакшин выделил три уровня доказывания: информационно-накопительный (обнаружение, закрепление, оценка и анализ информации об обстоятельствах совершенного преступ-

ления), фактосинтезирующий (обобщение и анализ фактических данных) и логико-аналитический (проверка и оценка собранных доказательств) [3, с. 22-25]. А.Ю. Афанасьев, в целом основываясь на предложенной А.Ф. Лубиным структуре доказывания, немного иначе сформулировал ее уровни: уровень установления источников информации; информационно-аналитический уровень; уровень доказательств; уровень установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; уровень установления предмета доказывания [1, с. 79]. А.С. Барабаш в своей работе говорит об этапах познания-доказывания, выделяя: нижний уровень – следы, цель работы с которыми заключается во введении в дело доказательств; второй этап – установление фактических данных; третий – установление обстоятельства, подлежащего доказыванию; последний – получение совокупности знаний о прошлом [4, с. 35]. Д.В. Бахтеев уровни доказывания рассматривал не по вертикали, а по горизонтали, как «представления о совокупности доказательств, достаточных для вынесения процессуального акта, продвигающего расследование преступления на следующий этап или оканчивающего его» [5, с. 95]. А.А. Кухта и вовсе в проведенном им исследовании вместо уровней доказывания предложил выделять различные состояния, «фракции» факта: факт-2 – любые сведения, которые используются сторонами, в т.ч. в единстве с источником и факт-3 – отобранные сведения, которые судья кладет в основание своего решения [13, с. 13].

Рассмотренные подходы к определению механизма доказывания наталкивают на вывод о том, что в настоящий момент нет единого подхода к структуре механизма доказывания, поскольку нет и единого понимания его содержания, взаимоотношений элементов и направления их трансформации по мере развития познания обстоятельств расследуемого (рассматриваемого) уголовного дела и принятия по нему решений (по вертикали или по горизонтали). Решением данной проблемы может стать пересмотр вертикали доказывания, исходя из разнообразия форм преобразования информации в процессе доказывания по уголовному делу, и изложение ее в следующем виде:

1. Уровень отображений. Информация о преступлении возникает в момент, когда действия, связанные с его механизмом, приводят к взаимодействию объектов окружающего мира (людей и (или) предметов), в результате чего происходит видоизменение одних, содержащее свойства других. В процессе доказывания данные изменения и есть то, с чем в первую очередь сталкивается субъект расследования. Но данные отображения – это еще не след преступления. «Часть объективно возникшей информации, – отметил О.Я. Баев, – осознается следователем как след преступления лишь тогда, когда он воспринимает

ее именно в этом качестве, а наука криминалистика имеет методики обнаружения, фиксации, извлечения и использования возникшей информации (части отложения) в уголовно-процессуальном доказывании» [2, с. 10]. В связи с этим первоначально возникшие изменения-отображения преступления – лишь признаки совершенного противоправного деяния. Не каждый из них будет обнаружен, изъят, познан. Незъятые отображения преступления продолжают существовать объективно и нести в себе информацию о преступлении, но в силу субъективных (попустительство или недостаточная профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов) или объективных (отсутствие технической возможности или криминалистической методики) факторов не становятся следом. Информационная составляющая отображений позволяет лишь сделать предварительный вывод о наличии или отсутствии самого события, наличии в нем признаков противоправности. Задача субъектов доказывания на данном уровне – выявить изменения, которые произошли в результате совершенного деяния. Информация отыскивается, но сама по себе не познается.

2. Уровень следов. После обнаружения отображений преступления начинается познавательный процесс, направленный на раскрытие содержательной части запечатленной в них информации, ее восприятие и интерпретация для воссоздания механизма совершенного деяния. Работа происходит с носителями доказательственной информации, с теми отображениями, которые потенциально её содержат и из которых имеется возможность эту информацию изъять и осмыслить. Другими словами, отображение становится следом преступления, когда к нему применяется познавательная деятельность субъекта доказывания. Информация приобретает осмысленный вид в сознании субъекта доказывания.

3. Уровень доказательств. На данном уровне происходит «рождение» доказательств. Информация посредством применения к ней средств доказывания обретает уголовно-процессуальную форму. При этом данный процесс сопровождается и продолжением познавательной деятельности, поскольку уголовно-процессуальный закон закрепляет строгий перечень условий к информации, которая может использоваться в доказывании по уголовному делу. Становление доказательства – это не только придание информации законной формы, закрепленной в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, и ее интерпретация, это еще и удостоверение в том, что оно соответствует требованиям, предусмотренным ст. 88 УПК РФ. Средствами доказывания традиционно служат следственные и иные процессуальные действия. Однако не вызывает сомнения, что это далеко не единственный способ преобразования информации в доказательства. В.Ю. Стельмах, проведя

анализ средств доказывания, расширил их перечень и предложил относить к уже перечисленным: проверочные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела; оперативно-розыскные мероприятия; предусмотренные законом действия защитника и иных невластных участников уголовного процесса; действия, произведенные в рамках других видов деятельности [24, с. 90-95]. Представляется, что указанная совокупность средств доказывания является исчерпывающей.

4. Уровень подсистемы доказательств. Характерной чертой данного доказательственного уровня является то, что преобразованная в доказательство информация, объединяясь между собой, начинает приобретать структурированный порядок. Каждое доказательство, собранное по уголовному делу, в конечном счете должно способствовать достижению общей цели – в своей совокупности обосновывать принятие итогового решения. Однако процесс расследования, помимо итоговых решений, состоит и в принятии промежуточных. К примеру, как отметил В.Я. Колдин, «в стадии предварительного расследования таковы решения о возбуждении уголовного дела, предъявлении обвинения, избирании меры пресечения, соединении, выделении и прекращении уголовного дела» [9, с. 436]. Каждое из этих решений требует формирования собственной подсистемы, состоящей из доказательств, их аргументирующих. При этом, поскольку они выводят расследование на новый этап, приближают принятие итогового решения, данную процедуру можно рассматривать не только по горизонтали, но и по вертикали.

Кроме принятия промежуточных решений, собранные доказательства выстраиваются между собой и в подсистемы, соответствующие элементам предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ). Так, вновь появившееся доказательство должно соотноситься с конкретным обстоятельством, подлежащим выяснению, – событие преступления, виновность лица, характер и размер вреда и т.д. Для того чтобы перейти на следующий уровень доказывания, субъект расследования должен в отдельности проанализировать имеющуюся у него совокупность доказательств по каждому из элементов предмета доказывания и определить, достаточно ли полно он раскрыт.

5. Уровень системы доказательств. Квинтэссенцией преобразования информации является система доказательств, которая должна обосновать принятие единственно логичного и аргументированного вывода по результатам проведенного расследования и рассмотрения уголовного дела. На данном уровне происходит проверка достаточности собранных доказательственных подсистем, соответствующих элементам предмета доказывания. Собранная система доказательств должна отвечать требованиям:

- полноты, т.е. все собранные по уголовному делу доказательства должны устанавливать достаточный перечень обстоятельств предмета доказывания, указанный в ст. 73 УПК РФ, позволяющий сформировать состояние убежденности субъекта принятия решения;

- апробированности элементов, т.е. входящие в ее состав доказательства должны быть проверены субъектами доказывания на относимость, допустимость и достоверность и иметь возможность проверки стороной защиты;

- надежности, т.е. каждый из элементов перечня предмета доказывания должен подтверждаться совокупностью доказательств, собрание и уголовно-процессуальная форма которых соответствуют требованиям закона;

- гармоничности, т.е. анализ приведенной совокупности доказательств должен позволять сформулировать единственно логичный и однозначный вывод.

Таким образом, подводя итоги исследования, необходимо отметить, что «рождение» доказательств следует рассматривать как результат преобразования информации. Оно не происходит исключительно на этапе собирания, а включает его проверку и оценку. С содержательной стороны создание доказательства не ограничивается только помещением информации в уголовно-процессуальную оболочку, а наоборот, на первое место выходит познавательная деятельность субъектов доказывания, интерпретация доказательственной информации в соответствии с элементами предмета доказывания. Созданием доказательства процесс преобразования информации не останавливается. Доказывание представляет вертикаль, по которой информация восходит и состоит из пяти уровней:

- 1) уровень отображений;
- 2) уровень следов;
- 3) уровень доказательств;
- 4) уровень подсистемы доказательств;
- 5) уровень системы доказательств.

Литература

1. Афанасьев А.Ю. Восхождение к механизму уголовно-процессуального доказывания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 72-81.
2. Баев О.Я. Защита доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2016. 216 с.
3. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 62 с.
4. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006. 49 с.
5. Бахтеев Д.В. Уровни (стандарты) доказывания как этапы перехода от вероятности к достоверности информации // Российский юридический журнал. 2014. № 3 (96). С. 94-98.
6. Белкин А.Р. Теория доказывания: научно-методическое пособие. М.: Норма, 1999. 418 с.
7. Винберг А.И. Криминалистика: учебное пособие. М.: Высшая школа МВД РСФСР, 1962. 96 с.
8. Доля Е.А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии: мат-лы круглого стола. М., 2004. С. 125-130.
9. Колдин В.Я. Обоснование правового решения. Фактологический анализ: учебно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 512 с.
10. Колдин В.Я. Судебная идентификация: учебное пособие. М.: ЛексЭст, 2003. 528 с.
11. Колдин В.Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право. 1974. № 11. С. 86-91.
12. Курзинер Е.Э. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. 231 с.
13. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 660 с.
14. Лазарева В.А. Концепция формирования доказательств в свете принципа состязательности и перспективы ее развития // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2019. № 1 (36). С. 22-27.
15. Лубин А.Ф. О цели доказывания в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): сборник статей. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 27-32.
16. Лубин А.Ф., Круглов И.В. Источники доказательств и уровни доказывания // Современные проблемы уголовного процесса России: сборник научных статей. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1999. С. 39-56.
17. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев: Вища шк., 1984. 133 с.
18. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2001. 144 с.
19. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.

20. Россинский С.Б. Собираение доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 91-103.
21. Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. 240 с.
22. Садовский А.И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 31 с.
23. Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 236-242.
24. Стельмах В.Ю. Понятие и система средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 6 (194). С. 90-95.
25. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. 240 с.
26. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе: учебное пособие / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: РИО ВЮЗИ, 1972. 130 с.

УДК 343.98:343.14

Е.А. Старцева, канд. юрид. наук

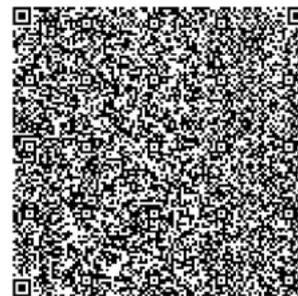
Нижегородская академия МВД России

E-mail: Starceva-EA@yandex.ru

ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ АРБИТРАЖНЫМИ УПРАВЛЯЮЩИМИ В ХОДЕ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье раскрыт логический аспект, означающий разумное абстрагирование: деятельность по выявлению и расследованию преступлений описывается вне зависимости от особенностей частных методик и конкретных форм деятельности – оперативно-розыскной, следственной и т.д. Представлена семиэтапная универсальная логическая структура расследования преступлений: выявление криминальной ситуации (поиск, обнаружение следов-признаков преступления); формирование исходной информации (проведение проверочных действий); криминалистический анализ исходной информации (анализ и оценка собранных сведений); построение версий (суммирование информации и распределение предположений по степени типичности и связности между собой); разработка версий (выведение следствий, вытекающих из версий, формулирование обстоятельств, подлежащих установлению); планирование проверки версий (составление плана; выбор адекватных процедур и времени исполнения); реализация плана проверки версий. Каждая задача вполне конкретна, не решив одну, невозможно приступить к следующей. Рассмотрена аналитическая деятельность субъектов расследования, направленная на выдвижение, разработку версий, а также планирование их проверки. Сделан акцент на формирование системы доказательств по уголовным делам о преступлениях, совершенных арбитражными управляющими в ходе конкурсного производства. Определен примерный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по исследуемым преступлениям.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, логическая структура расследования преступлений, версии, доказательства, арбитражный управляющий.

E.A. Startseva, Candidate of Juridical Sciences

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: Starceva-EA@yandex.ru

LOGICAL ASPECT OF FORENSIC SUPPORT OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES ON CRIMES COMMITTED BY ARBITRATION MANAGERS IN THE COURSE OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS

The article reveals a logical aspect, meaning a reasonable abstraction: the activity of detecting and investigating crimes is described regardless of the peculiarities of private methods and specific forms of activity – operational-search, investigative, etc. search, detection of traces, signs of a crime); formation of initial information (carrying out verification actions); forensic analysis of the initial information (analysis and evaluation of the collected information); version building (summarizing information and distributing assumptions according to the degree of typicality and coherence among themselves); development of versions (derivation of consequences arising from versions, formulation of circumstances to be established); planning version checking (drawing up a plan: determining the sequence of establishing the circumstances to be established; choosing adequate procedures for the executor and the time of execution); implementation of the version check plan. Each task is quite specific, without solving one, it is impossible to proceed to the next. The analytical activity of the subjects of the investigation, aimed at nominating, developing versions, as well as planning their verification is considered. The emphasis is made on the formation of a system of evidence in criminal cases about crimes committed by bankruptcy administrators in the course of bankruptcy proceedings. An approximate list of circumstances to be proven for the investigated crimes has been determined.

Key words: forensic support, logical structure of crime investigation, versions, evidence, arbitration manager.

Логический подход к рассмотрению деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений дает возможность перейти к анализу процесса раскрытия и расследования преступлений вне зависимости от характерных особенностей частных методик расследования, а также вне зависимости от форм деятельности.

Структурировать процесс расследования преступлений на протяжении многих лет пытались исследователи как в области уголовного процесса, так и в области криминалистики [2, 5, 7, 8, 13]. Но до настоящего времени так и нет единого взгляда на структуру расследования преступлений.

Так, по мнению Я.И. Баршева, методика расследования должна состоять из двух частей: в первой части должны быть «общие версии», во второй – «средства их проверки» [1].

С точки зрения Г.Г. Зуйкова, данная структура складывается из четырех частей: определение обстоятельств, подлежащих установлению; возбуждение уголовного дела, первоначальные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия; тактика последующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; определение мер по устранению причин и условий, способствующих совершению данного вида преступления [4].

Основываясь на проведенные нами исследования, считаем, что семиэтапная логическая структура расследования преступлений, состоящая из решения промежуточных задач¹, универсальна и применима к любому виду преступлений, в частности и к преступлениям, совершенным арбитражным управляющим в ходе конкурсного производства [6, 11].

Логическая структура расследования имеет универсальную логику. Так, мыслительный процесс субъектов деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений движется от совокупной информации о конкретном событии к ее детализации посредством ретроспективного прогнозирования следовой картины, что позволяет понять, где и какие следы могут быть. Такая интеллектуальная деятельность содержит в себе возможность исследования действий по замыслению, подготовке, реализации и сокрытию преступлений субъектом преступной деятельности. К тому же есть вероятность собрать сведения, возможно связанные с преступной деятельностью и отражающие, например: необоснованные кадровые перемещения; замещение вакантных должностей лицами, ранее проявившими какие-либо корыстные намерения; неделовые связи материально-ответственных и должностных лиц, их образ жизни, привычки, хобби и т.д.

¹ К семи этапам (ступеням) логической структуры расследования мы относим: 1) выявление криминальной ситуации; 2) формирование исходной информации; 3) криминалистический анализ; 4) построение версий; 5) разработку версий; 6) планирование проверки версий; 7) реализацию плана.

Формирование исходной информации – это формирование информации о факте. Интеллектуальная обработка исходной информации должна иметь четкую криминалистическую структуру, базирующуюся на условно-вероятном силлогизме «если ..., то, вероятно...». Это означает следующее: если исходная информация о преступлении достоверна, то, вероятно, субъектом преступной деятельности может быть определенное лицо. Если это так, то, вероятно, оно действовало конкретным способом. Если это лицо совершило преступление конкретным способом, то, вероятно, это отобразилось в виде конкретных следов.

Несомненно, что достоверность ожидаемых следствий напрямую зависит от содержания исходной информации о преступлении и от «качества» мыследеятельности субъекта деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Как исходная информация, так и выводы-следствия подлежат обязательной проверке.

Отсюда следует, что в рассматриваемой нами логической структуре расследования анализируемых преступлений версии, а именно их построение, разработка и планирование их проверки, играют ключевую роль. Так, если отсутствуют признаки преступления, то нечего анализировать, соответственно, и нет данных для построения версий (о субъекте ПД, о способе его действий, ситуации, следах и т.д.). Если эта версия-посылка верна, то нельзя начать их разработку. Отсюда вытекает, что без формулирования обстоятельств, которые необходимо выяснить и доказать, нельзя составить план проверки версий. А при его отсутствии нельзя его и реализовывать.

Таким образом, версии представляют собой своеобразный двигатель в процессе раскрытия, расследования и доказывания.

Разработка версий и определение обстоятельств, подлежащих доказыванию по фактам совершения конкурсными управляющими мошеннических действий, строятся с учетом общего предмета доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), который конкретизируется с учетом деталей расследуемого события. Анализируя частные методики расследования, значительное число исследователей не пытаются развернуто рассмотреть предмет доказывания [10, с. 59-70]. Оригинальные предложения и мысли о механизме и уровнях доказывания [12, с. 55-56] остаются нераскрытыми в процессе рассмотрения методик расследования отдельных видов преступлений. С целью устранения указанного недостатка в своих научных разработках мы постарались изложить конкретизированный предмет доказывания по исследуемому механизму преступной деятельности.

В процессе формирования системы доказательств по уголовному делу о мошеннических действиях арбитражного управляющего в ходе конкурсного производства необходимо доказать несколько групп обстоятельств, а именно:

1. Обвиняемый является физически вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности:

1.1. Имеет соответствующие анкетные данные, указанные в паспорте гражданина РФ, аналогичная информация имеется в адресном бюро, а также в архивных данных загса.

1.2. Не состоит на учете в психиатрических клиниках с психическим заболеванием.

1.3. В период осуществления процедуры банкротства мог отдавать отчет своим действиям [3, с. 45-74].

2. Обвиняемый является арбитражным управляющим:

2.1. Имеет высшее образование.

2.2. Трудовой стаж деятельности на руководящих должностях не менее года.

2.3. Стажировка в качестве помощника арбитражного управляющего в деле о банкротстве не менее чем два года, если иное не предусмотрено правилами и стандартами саморегулируемой организации.

2.4. Сдал теоретический экзамен по программе подготовки арбитражных управляющих.

2.5. Ранее не судим.

2.6. Не дисквалифицирован за административные правонарушения.

2.7. Не лишен судом права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

2.8. В течение трех лет не исключался из саморегулируемой организации [9].

2.9. Является членом какой-либо из саморегулируемых организаций (далее – СРО) арбитражных управляющих, сведения о которой на момент его назначения и осуществления конкурсного производства включены в единый государственный реестр, в котором содержатся сведения обо всех СРО арбитражных управляющих.

3. Обвиняемый назначен решением суда для осуществления полномочий арбитражного управляющего в рассматриваемой организации:

3.1. Существует решение о назначении обвиняемого для проведения процедуры банкротства (наблюдения, внешнего управления, финансового оздоровления, конкурсного производства) несостоятельной организации, вынесенное судьей, уполномоченным рассматривать вопрос о назначении арбитражного управляющего.

3.2. Отсутствует судебное решение об отстранении арбитражного управляющего от осуществления конкурсного производства в отношении данной организации.

4. Обвиняемый приступил к осуществлению обязанностей внешнего, административного, временно-конкурсного управляющего:

4.1. Обвиняемый получил доступ к документам финансово-хозяйственной деятельности организации.

4.2. Обвиняемому переданы все документы, а также печать организации, в которую он назначен арбитражным управляющим.

4.3. Обвиняемый принял решение о снижении затрат и расходов организации путем отчуждения ликвидного имущества.

4.4. Обвиняемый обратился в суд с исками о признании некоторых сделок или договоров неправомерными.

5. Обвиняемый организовал фальсификацию документов финансово-хозяйственной деятельности организации, включив в них сведения о фиктивных сделках для создания кредиторской задолженности перед аффилированными ему лицами:

5.1. Обвиняемый вступил в сговор с руководителем организации, в отношении которой проводится процедура банкротства.

5.2. Обвиняемый ввел в штат организации (в т.ч. на руководящие должности) подконтрольных ему лиц.

5.3. Обвиняемый через подконтрольных ему лиц организовал изготовление документов на поставку товарно-материальных ценностей, оказание услуг сторонними организациями.

5.4. Указанные выше сторонние организации аффилированы к арбитражному управляющему через его родственников, близких лиц.

5.5. Обвиняемый организовал видимость поставки, оказания услуг путем формирования остатков товарно-материальных ценностей на складах организации.

5.6. Обвиняемый подобрал лжесвидетелей из числа сотрудников организации для подтверждения ими поставки, оказания услуг.

5.7. Включил указанные организации в реестр кредиторов.

6¹. Обвиняемый по своей инициативе вступил в сговор с руководством организации-кредитора, обратившись в суд с иском о банкротстве, умышленно организовав свое вхождение на предприятие для исполнения обязанностей арбитражного управляющего:

6¹.1. Обвиняемый был знаком (поддерживал отношения) с руководством организации-кредитора.

6¹.2. Кредитор в исковом заявлении в суд указал обвиняемого в качестве арбитражного управляющего.

6¹.3. Руководство организации-кредитора находится в подчиненном положении по отношению к обвиняемому.

6². Обвиняемый исполняет отведенную ему роль арбитражного управляющего в разработанной руководством схеме хищения денежных средств собственной организации:

6².1. Обвиняемый был знаком (поддерживал отношения) с руководством организаций-контрагентов как кредиторов, так и дебиторов.

6².2. Кредиторы в исковом заявлении в суд указали обвиняемого в качестве арбитражного управляющего.

6².3. Обвиняемый умышленно выбран организациями-кредиторами (действующими заодно с дебиторами, хищение денежных средств которых запланировано) для исполнения обязанности арбитражного управляющего при запланированном управляемом банкротстве.

7¹. Обвиняемый организовал перечисление денежных средств на счета организаций-кредиторов, задействованных в схеме хищения.

7². Обвиняемый организовал взыскание денежных средств со счетов контрагентов через решения арбитражного суда, в т.ч. путем расторжения заранее запланированных для этой цели сделок:

7².1. Дал поручение юрисконсульту организации подготовить заявления в суд.

7².2. Привлек к участию сам (или поручил это сделать иному лицу) специалиста-юриста для рассмотрения дел в арбитражном суде.

7².3. Собственноручно поставил свою подпись в заявлении в арбитражный суд о признании сделки с кредитором недействительной.

7².4. Собственноручно поставил свою подпись в доверенности на представительство своих инте-

ресов в различных инстанциях по данному вопросу.

7².5. Распорядился о подготовке нужных документов работникам организации (например, секретарю, работникам бухгалтерии, юристу и т.д.).

7².6. Выдал доверенность юристу или другим лицам представлять в арбитражном суде по иску о признании сделки недействительной интересы организации, в отношении которой введена одна из процедур, предусмотренных законом РФ «О несостоятельности (банкротстве)» [9].

8. В результате действий арбитражного управляющего организации, в отношении которой введена процедура банкротства (организации-контрагента), причинен прямой материальный ущерб на конкретную сумму.

Отметим, что вышеуказанный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, не является исчерпывающим и требует дальнейшей проработки, т.к. в нем не рассмотрена роль арбитражного управляющего в качестве организатора либо одного из исполнителей применительно к различным схемам преступлений.

Нужно заметить, что версионный анализ информации господствует на всех этапах расследования анализируемых преступлений. Именно процедура версионного анализа доминирует в интеллектуальных действиях субъектов деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию и доказыванию.

Литература

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебник. М., 2001.
3. Журавлев С.Ю., Бондарь Е.А., Муратов Д.А. Расследование преступных банкротств: практическое пособие для следователей. Н. Новгород: НА МВД России, 2004. 114 с.
4. Зуйков Г.Г. Понятие, сущность и общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика: учебник: в 2 т. М., 1970. Т. 2.
5. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М., 1985.
6. Криминалистическое обеспечение доказывания по уголовным делам о преступлениях в сфере строительства: учебное пособие / А.Ф. Лубин, Е.А. Старцева, А.Ю. Афанасьев, С.А. Лубин. М.: Юрлитинформ, 2020. 144 с.
7. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973.
8. Мирский Д.Я. О структуре работ по методике расследования отдельных видов преступлений // Материалы конференции по итогам НИР за 1968 год. Свердловск, 1969. С. 194-198.
9. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2020; с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Сологуб Н.М., Евдокимов С.Г., Данилова Н.А. Хищения в сфере экономической деятельности: механизм преступления, его выявление, организация расследования: научно-методическое пособие. М.: ПРИОР, 2002. 256 с.
11. Старцева Е.А., Лубин А.Ф. Взаимодействие следователей, специалистов, экспертов при расследовании преступлений в сфере строительства: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. 240 с.
12. Стуликов А.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты представления доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 209 с.
13. Яблоков Н.П. Объект и предмет криминалистического изучения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1997. № 1. С. 48.

УДК 343.102: 340.154

Ю.П. Шкаплеров, канд. юрид. наук, доцент

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

E-mail: shkaplerov@tut.by

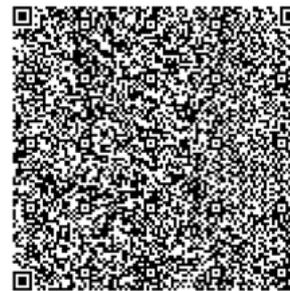
РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ И ДОЗНАНИИ В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В представленной статье рассматриваются положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г., регламентирующие проведение допроса на досудебных стадиях уголовного процесса. Анализируются также мнения дореволюционных ученых-процессуалистов, акцентирующих внимание на отдельных нормативных и практических проблемах производства данного следственного действия. Отмечается, что ряд положений Устава уголовного судопроизводства, устанавливающих процедуру допроса, сегодня входит в УПК Российской Федерации.

Ключевые слова: история права, уголовный процесс, следственные действия, допрос, Устав уголовного судопроизводства Российской империи.

Yu.P. Shkaplerov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic
of Belarus

E-mail: shkaplerov@tut.by

LEGAL REGULATION OF INTERROGATION AT THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCEDURE IN THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN EMPIRE

The provisions of Criminal proceedings Charter of 1864, regulating the conduct of interrogation at the pre-trial stages of the criminal procedure, are considered in this article. The opinions of pre-revolutionary scientists-proceduralists, focusing attention on some normative and practical problems of the production of this investigative action, are also analyzed. The article notes that a number of provisions of Criminal Proceedings Charter, establishing the interrogation process, have been adopted at present by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: legal history, criminal procedure, investigative actions, interrogation, Criminal proceedings Charter of Russian Empire.

Допрос является одним из наиболее распространенных следственных действий. Сегодня фактически нет ни одного уголовного дела, по которому бы не допрашивались свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые. История развития допроса берет свое начало из положений Русской Правды, где довольно подробно регламентировались вопросы дачи и оценки показаний. В то же время научный интерес представляет рассмотрение порядка регламентации допроса в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС, Устав) [3, с. 120-251], т.к. этот нормативный акт вполне заслуженно признается выдающимся историческим памятником права Российского государства, во многом обусловившим логику построения правовых норм последующих уголовно-процессуальных законов.

УУС, как и его предшественник – Свод законов Российской империи 1832 г. (далее – Свод законов), включал допрос в перечень следственных действий. Правда, в анализируемом нормативном акте назывались только два его вида – допрос обвиняемого и допрос свидетеля.

Глава 7 УУС «О вызове и допросе свидетелей» располагалась после глав 5 и 6, регламентировавших привлечение лица в качестве обвиняемого и применение к нему мер пресечения, как это было сделано в свое время в Своде законов, в котором такой подход к размещению норм, регулировавших соответствующие уголовно-процессуальные институты, объяснялся разделением следствия на предварительное и формальное. Допрос свидетеля, в свою очередь, являлся тогда частью формального следствия.

По мнению В.К. Случевского, свидетелями по делу могли быть лица, «которые [были] в состоянии дать органам судебной власти полезные указания к обнаружению материальной истины в отношении совершившегося преступления посредством изложения... всего виденного или слышанного по делу» [4, с. 341].

Составители УУС отказались от теории формальных доказательств, согласно которой показания определенных категорий лиц не могли соответствовать условиям достоверности. В связи с этим в Уставе перечень лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей, был существенно сужен. Так, в соответствии со ст. 704 УУС не подлежали допросу в качестве свидетелей защитники подсудимых – относительно показаний их доверителей, данных во время производства по делу, священники – об обстоятельствах, ставших известными им на исповеди, а также безумные и сумасшедшие [4, с. 342].

Свидетели могли допрашиваться как в кабинете судебного следователя, так и в иных местах, «когда по болезни или другим причинам, препятствующим явиться к следствию, представится необходимым

(ст. 397 УУС) допросить их на месте их жительства» или в другом удобном месте (ст. 433 УУС). Согласно ст. 434 УУС при необходимости допроса «многих свидетелей, находящихся в одном околотке», следователь был обязан провести рассматриваемое следственное действие по месту нахождения свидетелей. Аналогичное правило распространялось на допрос воспитанников закрытых учебных заведений. Кроме этого, вне «места производства следствия» допрашивались: 1) лица, живущие вне участка, где проводилось следствие (ст. 292 УУС); 2) лица, которые не имели возможности отлучиться с места жительства по уважительным причинам (ст. 397 УУС); 3) военнослужащие, которым командование не разрешило «явку к следствию» (ст. 436, 439 УУС); 4) председатель совета министров, министры, губернаторы и другие высокопоставленные чиновники (примечание к ст. 65 УУС) [2, с. 504].

Привлекает внимание определенное сходство содержания ст. 434 УУС с положениями ст. 225 Книги 2 тома XV Свода законов о допросе большого количества лиц из одного селения (околотка). Характерно, что как во времена Свода законов, так и во времена УУС на практике под «многим числом» понимали числа более девяти, а под одним околотком имели в виду «одно селение, или хотя и разные селения, но в одной волости, где находятся многие лица, подлежащие допросу». При этом следователям не рекомендовалось вызывать свидетелей на расстояние свыше пятнадцати верст [2, с. 506].

Согласно ст. 435 УУС свидетели вызывались к судебному следователю в том же порядке, что и обвиняемые: устно либо повесткой (ст. 377 УУС), по возможности в удобное для них время (ст. 437 УУС). Повестка подписывалась следователем и должна была включать: 1) анкетные данные вызываемого лица; 2) время и место его явки с учетом расстояния и местных средств сообщения; 3) указание на дело, по которому осуществляется расследование; 4) последствия неявки (ст. 379, 381 УУС). Если повестка не содержала все перечисленные элементы, полицейские чиновники, которым она передавалась для вручения вызываемому лицу, возвращали ее судебному следователю (ст. 380 УУС). Повестки посылались в двух экземплярах, один из которых вручался вызываемому участнику уголовного процесса, а на втором с указанием времени ставилась его роспись о получении повестки (ст. 378, 382 УУС). При отказе лица, которому вручалась повестка, расписаться в ней уполномоченное должностное лицо приглашало для подтверждения этого факта «двух свидетелей» и делало соответствующие пометки в повестках (ст. 382 УУС). Также в присутствии двух посторонних лиц содержание повестки доводилось до сведения неграмотных граждан (ст. 383 УУС). При отсутствии вызываемо-

го участника уголовного процесса по месту жительства повестка вручалась под расписку или одному из членов его семьи, «преимущественно старшему, или хозяину дома, или дворнику, или же местному полицейскому служителю или сельскому начальнику» (ст. 384 УУС). Согласно ст. 385 УУС при отсутствии возможности вручения повестки один ее экземпляр в городе прибывался к дому полицейского управления, а в деревне – к дому сельского старосты или десятского. Вместе с тем на практике это нормативное требование не исполнялось [2, с. 407].

Свидетели-военнослужащие из числа рядовых и унтер-офицеров («нижних воинских чинов») вызывались с разрешения их командования, а офицеры – повестками (ст. 436 УУС). При этом неполучение такого разрешения расценивалось законом в качестве уважительной причины неявки к следователю (ст. 439 УУС).

В случае неявки свидетеля без уважительных причин, указанных в ст. 388 УУС, судебный следователь налагал на него денежное взыскание в размере до пятидесяти рублей и посылал повестку повторно. При повторной неявке свидетель подвергался приводу (ст. 438 УУС). Если же свидетель, на которого был наложен штраф, мог в двухнедельный срок со дня сообщения ему о привлечении к ответственности подтвердить наличие у него уважительной причины неявки, судебный следователь освобождал «его от взыскания» (ст. 440 УУС).

Прибывший к следователю свидетель или обвиняемый подлежал немедленному допросу. При отсутствии возможности допросить свидетеля в течение двенадцати часов с момента явки судебный следователь указывал в протоколе допроса причины случившегося, после чего по требованию свидетеля выдавал ему копию названного процессуального документа (ст. 441 УУС). Аналогичное правило распространялось и на допрос обвиняемого (ст. 339 УУС). Однако, как отмечал П.В. Макалинский, вручать свидетелю копию всего протокола было нецелесообразно, т.к. в будущем это могло навредить расследованию, поэтому данный автор предлагал выдавать свидетелю только копию соответствующей отметки, сделанной в протоколе [2, с. 517].

УУС сохранил древний институт присяги на допросе, в определенной мере оптимизировав его. В частности, по общему правилу свидетели на предварительном следствии допрашивались без присяги, т.к. предполагалось, что они присягнут, давая показания в суде (ст. 443 УУС). Вместе с тем судебный следователь в виде исключения приводил данного участника уголовного процесса к присяге, когда: 1) тот должен был отправиться «в дальний путь и возвращение его может замедлиться»; 2) его жизнь в связи с тяжелым заболеванием находилась под

угрозой; 3) он проживал в отдаленной местности, «что ему без особенного затруднения явиться в суд [было] невозможно» (ст. 442 УУС).

Правила приведения к присяге свидетелей на предварительном следствии и в суде, согласно УУС, были идентичны (ст. 444, 704-709, 712-717 УУС) и во многом схожи с процедурой принесения присяги в соответствии с положениями Свода законов (ст. 233-237 Книги 2 тома XV Свода законов), в т.ч. устанавливавшими перечень лиц, не допускаемых к присяге, и регламентировавшими порядок ее принесения. Однако необходимо отметить, что Устав и другие нормативные акты не устанавливали для свидетеля ответственности за отказ от принесения присяги и от дачи показаний, на что в т.ч. обращал внимание Сенат [2, с. 521-522]. Интересным является тот факт, что с введением в силу УУС в некоторых местностях возникали проблемы с явкой священнослужителей к следователям для приведения к присяге участников уголовного процесса. В связи с этим 20 января 1878 г. Святейший правительствующий синод в своем определении, опубликованном в «Церковном Вестнике», предписал всем священникам не «уклоняться от явки в камеры судебных следователей по требованию последних о приводе свидетелей к присяге» [2, с. 537].

В соответствии со ст. 406 и 446 УУС обвиняемые и свидетели допрашивались порознь, а последние, помимо этого, – «если окажется нужным, то первоначально в отсутствии обвиняемых и прикосновенных к делу лиц». Допрос начинался с предложения свидетелю рассказать все известное ему по делу, за исключением не относящихся к делу обстоятельств и слухов (ст. 718 УУС). Вопросы и ответы должны были быть короткими и ясными. При этом у свидетеля обязательно уточнялось, в каких отношениях он находится с другими участвующими в деле лицами (ст. 447 УУС). Особенно это было важно для членов семьи и близких родственников обвиняемого, которые могли отказаться от дачи показаний в отношении последнего (ст. 705 УУС). В этой связи следователям настоятельно рекомендовалось фиксировать в протоколе допроса факт разъяснения свидетелям права не свидетельствовать в указанном случае против обвиняемого, особенно когда они все же желали дать такие показания [5, с. 384].

Согласно ст. 628 УУС свидетелям, как и иным участникам уголовного процесса, разрешалось «иметь при себе памятные записки в тех случаях, когда показания их относятся к каким-либо вычислениям, выводам или отчетам, которые трудно удержать в памяти».

Если свидетель или обвиняемый говорил на языке, «не понятном для следователя», в производство по делу допускался переводчик, а для допроса глу-

хонемых судебный следователь приглашал не заинтересованных в исходе дела специалистов, «привыкших с точностью понимать их знаки», которые обязывались в ходе следственного действия «произносить вслух то, что они объясняют» допрашиваемому (ст. 410, 411, 450 УУС). То есть УУС, в отличие от современного УПК Российской Федерации, позволял следователю не привлекать к участию в допросе переводчика, если он сам владел языком, на котором разговаривал допрашиваемый.

В целях защиты прав обвиняемого ст. 448 УУС обязывала судебного следователя зачитывать данному участнику уголовного процесса протокол допроса свидетеля, когда такой допрос производился в его отсутствие. После этого обвиняемый мог назвать обстоятельства, опровергающие данные в отношении него показания, и ходатайствовать о дополнительном допросе свидетеля. Если указанные обвиняемым обстоятельства имели существенное значение для дела, следователь был обязан исследовать их, в т.ч. повторно допросить свидетеля (ст. 449, 451 УУС).

По результатам проведенного допроса судебный следователь составлял протокол, в котором отмечалось, давались показания свидетеля под присягой либо нет (ст. 453 УУС). В первом случае к протоколу допроса прилагался клятвенный лист, подписанный присягавшим, либо при неграмотности последнего другим заслуживающим доверия лицом, а также священнослужителем, следователем и в случае присутствия обвиняемым и другими лицами [2, с. 550]. Показания необходимо было записывать от первого лица, «собственными... словами без всяких изменений, пропусков и прибавлений. Слова и выражения простонародные, местные не совсем понятные...» пояснялись в скобках (ст. 409 УУС). Интерес представляет ст. 408 УУС, содержащая предписание о том, что грамотные допрашиваемые должны были сами «вписывать в протокол ответы, данные ими на словах». Протокол допроса подписывался грамотным допрашиваемым лицом, а правильность фиксации показаний неграмотных обвиняемых и свидетелей подтверждали посторонние люди по их просьбе. Вместе с тем на практике имели место случаи подписания протокола «в виде крестов самим безграмотным обвиняемым» [4, с. 353].

Устав содержал всего лишь одну норму (ст. 452), состоящую из одного предложения, регламентирующую проведение очной ставки, которая не рассматривалась в качестве отдельного следственного

действия, а являлась своеобразным элементом либо видом допроса. В частности, согласно данной статье очные ставки проводились только между свидетелями в тех случаях, когда «от разъяснения противоречий в их показаниях» зависело «дальнейшее направление следствия». Как отмечали некоторые авторы, необходимость проведения очных ставок свидетелей с обвиняемыми нивелировалась возможностью допроса свидетелей в присутствии обвиняемого [2, с. 547]. В свою очередь, об очной ставке с участием потерпевшего в УУС вообще ничего не говорилось.

Что интересно, в исследуемом историческом периоде в качестве разновидности очной ставки и, соответственно, допроса рассматривалось предъявление для опознания [1, с. 580-581], нормативное регулирование которого в законе отсутствовало. Вместе с тем в 1914 г. вышла в свет статья В.И. Громова «Акт предъявления личности на предварительном следствии», в которой довольно подробно рассматривался уголовно-процессуальный и криминалистический порядок предъявления для опознания. Среди прочего автор отмечал, что предъявление для опознания, «сделанное с надлежащей осторожностью и правильностью», уже неоднократно проводилось на практике и не раз служило не только «главным доказательством против обвиняемого», но и изобличало свидетелей в недостоверности показаний [2, с. 549-550].

Заканчивая рассмотрение регламентации в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. процедуры проведения допроса в досудебном производстве, необходимо акцентировать внимание на следующем. Допрос как одно из наиболее часто применяемых в уголовно-процессуальной деятельности следственных действий, впервые нормативно урегулированный еще в Русской Правде, в УУС получил довольно полное и качественное закрепление, во многом определившее логику построения норм права в последующих уголовно-процессуальных законах. В частности, ряд положений Устава сегодня ретранслирован в ст. 188-190 УПК Российской Федерации. В то же время стоит указать, что УУС при всем к нему позитивном отношении, как и любой другой закон, не был совершенным. Например, в нем назывались только два вида допроса – обвиняемого и свидетеля. Кроме того, законодатель в середине XIX в. рассматривал очную ставку в качестве разновидности описываемого следственного действия и нормативно не устанавливал порядок ее проведения.

Литература

1. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: в 3 ч.; ч. 3: О предварительном следствии. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1870. Вып. 2.

2. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах; доп. В.П. Ширковым: в 2 ч. 7-е изд. (посмертное). Петроград: Тип. М. Меркушева, 1915. Ч. 2.
3. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т.; т. 8: Судебная реформа / редкол.: О. Чистяков (гл. ред.), Б. Василевский и др. М.: Юрид. лит., 1991.
4. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913.
5. Тимановский А. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра Второго. За двадцать пять лет (1866-1891). Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. 2000 тезисов. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1892.

Гражданско-правовые отношения

УДК 347.78:347.157

В.В. Белозерцева, канд. юрид. наук, доцент
Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: sarrav@mail.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВА АВТОРСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В ВОЗРАСТЕ ОТ 14 ДО 18 ЛЕТ

Статья посвящена осуществлению субъективного права авторства несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что предоставленный законодателем несовершеннолетнему в возрасте от 14 до 18 лет объем дееспособности позволяет ему самостоятельно осуществлять право авторства. Право авторства включает в себя возможность быть признанным автором того или иного произведения, требовать признания авторства со стороны третьих лиц, а также защитить свое право. Все три правомочия обеспечены сделкоспособностью несовершеннолетнего, в т.ч. и возможностью неюрисдикционной защиты своего права. Юрисдикционная защита права авторства несовершеннолетнего обеспечена его процессуальной дееспособностью. Проблема осуществления несовершеннолетним права авторства кроется не в объеме его дееспособности, а в отсутствии адекватного законодательного механизма защиты данного права, что, в свою очередь, является закономерным в силу особенностей самого права авторства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, право авторства, дееспособность, сделкоспособность, осуществление права, субъективное право, субъективная обязанность, автор.

V.V. Belozertseva, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: sarrav@mail.ru

EXERCISE OF THE RIGHT OF AUTHORSHIP BY MINORS BETWEEN 14 YEARS AND 18 YEARS

The article is devoted to the exercise of the subjective right of authorship by minors between 14 years and 18 years. The analysis made it possible to conclude that the legal capacity granted by the legislator to a minor between the ages of 14 and 18 allows him to independently exercise the right of authorship. The right of authorship includes the ability to be recognized as the author of a work, the ability to demand recognition of authorship from third parties, as well as the ability to protect your right. All three powers are secured by the transactional capacity of the minor, including the possibility of non-jurisdictional protection of their rights. Jurisdictional protection of the copyright of a minor is ensured by his procedural capacity. The problem of the juvenile's exercise of the right of authorship lies not in the volume of his legal capacity, but in the absence of an adequate legislative mechanism for protecting this right, which in turn is natural due to the peculiarities of the right of authorship itself.

Key words: minor, right of authorship, legal capacity, transaction capacity, exercise of the right, subjective right, subjective duty, author.

Субъективное гражданское право является категорией, давно исследуемой, и в то же время содержит в себе некоторые спорные элементы, дискуссии чаще всего возникают на практике, когда субъекты права реализуют возможности, в нем заложенные. Осуществление субъективного права всегда зависит от волеиспособности субъекта, им обладающего, волеиспособность так же, как и само субъективное право, законодательно урегулирована. При этом законодательное регулирование даже имущественной части отношений не может быть всеобъемлющим, а законодательное регулирование осуществления личных неимущественных прав и вовсе сталкивается с непреодолимыми трудностями, возникающими из-за особенностей таких прав. Не менее дискуссионным является вопрос о реализации субъективных гражданских прав исключительно в рамках гражданских правоотношений или же осуществлении возможности реализовать их вне правоотношений. Подобные спорные моменты уходят своими корнями в понятия правосубъектности, правоотношения, к их содержанию и элементам. В проведенном ниже исследовании мы проследим зависимость данных категорий на примере осуществления несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет права авторства.

Бесспорно утверждение о том, что осуществление субъективного гражданского права зависит от уровня волеиспособности субъекта, им обладающего, которая, с точки зрения законодателя, определяется в зависимости от возраста (а также иных факторов) и называется дееспособностью. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет законодательно наделены некоторым объемом дееспособности, который соответствует их возрасту. Подобный подход к регулированию объема дееспособности несовершеннолетних вызывает жаркие споры ученых и практиков, потому как данный объем дееспособности они признают несоответствующим возрасту несовершеннолетних и предлагают уточнить формулировку правовой нормы [5, с. 38]. Основным аргументом необходимости таких корректировок как раз и является несоответствие объема дееспособности несовершеннолетнего уровню развития его сознания и воли, причем предполагается, что закрепленный объем дееспособности гораздо больше, чем тот, которым следовало бы наделить несовершеннолетних. Ссылаются на то, что несовершеннолетние не в состоянии проанализировать тот колоссальный объем информации, который им доступен, и выбрать правильный путь решения той или иной правовой проблемы, на инфантилизацию населения в целом и т.п. Мы полагаем, что указанные факторы исключать, безусловно, не стоит, однако, прежде чем менять и корректировать норму права, следует разобраться, что же является содержанием

дееспособности и как эта способность соотносится с правомочиями того или иного субъективного права.

Одной из актуальных проблем современного общества является осуществление права авторства, которая стала краеугольным камнем не только цивилистики, но и социума в целом [8, с. 15]. Развитие цифровых технологий привело нас на тот рубеж, когда право авторства стало крайне сложно защитить, потому как в первую очередь отсутствуют правовые механизмы этой защиты [2, с. 14]. Законодатель никак не может справиться с тем, как легко и просто в сети можно скопировать любое произведение и выдать его за свое. Подобное положение дел породило систему «Антиплагиат», с помощью которой можно доказать право авторства и наказать правонарушителя за плагиат [1, с. 16], однако эта система определяет всего лишь количественные характеристики плагиата и обладает существенными недостатками, принимая за плагиат, например, общепринятые юридические термины.

Сложности при осуществлении права авторства возникают у именитых ученых и литераторов, не говоря уже о несовершеннолетних, которым действительно сложно разобраться в хитросплетениях правовых норм. Тем не менее несовершеннолетние нередко становятся участниками такого рода отношений, потому что именно в таком возрасте проявляются первые яркие творческие способности человека. Статья 26 ГК РФ предусматривает, что несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности. К правам автора, в свою очередь, относятся право авторства и право автора на имя (ст. 1255 ГК РФ). Право авторства – это право признаваться автором произведения и право автора на имя (ст. 1265 ГК РФ). Отметим, что право авторства является личным неимущественным правом, которое неотчуждаемо.

Прежде чем перейти к исследованию осуществления несовершеннолетним права авторства, дадим анализ содержанию и объему дееспособности в целом, а также объему дееспособности несовершеннолетнего в частности.

Начнем исследование с утверждения о том, что ни правоспособность, ни дееспособность не могут включать в свое содержание возможности субъективного права, осуществление конкретного субъективного права и выполнение обязанности происходят в силу возможностей, заложенных в их содержании, а приобретение новых прав и обязанностей – в силу правоспособности и дееспособности приобретателя [3, с. 47].

Содержанием дееспособности является сама способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя обязанности и исполнять их. Содержанием субъективного права являются возможности, заложенные в нем.

Результатом осуществления дееспособности будет приобретение субъективного права, результатом осуществления субъективного права – реализация тех возможностей, которые в субъективном праве заложены. При этом осуществить возможности субъективного права без дееспособности нельзя, но и реализовать возможности более тех, которые предоставлены субъективным правом, также нельзя, даже если дееспособность наличествует в полном объеме [6, с. 49].

Право авторства заключает в себе возможности признаваться автором произведения и использовать или разрешать использование произведения под своим именем (под псевдонимом, без указания имени). Право авторства является личным неимущественным правом, неотчуждаемым и непередаваемым, отказ от него ничтожен. Если в соответствии со ст. 26 ГК РФ несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет может осуществлять право авторства самостоятельно, то, следовательно, он может реализовывать самостоятельно все возможности, заложенные в данном субъективном праве.

Возможно предположить, что субъективное право включает в себя три правомочия: а) на собственные действия (возможное поведение управомоченного лица); б) на чужие действия (возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц); в) на защиту субъективного права. При таком подходе несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет может не только признаваться автором произведения и разрешать использовать его произведение под его именем, но и обладает правомочием на его защиту, которое будет реализовано уже в рамках процессуальной дееспособности.

С одной стороны, законодатель относительно осуществления права авторства несовершеннолетними дал достаточно четкие указания – несовершеннолетние осуществляют такое право самостоятельно, с другой – на практике возникает множество проблем в осуществлении данного права несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно. Проблемы кроются как раз в несовпадении объема дееспособности несовершеннолетнего с объемом возможностей, заложенных в субъективном праве. Несовершеннолетний может позволить использовать произведение под своим именем, такое распоряжение он совершает в виде сделки, а практически все сделки (за исключением тех, что перечислены в п. 2 ст. 26 ГК РФ) несовершеннолетние в возрасте от 14

до 18 лет осуществляют с письменного согласия родителей. Право авторства как раз и относится к таким исключениям, следовательно, является таким элементом дееспособности несовершеннолетнего, который называется сделкоспособностью. Следует проанализировать, может ли сделкоспособность обеспечить осуществление всех трех правомочий субъективного права авторства несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет.

Сделкоспособность является одним из элементов структуры дееспособности, которая, в свою очередь, обладает своим содержанием и состоит из способностей приобретать, осуществлять и распоряжаться субъективными правами. Неоднократно высказывалось мнение о том, что осуществить право можно не только юридическими, но и фактическими действиями [7, с. 201]. Фактически реализовать возможности, заложенные в субъективном праве, можно, и не обладая дееспособностью, однако такие действия не могут быть составляющим элементом правоосуществления в рамках сделкоспособности и не должны влечь присущих ему юридических последствий. В содержание сделкоспособности и, соответственно, дееспособности нельзя включать осуществление субъективного права фактическими действиями, а также юридические поступки, в противном случае такое широкое понимание дееспособности сотрет грань между дееспособными и недееспособными.

Не следует также забывать о том, что дееспособность является способностью не только осуществлять права, но и исполнять обязанности [4, с. 21]. Правоосуществительная способность в рамках сделкоспособности несет в себе еще и функцию правоисполнительной способности, т.е. способности исполнять обязанности. В содержание сделкоспособности необходимо включать способности к приобретению и исполнению обязанностей. При этом не следует сделкоспособность смешивать по содержанию с деликтоспособностью. Деликтоспособность является способностью претерпевать последствия неправомерного поведения, сделкоспособность же является способностью приобретать обязанности и исполнять их. Следует также обратить внимание на то, что субъективные обязанности в отличие от субъективных прав практически всегда возникают в наличии дееспособности, без дееспособности приобрести обязанность невозможно, тогда как субъективное право может возникнуть и при наличии нормы права и юридического факта. Хотя некоторые виды обязанностей, которые являются своего рода обременениями, также могут возникать из юридического факта и помимо наличия дееспособности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что сделкоспособность состоит из способностей приобретать, осуществлять и распоряжаться

правами, а также способностей приобретать и исполнять обязанности.

Следовательно, сделкоспособность обеспечивает осуществление только двух из трех правомочий субъективного права: правомочия на собственные действия и правомочия на чужие действия. Правомочие же на юрисдикционную защиту права авторства осуществляется в рамках процессуальной дееспособности и в сделкоспособность не входит. Защитить субъективное право можно в рамках двух форм защиты права: юрисдикционной и неюрисдикционной. Те способы защиты, которые могут быть использованы в рамках гражданских правоотношений, реализуются путем осуществления сделкоспособности. Юрисдикционные способы защиты права предполагают наличие процессуальной дееспособности.

Право авторства включает в себя возможности быть признанным автором того или иного произведения, требовать признания авторства со стороны третьих лиц, а также защитить свое право. Все три правомочия субъективного права авторства обеспечены необходимым объемом дееспособности несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет, в то же время на практике в некоторых случаях сделки по использованию произведений под именем автора, созданных такими несовершеннолетними, совершаются их родителями (усыновителями, попечителями) либо с их согласия. Такое положение дел приводит к нарушению прав несовершеннолетних, когда родители (усыновители, попечители) называют себя

авторами произведений, созданных несовершеннолетними. Бывают случаи, когда несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обнаружат свои произведения путем сети Интернет, в результате чего не могут впоследствии доказать право своего авторства. Существуют и другие примеры нарушения прав несовершеннолетних авторов, но приведенных, на наш взгляд, достаточно, чтобы проиллюстрировать проблему, которая породила споры о необходимости сократить объем дееспособности несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет и предоставить ему возможность осуществлять права авторства с согласия родителей с целью уберечь от опрометчивых действий по осуществлению данного права. С другой стороны, исключить возможность злоупотребления полномочиями по выражению согласия на совершение тех или иных сделок со стороны родителей также невозможно.

На наш взгляд, проблема осуществления права авторства несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет кроется отнюдь не в объеме их дееспособности, а в отсутствии адекватного законодательного механизма защиты данного права. Объем процессуальной дееспособности несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет также позволяет ему самостоятельно защитить свое нарушенное право с помощью юрисдикционной формы защиты права, однако процедура доказывания создает порой непреодолимые трудности в его защите, что, в свою очередь, является закономерным в силу особенностей самого права авторства.

Литература

1. Богданова О.В. Авторство как краеугольная проблема авторского права // Право и экономика. 2020. № 11. С. 15-19.
2. Богданова О.В. Плагиат как фундаментальная проблема авторского права // Право и экономика. 2020. № 7. С. 11-22.
3. Виткявичюс П. Гражданская правосубъектность советского государства. Вильнюс: Минтис, 1978. 208 с.
4. Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1968. 202 с.
5. Маторина Т.А., Ходусов А.А. Полномочия опекунов по распоряжению исключительным правом на результат творческой деятельности, созданный несовершеннолетним или недееспособным гражданином // Юрист. 2013. № 6. С. 37-39.
6. Синицин С.А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 45-51.
7. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. Серия «Классика российской цивилистики». М.: Статут, 2001. 478 с.
8. Щербак Н.В. Эволюция структуры авторских прав в современном гражданском законодательстве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 13-20.

УДК 336.7:347.4

А.Ю. Бузова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

E-mail: ayuburova@yandex.ru;

О.Б. Сизимова, доктор юрид. наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

E-mail: osizemova@jur.unn.ru

ЦИФРОВЫЕ МАКЛЕРЫ В БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ¹

В статье исследуются вопросы трансформации деятельности кредитных организаций в цифровой среде. В частности, установлено, что организованная с помощью цифровых платформ деятельность кредитных организаций по своей природе является маклерской. Авторами рассмотрены формы осуществления цифровой маклерской деятельности кредитных организаций (робоэдвайзинг и цифровые экосистемы), сделаны выводы об организации их деятельности на договорной основе, при этом договорные правоотношения особым образом систематизированы. Авторами выделены два этапа создания договорных связей между цифровым маклером и пользователем. На первом этапе пользователь присоединяется к правилам оказания услуг цифровой платформы, и лишь затем он получает возможность заключить сделку с помощью цифрового маклера путем направления ему запросов и подбора последним подходящего варианта (второй этап). Договор между пользователем и цифровым маклером может считаться заключенным только в момент совершения сделки между пользователем и контрагентом при содействии цифрового маклера, поскольку именно с этого момента у пользователя возникает обязанность уплатить маклеру вознаграждение.

Ключевые слова: банк, кредитная организация, цифровой маклер, цифровая платформа, искусственный интеллект, робоэдвайзинг, цифровая экосистема.

A. Yu. Burova

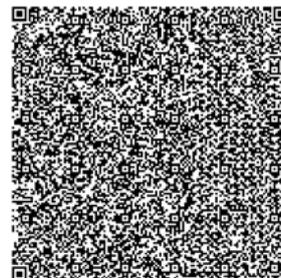
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod

E-mail: ayuburova@yandex.ru;

O. B. Sizemova, Doctor of Juridical Sciences, professor

Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod

E-mail: osizemova@jur.unn.ru

DIGITAL MAKLERS IN BANKING: REGULATORY ASPECTS

The issues of transformation of lending institutions activities in digital sphere are researched in this article. In particular, it has been established that activity of lending institutions arranged by means of digital platforms is makler activity by its nature. The authors of the article consider forms of digital makler activity performed by lending institutions (robo-advisors and digital ecosystems), conclude that such activity is organized on a contract basis. Notably, these contractual relationships are arranged in a special way. The authors define two stages of formation of contractual links between a digital makler and a user. At the first stage a user adheres to rules for the provision of digital platforms services, and after that a user gets an opportunity to make a deal with the assistance of a digital makler by submitting to it a request and selecting an appropriate variant by a makler (the second stage). A contract between a user and a digital makler can be regarded as a concluded contract in a moment of making a deal with the assistance of a digital makler considering that in this moment a user acquires a duty to pay honorary to a makler.

Key words: bank, lending institution, digital makler, digital platform, artificial intelligence, robo-advisors, digital ecosystem.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16203 мк.

Ускорение цифровизации экономики обусловило появление и быстрое развитие цифровых посредников, обеспечивающих взаимодействие широкого круга лиц с помощью специально созданных для этого цифровых платформ. Единого понятия цифровой платформы в российском законодательстве не сформулировано. Тем не менее нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные сферы государственного управления (сферы налогового контроля, статистической отчетности, занятости населения и др.) [12, 16, 17], содержат наиболее существенные признаки цифровых платформ. В обобщенном виде, исходя из анализа законодательства, можно определить цифровую платформу как информационную систему, на основе которой функционируют информационные сервисы, обеспечивающие бизнес-процессы по предоставлению услуг пользователям, трансформации услуг в цифровую форму путем применения информационных технологий и каналов цифровой коммуникации.

В цивилистической науке единого подхода к определению понятия и правовому регулированию цифровых платформ не сложилось, поскольку в объект исследования включаются и отношения по использованию «программных алгоритмов (компьютерных кодов), компьютерного технологического оборудования, "облачных" вычислений, больших баз данных, а также других цифровых технологий (блокчейн-технологии, аналитика данных, искусственный интеллект и т.д.)» [9, с. 25]. Кроме того, частные цифровые платформы, в отличие от государственных, ориентированы на извлечение прибыли, имеют, как правило, трансграничный характер, система доступа к ним пользователей не имеет нормативных ограничений.

Возможность пользоваться услугами цифровой платформы обеспечивает конкретное лицо, применительно к которому российский законодатель использует термины «оператор» или «владелец». Поэтому следует согласиться с тем, что сами цифровые платформы являются объектами гражданского оборота [22, с. 134]. При этом именно операторы (владельцы) платформы становятся цифровыми посредниками и субъектами права в юридическом смысле, т.к. платформа, представляя собой техническое решение, созданное человеком, не может обладать присущим субъектам права правовым статусом. При этом использование систем искусственного интеллекта при заключении и исполнении гражданско-правовых сделок «без участия» пользователей цифровых платформ не свидетельствует в пользу наделения платформы отдельными элементами правосубъектности¹.

Цели создания и сферы использования частных цифровых платформ могут быть различны. Наиболее популярны социальные сети, поисковые и обучающие платформы. В особую категорию следует выделить предназначенные для содействия пользователям в заключении сделок цифровые платформы, представляющие собой своеобразный «рынок, обеспечивающий встречу экономических агентов и связь и взаимодействие между ними, а также место, где они имеют возможность заключать сделки» [3, с. 88]. Такие платформы предлагают достаточно широкий перечень услуг, и их операторы (владельцы), помимо обеспечения работоспособности платформы с технической стороны, предоставляют пользователям возможности изучения потенциальных контрагентов и предлагаемых ими товаров (услуг), сравнения различных предложений, заключения сделки в онлайн-формате и коммуникации между пользователями на самой платформе, сопровождения исполнения сделки, помощь в разрешении возникающих споров. В случаях использования систем искусственного интеллекта сервис цифровой платформы может самостоятельно рекомендовать пользователю заключить определенную сделку на основании имеющихся данных о его предпочтениях.

Предоставляемые участникам подобных цифровых платформ услуги по своей природе являются посредническими и представляют собой маклерство – деятельность по содействию сторонам в заключении сделок. Особенность цифрового маклерства заключается в том, что такое содействие происходит прямо на платформе с использованием различных цифровых технологий, в т.ч. с применением роботизированных конструкций и технологий искусственного интеллекта. Иными словами, посреднические функции осуществляет не конкретный человек, а алгоритмизированная программа, в которую в ряде случаев ее разработчики закладывают не только способность действовать по определенному набору правил, но и способность постоянно совершенствоваться и улучшать эффективность решения задачи по мере накопления новых данных [25], т.е. с применением систем искусственного интеллекта².

наличие собственной воли и интереса не всегда отличает субъекта права от объекта правоотношения.

² Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» зафиксировано следующее понятие искусственного интеллекта: «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». См.: СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹ Практически во всех юрисдикциях в отношении искусственного интеллекта превалирует точка зрения о том, что

Таким образом, цифровыми маклерами выступают операторы (владельцы) цифровых платформ, которые обеспечивают взаимодействие пользователей (участников) платформы в целях заключения договора, не являясь при этом стороной этого договора. Такие цифровые платформы можно назвать потребительскими, они, как правило, специализируются в каком-либо одном сегменте рынка (продажа товаров, доставка еды, услуги такси, бронирование отелей и наем жилья, подбор специалистов и т.п.). В целях защиты прав потребителей 1 января 2019 г. вступили в силу изменения в Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», в которых цифровые платформы поименованы агрегаторами информации о товарах (услугах), а применительно к субъектам права используется термин «владелец агрегатора» [13].

Отношения операторов (владельцев) цифровых платформ с пользователями строятся на договорной основе, при этом указанные договорные правоотношения особым образом систематизированы. Сначала пользователь присоединяется к правилам оказания услуг платформы, и лишь затем он получает возможность заключить желаемую сделку с помощью цифрового маклера путем направления запросов маклеру и подбора последним подходящего варианта. Следовательно, в структуре договорных связей цифрового маклера и пользователя можно выделить два этапа. На первом этапе пользователь заключает с цифровым маклером договор по модели *click-wrap* (путем щелчка мыши) [20] посредством присоединения к правилам оказания услуг платформы. Такой договор является рамочным (ст. 429.1 ГК РФ [7]) и определяет общие правила взаимодействия сторон, заключающиеся в том, что платформа осуществляет для пользователя поиск объектов или контрагентов по его запросам и обеспечивает условия для заключения договора пользователем, а пользователь, если это предусмотрено правилами оказания услуг платформы, уплачивает цифровому маклеру вознаграждение. Несмотря на то что с этого момента пользователь становится полноправным участником цифровой платформы, между сторонами не возникают обязательства как таковые, поскольку рамочный договор относится к договорам организационного типа, подлежащим конкретизации в будущем.

На втором этапе пользователь цифровой платформы и цифровой маклер конкретизируют уже существующий рамочный договор. Пользователь «оживляет» рамочное соглашение путем направления запросов платформе с целью приобретения желаемых благ. В этом случае между пользователем и цифровым маклером заключаются самостоятельные договоры, которые квалифицируются различными исследователями в качестве договоров возмездно-

го оказания услуг [10] или агентских договоров [19]. На наш взгляд, отношения между пользователем и цифровым маклером должны оформляться самостоятельным не поименованным в российском законодательстве договором – маклерским договором, в соответствии с которым маклер за вознаграждение осуществляет по поручению клиента (пользователя) фактические действия, направленные на заключение клиентом договора с контрагентом.

Особенностью договора, заключаемого между цифровым маклером и пользователем, является то, что пользователь не имеет права требовать от владельца платформы совершения действий, направленных на заключение желаемой для пользователя сделки. Учитывая применение технологий искусственного интеллекта в работе цифровых платформ, запрос пользователя, как правило, автоматически исполняется цифровым маклером. Однако представляется не совсем корректным признавать наличие у платформы обязанности осуществлять какие-либо действия и наличие у пользователя возможности понудить цифрового маклера к их осуществлению. Маклерский договор содержит в себе отлагательное условие «заплачу, если ты достигнешь определенного результата» [1] и в рассматриваемом случае является односторонне обязывающим, поскольку обязанность по договору возлагается только на пользователя цифровой платформы – уплатить вознаграждение при заключении желаемого договора при содействии цифрового маклера.

Учитывая изложенное, договор между пользователем и цифровым маклером может считаться заключенным только в момент совершения сделки между пользователем и контрагентом при содействии цифрового маклера, поскольку именно с этого момента у пользователя возникает обязанность уплатить маклеру вознаграждение. Можно провести определенную аналогию с реальным договором, который «до момента передачи имущества... не считается заключенным, ибо никаких юридических последствий не производит» [11], однако реальный договор (от лат. *res* – вещь) всегда связывается с передачей вещи от одного лица к другому, поэтому отнесение рассматриваемого договора к реальному будет противоречить сложившейся традиции восприятия реальных договоров.

Важная роль в процессе развития цифровых платформ на финансовом рынке принадлежит банкам, которые либо сами становятся цифровыми маклерами, создавая собственные цифровые платформы, либо выступают клиентами других цифровых маклеров. В современных условиях банки часто прибегают к использованию платформенной продажи финансовых услуг, поскольку их конкурентами в этой сфере являются крупные финансово-технологические ком-

пании, также успешно внедряющие модель цифрового маклерства.

Цифровое маклерство реализуется кредитными организациями в следующих формах:

1. Робоедвайзинг (роботы-советники). Робоедвайзинг выступает одним из наиболее перспективных направлений внедрения технологии искусственного интеллекта в банковскую деятельность по работе с клиентами. Роботы-советники относятся «к числу клиентоориентированных финансовых технологий и сервисов, которые заключаются в финансовых консультациях, а также формировании и управлении инвестиционным портфелем» [21].

Роботы-советники представляют собой программу, которую используют лица, имеющие право осуществлять деятельность по инвестиционному консультированию (инвестиционные советники). Согласно ч. 1 ст. 6.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о рынке ценных бумаг) деятельностью по инвестиционному консультированию признается оказание консультационных услуг в отношении ценных бумаг, сделок с ними и (или) заключение договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, путем предоставления индивидуальных инвестиционных рекомендаций (далее – ИИР) [14]. Возможность осуществления указанной деятельности с использованием роботов (программ для электронных вычислительных машин) прямо предусмотрена законом (ч. 6 ст. 6.2 Закона о рынке ценных бумаг).

Крупные банки, одновременно являющиеся инвестиционными советниками, стремятся развивать робоедвайзинг (робот-советник ВТБ «Мои инвестиции», SmartInvest от Росбанка, Финансовый Автопилот от Сбербанка, Тинькофф Инвестиции). На специально созданной цифровой платформе клиенту предлагается заполнить анкету, ответив на несколько вопросов. На основе полученных данных роботом определяются инвестиционный профиль клиента, структура инвестиционного портфеля и рекомендуется определенный набор ценных бумаг. Сделки по их приобретению совершаются клиентом самостоятельно с использованием этой же цифровой платформы. Уже после заключения сделки продолжается отслеживание финансовой ситуации, и клиенту могут быть предложены более выгодные варианты инвестирования. При этом роботом-советником предлагаются инвестиционные продукты как самого банка, так и его партнеров.

Несмотря на то что робоедвайзинг основан на технологии искусственного интеллекта, принятие окончательных решений может происходить в полностью автоматическом режиме, основанном на алгоритме, либо под влиянием человека (частично автоматический режим) [26]. Например, использование

робота-советника банка ВТБ предусматривает, что формирование инвестиционных портфелей не всегда происходит с помощью искусственного интеллекта. Рекомендации для портфелей корректируются аналитиками банка, а применение искусственного интеллекта имеет определенные ограничения (доступен только для агрессивного инвестиционного профиля, предусматривает приобретение ограниченных пакетов акций и т.п.) [18]. Поэтому некоторыми учеными робот-советник определяется как программа, «исключающая или ограничивающая взаимодействие клиента с профессиональным участником рынка ценных бумаг» [2, с. 29].

Внедрение искусственного интеллекта затруднено еще и потому, что проведенные исследования демонстрируют, что люди не склонны доверять роботам и делегировать им принятие финансовых решений, если они не понимают методику и алгоритм их работы [24].

Банк России, неоднократно указывая на проблемы использования роботов-советников для инвестиционного консультирования, издал требования к таким программам [15]. В частности, роботы-советники должны:

- предоставлять ИИР в соответствии с инвестиционным профилем клиента;
- вести учет в электронном виде действий клиента и инвестиционного советника при предоставлении ИИР и определении инвестиционного профиля клиента;
- формировать журналы (протоколы) о ранее предоставленных посредством программы ИИР, содержащих сведения, позволяющие ознакомить инвестиционного советника, а также служащих Банка России с содержанием данных ИИР;
- предоставить клиенту информацию о том, что программа может преобразовывать рекомендацию в поручение брокеру без участия клиента (программа автоследования).

Законом установлена обязанность инвестиционных советников действовать добросовестно, разумно и в интересах клиента (ч. 1 ст. 6.2 Закона о рынке ценных бумаг), в связи с чем Банк России планирует «проработать механизм формализации в законодательстве принципа фидуциарной ответственности инвестиционных советников» [4]. Инвестиционные советники должны нести ответственность за рекомендации, данные роботом-советником, и последствия невыгодных для клиента решений, принятых на основе таких рекомендаций.

2. Создание экосистем. Новейшим направлением в реализации финансовых услуг является формирование экосистем. Под экосистемой понимают «совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компании

и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса» [5]. Иными словами, экосистема представляет собой несколько взаимосвязанных цифровых платформ, которые предоставляют вместе с финансовыми услугами товары и услуги различных сфер экономики.

В качестве примера можно назвать разработанную банком ВТБ экосистему «Метр квадратный», в рамках которой клиенту предлагается помощь в поиске недвижимости, ее проверке и оценке, в заключении сделки с недвижимостью путем оформления ипотеки в ВТБ или в банке-партнере, а также помощь в планировании и проведении ремонта.

В настоящее время в России сложились три модели участия банков в экосистемах: модель дочернего банка технологической компании (МТС банк); модель сотрудничества банков и других участников системы (Тинькофф); модель собственной экосистемы (Сбер) [6]. При этом Сбер и Тинькофф наряду с продвижением финансовых продуктов предлагают клиентам широкий выбор нефинансовых услуг (развлечения, сервисы доставки готовой еды, такси и каршеринг, сервисы в здравоохранении и др.), выступая глобальным посредническим звеном, объединяя в единую сеть множество игроков финансовых и товарных рынков.

Цель существования экосистемы заключается в предоставлении максимально широкого перечня услуг при минимальном офлайн-участии клиента с использованием цифровых технологий. Вследствие объединения в рамках одной экосистемы множества партнеров, оказывающих пользователям различные услуги, возникает проблема возможного ненадлежащего исполнения своих обязательств партнерами владельца экосистемы (цифрового маклера). Рамочное соглашение пользователя с цифровым маклером, равно как и заключаемые в целях его конкретизации отдельные договоры, предусматривает лишь посредническую и информационную роль цифро-

го маклера. При содействии маклера на цифровой платформе между пользователями заключаются договоры, и именно стороны таких договоров являются ответственными друг перед другом за надлежащее исполнение своих обязательств. Осуществление цифровым маклером дополнительных действий по проверке информации, предоставляемой партнерами, и оценке их деловой репутации повышает степень доверия пользователей к участию в экосистеме, однако не может быть признано обязательным для владельца экосистемы.

Тем не менее на банки как ключевых владельцев (участников) цифровых экосистем необходимо возложить обязанность оценивать риски недобросовестности и неудовлетворительной деловой репутации партнеров, технологических компаний и клиентов. Кроме того, кредитным организациям – ключевым участникам цифровых экосистем – следует предложить создать систему страхования ответственности партнеров и клиентов за неисполнение, ненадлежащее исполнение обязательств. Банку России необходимо создать механизм применения ответственности к цифровым маклерам, особенно при использовании роботов, систем ИИ для консультирования, поскольку оставлять без внимания «принятие носителем искусственного интеллекта неверных решений или ошибок, повлекших нанесение вреда» [8, с. 30], невозможно.

И наконец, операторы или владельцы цифровых платформ устанавливают правила пользования платформой, к которым присоединяются пользователи. Следовательно, цифровые маклеры выступают одновременно в качестве регулятора (квазирегулятора), посредника между поставщиками финансовых услуг и их потребителями и в качестве поставщика финансовых услуг [23]. Доминирование цифровых платформ и экосистем на рынке может представлять угрозу с точки зрения конкурентного законодательства, поэтому следует разработать подходы к антимонопольному регулированию их деятельности.

Литература

1. Агеев А.В. Экономические причины заключения договоров с отлагательными условиями // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Алексеенко А.П. Зарубежный опыт регулирования использования роботов-советников // Банковское право. 2021. № 4. С. 24-30.
3. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86-94.
4. Банк России. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (Проект от 30.09.2021). Москва, 2021. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/124658/onrft_project_2021-09-30.pdf.
5. Банк России. Экосистемы: подходы к регулированию (доклад для общественных консультаций). Апрель 2021 г. Москва, 2021 г. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf.

6. Банк России. Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы (доклад для общественных консультаций). Июнь 2021 г. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Исмаилов И.Ш. Направления внедрения технологии искусственного интеллекта в банковскую деятельность: перспективы правового регулирования // Банковское право. 2020. № 5. С. 26-32.
9. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25-28.
10. Кузнецова Л.В. Вопросы гражданско-правовой ответственности агрегаторов электронной коммерции // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Моговиловкер Е.Я. Спорные вопросы теории сделок // Вестник гражданского права. 2011. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О государственной информационной системе «Цифровая аналитическая платформа предоставления статистических данных [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 22.06.2021 № 956. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
14. О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
15. О требованиях к программам для электронных вычислительных машин, используемым для оказания услуг по инвестиционному консультированию: указание от 03.06.2021 № 5809-У (вступает в силу с 01.04.2022) // Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 16.07.2021).
16. Об утверждении Правил предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 30.04.2019 № 529 (ред. от 27.01.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Создание Цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами МСП и самозанятыми гражданами» национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]: приказ Минэкономразвития России от 16.06.2021 № 338. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Робот-советник ВТБ. URL: <https://broker.vtb.ru/invest/adviser/>.
19. Рожкова М.А., Кузнецова Л.В. Об ответственности агрегаторов в контексте понимания их деятельности как агентирования // Хозяйство и право. 2019. № 1. С. 27-34.
20. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Тарасенко О.А. Цифровое преобразование банковской и платежной систем России // Предпринимательское право. 2019. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. / отв. ред. Л.Ю. Василевская. М.: Проспект, 2021. Т. I. 288 с.
23. Cappai M., Colangelo G. Taming digital gatekeepers: the «more regulatory approach» to antitrust law // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 41, 105559.
24. Litterscheidt R., Streich David J. Financial education and digital asset management: What's in the black box? // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2020. Vol. 87, 101573.
25. Tamò-Larrieux A. Decision-making by machines: Is the 'Law of Everything' enough? // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 41, 105541.
26. Tsakalakis N., Stalla-Bourdillon S., Carmichael L., Dong Huynh L. Moreau L., Helal A. The dual function of explanations: Why it is useful to compute explanations // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 41, 105527.

УДК 347

К.Е. Довгань, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет
E-mail: jusconsul77@gmail.com;

Н.Е. Коваленко
Алтайский государственный университет
E-mail: kovalenkorub5@gmail.com;

Д.В. Грибанов, доктор юрид. наук, профессор
Уральский государственный юридический университет
E-mail: dvgribanov@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В настоящее время существует ряд проблем относительно правового регулирования цифровой валюты, криптовалюты в российском законодательстве. В статье проведен анализ понятия «цифровая валюта», определены ее особенности и исследованы подходы к правовому регулированию. Также статья освещает иностранное законодательство по вопросам применения цифровой валюты. Важным аспектом статьи является анализ судебной практики ввиду формального подхода к квалификации криптовалюты в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, судебная практика, цифровое право.

K.E. Dovgan, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Altai State University

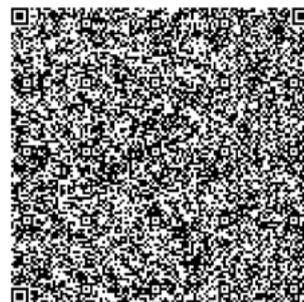
E-mail: jusconsul77@gmail.com;

N.E. Kovalenko
Altai State University

E-mail: kovalenkorub5@gmail.com;

D.V. Griбанov, Doctor of Juridical Sciences, professor
Ural State Law University

E-mail: dvgribanov@mail.ru

DIGITAL CURRENCY: MYTH OR REALITY?

Currently, there are a number of problems regarding the legal regulation of digital currency, cryptocurrency in the Russian legislation. The article analyzes the concept of digital currency, defines its features and studies approaches to legal regulation. The article also provides for coverage of foreign legislation on the use of digital currency. An important aspect of the article is the analysis of judicial practice in view of the formal approach to the qualification of cryptocurrency in legal civil proceedings.

Key words: cryptocurrency, digital currency, litigation, digital law.

Правовой статус криптовалюты как юридического института вызывает споры в теории и на практике. Возникают вопросы: является ли криптовалюта ценной бумагой, денежными средствами либо обладает юридической или иной экономической природой. В статье анализируются исследования Р.М. Янковского, М.А. Егоровой, Л.Г. Ефимовой, Б.А. Аманжоловой, Г.И. Уваркина, Е.В. Кудряшовой и др. Также значительный вклад в конкретизацию криптовалюты как юридического института внесла судебная практика арбитражных судов Российской Федерации.

М.А. Егорова справедливо отмечает, что криптовалюта – это цифровая валюта, виртуальная валюта, в основе ее применения лежит способ криптографии, с помощью которого происходят издание уже новых валютных единиц и последующий сделкооборот. При этом в настоящее время единого централизованного подхода к правовому регулированию цифровой валюты не существует [3].

Цифровая валюта, по мнению М.А. Егоровой, обладает следующими признаками: она нематериальна, т.е. нет даже овеществленного эквивалента. Только если ваш электронный кошелек имеет доступ к всемирной паутине Интернет, тогда вы сможете хранить, проводить операции с криптовалютой, необходимы соответствующее оборудование и навыки. По общему правилу «цифровые валюты могут быть использованы для оплаты товаров и услуг» на специально отведенных определенных «интернет-порталах, в социальных сетях» или даже на «игровых сайтах» [4].

Анализ правовой позиции, предложенной исследованием сравнительной компаративистики, показывает, что единый подход к правовому регулированию обращения криптовалют попросту отсутствует. На наш взгляд, это вызывает большое опасение по вопросу легальности данных операций. Так, в странах ЕС до сих пор отсутствуют нормы права о регулировании криптосферы.

Немаловажно и наличие официального нормативного регулирования. Так, в ряде стран мира приняты законы, посвященные правовому регулированию отношений в области использования криптовалюты. По характеру данные акты различны: одни направлены на регулирование отношений с использованием криптовалюты, другие, наоборот, призваны запретить легальное использование цифровой валюты, например полный запрет на обращение и использование криптовалют в странах Южной Америки (Боливия, Венесуэла, Эквадор, Колумбии), Азии (Китай, Япония, Бангладеш, Вьетнам). Так, в Колумбии, как и в Китае, цифровая валюта в значении криптовалюты государством не признается как законное средство платежа [1]. В некоторых странах Азии, а также в Исландии сделки с биткоином правом не урегулированы.

К странам, которые в той или иной степени нормативно закрепили применение цифровой валюты, относят Японию. Государство признало биткоин (как разновидность крипты) законным средством платежа еще в мае 2016 г. Венесуэла избрала свою правовую линию, она легально пустила в обращение свою цифровую валюту, тем самым подчеркнув важность своего суверенитета [8].

Интересным представляется линия налогового регулирования сферы цифровой валюты. Связано это прежде всего с дополнительным поступлением в бюджет. В мире ряд государств узаконил криптовалюты, в т.ч. выбрав налоговый вектор. Такими странами являются: Израиль, Болгария, Швейцария, Дания, Соединенное королевство [18] и др.

В России ситуация особенная. В настоящее время принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] (далее – ФЗ № 259), который, как отмечают некоторые исследователи, требует дополнительной доработки и конкретизации.

В статье 1 ФЗ № 259 введены новые категориальные понятия, такие как цифровые финансовые активы, цифровые права, цифровая валюта [7] и т.д. Категории финансовых активов определены в п. 2 ст. 1 ФЗ № 259 [7]. Подобные финансовые активы в зарубежных странах известны как security-токены. Utility-токены – это цифровые токены с правом требования товаров или услуг [13]. Ярким примером является услуга «Спасибо от Сбербанка» [17]. Специалисты отмечают тот факт, что термин «token» законодатель не стал употреблять, хотя в первоначальной редакции он значился. Token существует как виртуальный символ различных объектов, это цифровые права на объекты.

В своем роде всю природу цифровых прав по их выпуску и обращению можно отнести к предпринимательской деятельности, а значит, в данных правоотношениях фигурирует субъект права, обладающий специальным статусом.

Апелляционный суд по делу № А40-164942/19 А40-124668/17-71-160Ф отметил, «что проведение российскими гражданами и организациями операций с использованием криптовалюты не защищено законами России» [20]. Арбитражный суд г. Москвы в Определении от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/2017 выделяет такой критерий, как способ возникновения для отличия денег от криптоденег [10].

Следует обратить внимание на то, как в реальности осуществляется реализация правовых норм, а именно как разрешаются споры в судебном порядке. Особый интерес вызывает запрет на взыскание

криптовалюты с должников-банкротов [6]. Арбитражный суд г. Москвы Определением от 05.03.2018 по делу № А40-124668/17-71-160Ф отказал в удовлетворении ходатайства финансового управляющего включать криптовалюту в конкурсную массу [9]. Суд мотивировал это тем, что анонимность пользователей и отсутствие контролирующего центра не позволяют достоверно установить, кому именно принадлежит криптовалюта в криптокошельке. Но Девятый арбитражный апелляционный суд Постановлением от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 отменил указанное выше определение и отнес криптовалюту к иному имуществу [14].

Таким образом, в российском юрисдикционном поле криптовалюта – иное имущество. Вполне закономерен тот факт, что суд первой инстанции не смог определить природу данной категории, и связано это прежде всего с неопределенностью правореализации касательно цифровых валют (криптовалют) и малознученностью данного новшества.

А также суды отмечают, что «криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства», а «отсутствие в системе криптовалюты контролирующего центра, анонимность пользователей криптовалют не позволяют с определенностью установить принадлежность криптовалюты в криптокошельке, находящемся в сети Интернет» [10], конкретному лицу. При этом в обзоре судебной практики Российской Федерации по спорам, возникающим в сфере защиты цифровых активов, отмечают, что в данной категории дел суды ограничиваются формальным подходом к квалификации криптовалюты и не применяют к этому понятию аналогию права в отсутствие в законе норм, регулирующих сходные правоотношения [6]. Так, определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2019 № 306-ЭС18-21814 конкурсному кредитору отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации [12].

Теперь обратимся к цифровой валюте, криптовалюте. Определение цифровой валюты дано в п. 3 ст. 1 ФЗ № 259 [7], отличительными признаками которой, по мнению Р.М. Янковского, являются: «1) совокупность электронных данных, 2) обладатель которой не получает прав требования к третьим лицам и 3) которую можно использовать в качестве средства платежа или для инвестиций» [21].

Используя формулировку «совокупность электронных данных», законодатель развел данную категорию с цифровыми правами (ст. 141.1 ГК РФ),

отграничил от «цифровых финансовых активов». Теперь лишь остается рассматривать криптовалюту как имущественный объект гражданских прав или же как имущественные права, наиболее точно это отразится в судебной практике. Например, в Определении СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 44-КГ20-17-К7 криптовалюта рассматривается непосредственно как имущество [11].

В законе есть прямое указание на сферы законодательства, в которых криптовалюту «следует считать имуществом». Р.М. Янковский считает, что в основном это публично-правовые и процессуальные отрасли – антикоррупционное законодательство, исполнительное производство, процедура несостоятельности (банкротства) [22]. При этом, как считают А.Е. Камышанова, Р.М. Янковский, «криптовалюта не включена в число объектов гражданских прав, в состав совместно нажитого имущества супругов и в наследственную массу» [5]. Также А.В. Габов, анализируя Доклад Банка России о цифровом рубле, критически относится и к вопросу признания цифрового рубля объектом гражданского права [2].

В качестве подтверждения приведем пример из судебной практики, где было определено, что криптовалюта представляет собой иное имущество, а именно имущественные права. Так, в деле № А40-164942/19 рассматривался спор об обязанности ответчиков вернуть истцу криптовалюту. Истцом являлась компания, которая разрабатывала и запускала в сети Интернет платформы для прямого инвестирования различных проектов. Финансовая поддержка платформ обеспечивалась посредством обмена собственных токенов компании на привлеченную от инвесторов (контрибьюторов) криптовалюту (эфириум, биткойн, лайткойн) [16]. По мнению истца, собранная в результате привлечения инвестиций криптовалюта неправомерно удерживалась ответчиками. Суд первой инстанции в решении отметил, что криптовалюта применительно к ст. 128 ГК РФ расценивается как иное имущество, а именно имущественные права. Суд апелляционной инстанции в своем постановлении от 4 февраля 2020 г. № 09АП-76537/19, аналогично как и в Определении Арбитражного суда г. Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/2017, отметил, что «существо отношений, связанных с оборотом криптовалют, не позволяет применить к криптовалютам по аналогии нормы, регулирующие сходные отношения... Поскольку в законодательстве отсутствует понятие "криптовалюта", невозможно однозначно определить, к какой категории оно относится: "имущество", "актив", "суррогат", "информация»» [10, 15]. По мнению суда апелляционной инстанции, криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как «иное имущество» [15, 19].

Если криптовалюта – это нематериальные активы, средство платежа, инвестиции, то тогда возникает вопрос о соотношении с другими схожими категориями, такими как безналичные денежные средства. При анализе нормы ст. 1 ФЗ № 259 становится очевидным отсутствие тождества с цифровой валютой [7].

Несмотря на то что криптовалюта охарактеризована как «средство платежа», осуществить любые платежные операции не представляется возможным. В статье 14 ФЗ № 259 содержится «запрет для российских резидентов (как физических, так и юридических лиц) принимать криптовалюту в качестве встречного предоставления за товары, работы, услуги» [7]. При этом вопрос об обмене криптовалюты, как считает Р.М. Янковский, «равно как и использо-

вание криптовалюты для расчетов по иным сделкам (например, оплата криптовалютой лицензионного договора, покупка ценных бумаг) по Закону не запрещены» [21].

Федеральный закон № 259 устанавливает запрет на распространение информации об оплате товаров, работ и услуг криптовалютой (ст. 14) [7, 22]. Возникает следующая ситуация, юридически криптовалюта – цифровая валюта – разрешена, но использовать как платежное средство за товары и услуги ее нельзя. Вполне возможен обмен на иную цифровую валюту или покупка акций.

Считаем необходимым представить отличие цифровой валюты, криптовалюты и электронных денежных средств в форме таблицы.

Таблица 1

Сравнение цифровой валюты, криптовалюты и электронных денежных средств

Цифровая валюта, криптовалюта	Электронные денежные средства
Специальный субъектный состав: юридические лица и индивидуальные предприниматели.	Все субъекты права.
Не имеет материального эквивалента.	Есть материальный эквивалент: денежные купюры, монеты.
Исключительное обращение. Обменять на другую цифровую валюту или же купить акции. Оплата товаров, работ, услуг цифровой валютой запрещена.	Свободный легальный оборот.
Не являются денежной единицей.	Являются денежной единицей.

Таким образом, считаем важным заметить дальнейшую судьбу правового регулирования института цифровых валют, в частности необходимы поправки в Налоговый кодекс РФ, касающиеся декларирования криптовалют, что уже существует в некоторых зарубежных странах, в Уголовный кодекс РФ и Кодекс об административных правонарушениях РФ, введение санкций за нарушение Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные зако-

нодательные акты Российской Федерации». Следует обратить внимание и на вопросы в судебной практике, а именно разночтения в правовой природе цифровой валюты, криптовалюты. Необходима дальнейшая конкретизация норм ФЗ № 259, официальное толкование применения норм для того, чтобы избежать большей нагрузки на суды второй инстанции, которые, в свою очередь, исправляют неверное толкование природы цифровой валюты, криптовалюты.

Литература

1. Аманжолова Б.А. Правовое регулирование криптовалют в мире // Образование и право. 2018. № 5. С. 228-231.
2. Габов А.В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4 (125). С. 55-65.
3. Егорова М.А. Проблемы соотношения и правового регулирования криптовалюты, биткоина, цифровой и виртуальной валюты: российский и зарубежный опыт // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 66 (2). С. 53-57.
4. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7. С. 130-140. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.130-140>.

5. Камышанова А.Е. Проблемы определения сущности цифровой валюты // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 1 (33). С. 94-96.
6. Кудряшова Е.В. Первые судебные акты о криптовалютах в России: новые реалии цифровой экономики // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 148-151.
7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Обзор законодательного регулирования криптовалют в отдельных государствах. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/11/ru-ru-cryptocurrency-legislative-regulation-worldwide-november-2017-upd.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).
9. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 по делу № А40-124668/17-71-160Ф. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1403155>.
10. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/2017. URL: <http://arbitr.garant.ru/#/document/95441624/paragraph/78:0> (дата обращения: 12.02.2021).
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-pograzhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02022021-n-44-kg20-17-k7-2-28862019/> (дата обращения: 12.02.2021).
12. Определение Верховного Суда РФ от 28.01.2019 № 306-ЭС18-21814(2) по делу № А57-21957/2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1M2DRReSq2AYLn71w&cacheid=A26437540A4CBAB8DE93BA1D21F8F93E&mode=splus&base=ARB&n=569427&rnd=315EC8FCAA62E1E3836FAEAB37D36A55#f3TDRReSQ17rxBRns> (дата обращения: 12.02.2021).
13. Опубликован законопроект о публичной нефинансовой отчетности. URL: <https://asqcharlotte.org/finansy/opublikovan-zakonoprojekt-o-publichnoj-nefinansovoj-otchetnosti-investiminfo.html> (дата обращения: 12.02.2021).
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=55FD9710107CC33B016BB787887CFAB2&base=MARB&n=1444056&stat=srflfd%3D3%26src%3D1%26fld%3D134%26code%3D16876%26page%3Desse%26p%3D3%26base%3DMARB%26doc%3D1403155#2gkMGeSWzt4W6VZD1> (дата обращения: 12.02.2021).
15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. № 09АП-76537/19. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/63692509/paragraph/37:17> (дата обращения: 12.02.2021).
16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. по делу № А40-164942/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FEeAUpDR1666/> (дата обращения: 12.02.2021).
17. Приняли, но не совсем. Закон о цифровых финансовых активах. URL: <https://lfacademy.ru/sphere/post/prinyali-no-ne-sovsem-zakon-o-cifrovyyh-finansovyh-aktivah> (дата обращения: 12.01.2021).
18. Решетников С.Б. Особенности отечественного и зарубежного опыта регулирования криптовалютного рынка // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 9-1. С. 85-94.
19. Суд решил, что криптовалюта вне правового поля. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kriptovalyuta-vne-pravovogo-polya/> (дата обращения: 12.02.2021).
20. Уваркин Г.И. Криптовалюта как объект гражданских прав // Законодательство. 2018. № 7. С. 17-22.
21. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43-77.
22. Янковский Р.М. Цифровая валюта в Законе о ЦФА // Орган Федеральной адвокатской палаты РФ. Сетевое издание «Адвокатская газета». 2020. № 24. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/tsifrovaya-valyuta-v-zakone-o-tsfa/> (дата обращения: 15.07.2021).
23. Cryptocurrency Sample Regulations in The World. URL: <https://sanctionsscanner.com/blog/cryptocurrency-sample-regulations-in-the-world-384> (дата обращения: 01.03.2021).

УДК 347.73(510)

С.В. Моисеев, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: moiseev-tpg@rambler.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КИТАЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

Китайская Народная Республика в первые два десятилетия XXI в. продолжает оставаться мировым лидером по темпам экономического развития. Существующая в настоящее время в Китае уникальная система, сочетающая плановую экономику и рыночные отношения, функционирующая под эффективным контролем государства, определяет высокий уровень качества достигнутых результатов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, при этом обеспечивает масштабные научно-технологические прорывы. Современный Китай открыт для контактов, о чем свидетельствует развитие разновекторного международного партнерства, в т.ч. с Российской Федерацией.

В этой связи особое значение приобретает изучение современного китайского законодательства в области предпринимательства как важного элемента в системе прогрессирующих разносторонних взаимоотношений на глобальном и локальном уровнях. Понимание правовых различий в интерпретации актуальных нормативных актов, регулирующих взаимоотношения в сфере предпринимательства, наличие проанализированной информации о видах, полномочиях и ответственности участников коммерческих контактов предоставляют возможности для установления нового формата партнерских отношений с китайскими государственными структурами и бизнес-сообществом.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, информационные услуги, государственный контроль, закон, предприниматель, предпринимательская деятельность, лицензия, разрешение, ответственность, электронная коммерция.

S. V. Moiseev, Candidate of Historical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: moiseev-tpg@rambler.ru

TRANSFORMATION OF MODERN CHINA LEGISLATION IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURSHIP (SEPARATE ASPECTS)

People's Republic of China in the first two decades of the XXI century continues to be the world leader in terms of economic development. The unique system that currently exists in China, combining a planned economy and market relations, functioning under the effective control of the state, determines a high level of quality of the results achieved in all industries and agriculture, while providing large-scale scientific and technological breakthroughs. Modern China is open for contacts, as evidenced by the development of a multi-vector international partnership, including with the Russian Federation. In this regard, the study of modern Chinese legislation in the field of entrepreneurship as an important element in the system of progressive diversified relationships at the global and local levels is of particular importance. Understanding the legal differences in the interpretation of current regulations governing relationships in the field of entrepreneurship, the availability of analyzed information on the types, powers and responsibilities of participants in commercial contacts, provide opportunities for establishing a new format of partnerships with Chinese government agencies and the business community.

Key words: People's Republic of China, information services, government control, law, entrepreneur, business, license, permit, responsibility, e-commerce.

1 октября 2017 г. в Китае вступили в силу новые правила привлечения к ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность в виде положений постановления Государственного совета КНР [3]. Любой вид предпринимательской деятельности в КНР должен быть зарегистрирован в органах торгово-промышленной администрации. Граждане Китая имеют право зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, в виде индивидуального торгово-промышленного хозяйства, организовать товарищество, сельскохозяйственный кооператив, компанию. Иностранцы граждане по действующему законодательству могут создавать компании или товарищества [1]. Предпринимательская деятельность без регистрации определяется действующим законодательством как незаконная.

При этом в некоторых видах деятельности, помимо регистрации бизнеса, в соответствии с нормами закона необходимо оформить специальные разрешения и лицензии. Так, в частности, необходимо оформление лицензии на оказание информационных услуг в интернете в случае создания коммерческого интернет-сайта, лицензии на реализацию медикаментов – при продаже лекарств, лицензии на оказание туристических услуг – при организации туристического агентства и реализации продукции для туризма.

Таким образом, после окончания процедуры формирования бизнес-структуры предприниматель обязан до открытия деятельности фирмы приобрести все необходимые лицензии. Предпринимательская деятельность без лицензии является незаконной и для организации бизнеса в Китае требуется ее регистрация через создание компании в Китае, а также проверка необходимости получения дополнительных лицензий и разрешений и их приобретение. При этом имеют место ситуации, когда лицензии и разрешения необходимо получать до регистрации компании, а организация фирмы для ведения предпринимательской деятельности не всегда является обязательным условием. Бизнес-деятельность на территории Китая должна быть в обязательном порядке зарегистрирована, включая постоянных резидентов специальных административных районов Гонконга и Макао.

К незаконной предпринимательской деятельности в Китае не относятся коммерческие операции, которые в соответствии с положениями законов, административных правовых актов и решениями Госсовета КНР можно проводить без регистрации и лицензий. Незаконной предпринимательской деятельностью не является продажа сельскохозяйственных товаров, товаров повседневного спроса на внутренних рынках, оказание личным трудом гражданина бытовых услуг, которые не относятся к лицензируемым и не подлежат регистрации. Остальные виды предпринимательской деятельности: оптовая и розничная торговля, оказание услуг, мелкое производство, осуществляемые без

регистрации, являются незаконными. Контроль за соблюдением правил привлечения к ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность возложен на управления торгово-промышленной администрации – государственные органы, занимающиеся регистрацией субъектов предпринимательской деятельности (регистрацией компаний, товариществ и других коммерческих организаций).

В случае возникновения подозрений о ведении незаконной предпринимательской деятельности вышеназванные управления имеют право: 1) издать предписание о прекращении такой деятельности; 2) провести проверку в отношении соответствующих организаций и физических лиц; 3) провести выездную проверку по месту ведения деятельности; 4) проверить и снять копии с документации, имеющей отношение к делу. Офис организации опечатывается, а все находящееся в нем имущество, которое использовалось в деятельности, подвергается аресту [3].

Ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность в КНР установлена специальными законами или подзаконными актами.

В случае отсутствия в них норм об ответственности за конкретный вид незаконной предпринимательской деятельности управления торгово-промышленной администрации в соответствии с правилами привлечения к ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность имеют право на издание предписания о прекращении такой предпринимательской деятельности, конфискации незаконно полученного дохода и наложения штрафа в размере 10 000 юаней жэньминьби (114 700 рублей).

В случае продажи лекарств без лицензии на оборот медикаментов в соответствии со ст. 72 Закона КНР «Об обороте медикаментов» управление торгово-промышленной администрации обязано пресечь незаконную деятельность, конфисковать лекарства и незаконно полученный доход, а также наложить штраф в размере от 200 до 500% от стоимости лекарств (включая уже реализованные лекарства и товарно-материальные запасы предприятия). Продажа лекарств без лицензии может быть основанием для привлечения к уголовной ответственности [3].

Кроме того, предусматривается ответственность за создание условий для ведения незаконной предпринимательской деятельности – например, перевозка и хранение грузов, предоставление мест для ведения деятельности. В этом случае управление торгово-промышленной администрации обязано конфисковать незаконно полученный доход и имеет право наложить штраф в размере до 5000 юаней жэньминьби (57 350 рублей).

Новые правила привлечения к ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность предусматривают внесение в систему общественной кредитоспособности сведений о лицах, которые

вели незаконную предпринимательскую деятельность, а также допускают привлечение фигурантов к административной ответственности за нарушение общественного порядка (если незаконная предпринимательская деятельность связана с нарушением общественного порядка) и уголовной ответственности (если образуется состав этого преступления) [3].

1 января 2019 г. вступил в силу Закон КНР «Об электронной коммерции», определивший правила продажи товаров и оказания услуг через интернет. Закон распространяется на все виды электронной коммерции, в т.ч. продажи через Wechat (китайский аналог WhatsApp) и стриминговые сервисы, а также всех предпринимателей в сфере электронного бизнеса (продавцы товаров на площадках электронной коммерции (e-commerce sites) [4], в социальных сетях, сайты и сети, создающие условия для продажи товаров и оказания услуг) [2].

Базовым нововведением, предусмотренным законом, является обязательная регистрация предпринимательской деятельности, в т.ч. микробизнесов (т.е. лиц, занимающихся продажей товаров и услуг в Wechat и социальных сетях). Закон КНР «Об электронной коммерции» требует от всех продавцов, занимающихся продажей товаров и оказанием услуг через интернет, зарегистрироваться в качестве субъекта предпринимательской деятельности. Это требование в первую очередь направлено на коммерческие структуры, работающие в Wechat и на стриминговых сервисах (поставщики товаров на Taobao и JD.com) [4]. Согласно новым условиям все продавцы, ведущие предпринимательскую деятельность через Wechat, сервисы для видеотрансляции и другие социальные сети, должны быть зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей или создать в КНР компанию, а также уплачивать в КНР налоги с деятельности. Все предприниматели обязаны размещать на своей странице сведения о регистрации предпринимательской деятельности и лицензиях (если для деятельности нужны лицензии – сведения о полученных лицензиях) или ссылки на эти документы. Площадки для электронной коммерции обязаны предоставлять в государственные органы сведения о предпринимателях и напоминать им о необходимости оформить регистрацию.

Граждане КНР, занимающиеся малозначительными продажами в интернете, имеют право на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя по адресу постоянного проживания и получить свидетельство о праве на предпринимательскую деятельность (основной регистрационный документ) с пометкой «только для предпринимательской деятельности в интернете» [2]. Для регистрации такого ИП не нужно арендовать отдельное офисное помещение (можно указать свой адрес постоянного про-

живания), но при этом нельзя заниматься какой-либо предпринимательской деятельностью офлайн.

Для иностранных граждан себестоимость микробизнеса увеличивается, т.к. иностранцы в Китае не могут получить регистрацию в качестве ИП и уплачивать налоги по упрощенной схеме. Для ведения любой предпринимательской деятельности в КНР иностранцы обязаны создавать компании с ограниченной ответственностью, что требует определенных расходов на создание бизнеса, аренду офиса и бухгалтерское обслуживание (компания не может быть освобождена от ведения бухучета).

Освобождение от регистрации в соответствии с Законом КНР «Об электронной коммерции» распространяется на следующие случаи: регистрация в качестве субъекта предпринимательской деятельности не требуется для физических лиц, которые: занимаются продажей сельскохозяйственных и ремесленных товаров собственного изготовления; используя собственные возможности, оказывают услуги населению и совершают мелкие нерегулярные сделки при условии, что эта деятельность не требует получения лицензий (разрешений). При этом закон не уточняет, какие сделки между физическими лицами будут считаться мелкими и нерегулярными (это должно быть уточнено отдельным разъяснением). Кроме того, закон не освобождает предпринимателей от уплаты налогов.

Все предприниматели в сфере электронной коммерции обязаны в соответствии с законодательством уплачивать налоги. При отсутствии регистрации предприниматель при первом возникновении обязанности уплатить налоги должен оформить налоговую регистрацию и подать соответствующие налоговые декларации. Поставщики услуг для электронной коммерции (площадки и социальные сети) обязаны предоставлять в налоговые органы все сведения о предпринимателях (сведения о статусе и налоговые сведения), а также предупреждать о необходимости оформить регистрацию в налоговой службе предпринимателей, которые освобождены от регистрации.

В соответствии с новыми правилами все предприниматели в сфере электронной коммерции должны выдавать покупателям счета (инвойсы) на бумаге или в электронной форме. Электронные счета обладают равной правовой силой с бумажными носителями. Для выдачи инвойсов предприниматель обязан зарегистрироваться в качестве ИП или компании и обратиться в налоговые органы для получения бланков счетов инвойсов или получить электронный ключ для выставления электронных счетов [2].

При продаже товаров и оказании услуг потребителям через интернет на все сделки распространяется Закон КНР «О защите прав потребителей». Предприниматели обязаны соблюдать все требования данного закона (в т.ч. правила возврата товаров), а также

предоставлять потребителям достоверную и полную информацию о товаре или услуге. В случае получения от потребителей залога предприниматели обязаны указать способы и порядок возврата полученного залога и не вправе устанавливать необоснованные условия для его возврата. Площадки для электронной коммерции обязаны следить за соблюдением прав потребителей отдельными предпринимателями. В случае если не будут предприняты меры по защите прав потребителей в ходе продажи товаров или оказания услуг, которые могут причинить вред здоровью граждан, или другого нарушения прав покупателей, предприниматель и площадка для электронной коммерции привлекаются к ответственности в совокупности.

В соответствии с Законом КНР «Об электронной коммерции» все площадки для электронной коммерции обязаны разработать правила обеспечения безопасности интеллектуальной собственности. В случае нарушения прав правообладателя он имеет возможность для обращения к менеджерам e-commerce sites с запросом на ликвидацию данных или удаление с площадки предпринимателя, нарушившего права на интеллектуальную собственность [5].

Промежуточным итогом трансформации законодательства Китая в сфере предпринимательства является упорядочивание деятельности бизнес-сообществ в целом и в интернет-пространстве в частности, включая микро-бизнесы в социальных сетях, которые ранее функционировали вне системы государственного контроля. Потребители при покупке товаров вне зависимости от места их продажи приобрели право на равные условия и защиту своих прав и получение полной и достоверной информации о товаре или услуге, а также право на возврат и обмен товаров, их ремонт в течение гарантийного срока и иные права, предусмотренные Законом КНР «О защите прав потребителей». Для агентов микробизнесов жестко обозначена обязанность регистрации в качестве предпринимателей и обеспечения защиты прав потребителей при продаже товаров и оказании услуг, уплате налогов с полученного дохода. Следствием этого шага, вероятно, станет повышение себестоимости бизнеса такого формата и отказ части

предпринимателей от дальнейшей деятельности. При этом несоблюдение положений закона предполагает наложение штрафов не только на предпринимателей, но и на сервисные структуры, предоставляющие площадки для продажи товаров и оказания услуг, что предполагает возложение контрольных функций за соблюдением закона на организаторов площадок для электронной торговли [6].

Таким образом, для представителей российского бизнес-сообщества, пытающихся выйти на китайский рынок, возникает ряд проблем. Исходя из обозначенных в нормативной базе новых условий, имеющийся отечественный опыт ведения бизнеса с зарубежными партнерами не может быть использован во взаимоотношениях с китайцами на современном этапе без серьезных корректировок. Изменения в законодательстве Китая в сфере предпринимательства нуждаются в серьезном многофакторном анализе с учетом специфики общественных отношений в этой стране. При этом необходимо сформировать понимание хотя бы на базовом уровне инаковости отношения населения этого государства к представителям других стран. Это является одним из ключевых факторов установления доверительных контактов с китайской стороной в современных условиях ведения бизнеса и значимым при выборе компании-партнера. Кроме того, существует еще множество вопросов, без решения которых не представляется возможным создание перспективных бизнес-проектов на разных уровнях. Это языковой барьер, отсутствие внимания к детализации условий в договорах, игнорирование обозначения степени ответственности при получении конечного результата, незнание китайских правовых норм, определяющих юридическую ответственность фирм-посредников, недостаток актуальной информации о предполагаемом партнере, анализ графиков трансформации цен на приобретаемую продукцию и т.д. Все перечисленное свидетельствует о необходимости разносторонних оперативных исследований трансформации текущего китайского законодательства в целом и его аспектов, непосредственно связанных с предпринимательской деятельностью.

Литература

1. Моисеев С.В. Организационно-правовые формы юридических лиц в КНР (общее и особенное) // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3 (31). С. 158-161.
2. Об электронной коммерции: Закон КНР. URL: https://cnlegal.ru/china_economic_law/china_ecommerce_law_2019/#more-7493 (дата обращения: 12.06.2021).
3. Правила привлечения к ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность. URL: https://cnlegal.ru/china_economic_law/illegal_business_activities/#more5829 (дата обращения: 12.06.2021).
4. Стриминг в Китае. URL: <https://blog.shensyao.com/striming-v-kitae> (дата обращения: 10.07.2021).
5. Цензура (контроль) в интернете. Опыт Китая. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 11.07.2021).
6. Электронные продажи с китайской спецификой, и насколько это актуально для России. URL: https://chinahi.tech/perspectives/streaming_i_ecommerce_v_kitae_dlya_rossii (дата обращения: 10.07.2021).

УДК 347.9

А.С. Селиванов

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: selivanovas@buiimvd.ru

ПРИКАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ИЛИ ПРАВОСУДИЕ

Исследование направлено на обоснование и подтверждение целесообразности использования в процессуальной деятельности категорий и возможностей технологических процессов в целях оптимизации нагрузки на судебную систему и объяснения тенденций проводимых реформ. Анализируется отдельный вид судопроизводства в гражданском процессе, правила которого позволяют соотносить гражданскую процессуальную процедуру с алгоритмизированным технологическим процессом.

Автор утверждает, что отношения в области гражданского судопроизводства могут и должны быть подробно регламентированы, а результаты не могут зависеть от импровизации и вольного применения творческих способностей участников. Технологический подход способствует объяснению некоторых юридических приемов, процедур и процессов, их более глубокому теоретическому осмыслению.

Ключевые слова: исковое производство, судебный приказ, упрощенное судебное производство, правоприменительный акт, юридическая технология.

A.S. Selivanov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: selivanovas@buiimvd.ru

WRIT PROCEEDINGS IN CIVIL PROCEEDINGS: LEGAL TECHNOLOGY OR JUSTICE

The research is aimed at substantiating and confirming the expediency of using categories and capabilities of technological processes in procedural activities in order to optimize the burden on the judicial system and explain the trends of ongoing reforms. A separate type of legal proceedings in civil proceedings is analyzed, the rules of which allow us to correlate the civil procedural procedure with the algorithmized technological process.

The author argues that relations in the field of civil proceedings can and should be regulated in detail, and the results do not depend on improvisation and the free use of creative abilities of participants. The technological approach can contribute to the explanation of some legal techniques, procedures and processes for a deeper theoretical understanding.

Key words: claim proceedings, court order, simplified court proceedings, law enforcement act, juridical technology.

Неоднородность гражданского процесса и наличие в его структуре видов судопроизводства закреплены в действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

Реформирование правоприменительной деятельности по реализации правосудия в рамках гражданско-процессуальной формы имеет тенденции к дальнейшему расщеплению судопроизводства на виды, установлению унифицированных межпроцессуальных правил, которые характеризуются признаками «письменного» производства. Многие изменения процессуального законодательства обусловлены необходимостью следовать принципу процессуальной экономии в целях снижения нагрузки на судебную систему.

Рассмотрение гражданских дел с выдачей судебного приказа является самостоятельным видом производства в гражданском процессе, имеет существенные отличия по сравнению с исковым производством, но в то же время закреплена упрощенная и унифицированная процедура считается правосудием.

Полагаем, что к цивилистическому процессу (в рамках приказного производства) может быть применена категория «юридическая технология» [4]. Являясь сбалансированным эквивалентом юридической деятельности, она позволит провести грань между правосудием – искусством и правосудием – ремеслом. Анализируя категорию «технология», многие исследователи исходят из того, что технологичной может быть названа только деятельность, соответствующая ряду условий:

1) процесс деятельности должен обладать определенной сложностью для разделения на самостоятельные этапы;

2) необходимо наличие средств осуществления деятельности для достижения максимального результата при минимальных затратах;

3) обязательным условием является координация и поэтапность действий, направленных на достижение заданного результата, при однозначности выполнения операций, включенных в технологическую цепочку [1].

Названные признаки технологичной деятельности применимы к процедурам рассмотрения дел в порядке приказного производства, выдачи судебного приказа, его отмены и обжалования. Анализируемый вид правоотношений имеет достаточный объем содержания для определения стадийности (этапов).

Обязательными стадиями являются:

1) возбуждение приказного производства (включает подачу заявления о вынесении судебного приказа и рассмотрение вопроса о его принятии либо о возвращении заявления или об отказе в принятии), заявление о вынесении судебного приказа подается в суд по общим правилам родовой и территориаль-

ной подсудности. В статье 122 ГПК РФ устанавливается исчерпывающий перечень требований, по которым выдается приказ;

2) вынесение судебного приказа. Судья единолично решает вопрос о выдаче или об отказе в выдаче судебного приказа. Судебный приказ выносится в течение пяти дней со дня поступления в суд заявления без проведения судебного разбирательства и вызова сторон для заслушивания их объяснений. Не применяются правила об истребовании доказательств, вызове свидетелей, назначении экспертизы, осмотре доказательств по месту их нахождения, судебном поручении, участии третьих лиц, оставлении заявления без рассмотрения, прекращении производства по делу и т.д.

К факультативным стадиям можно отнести следующие:

1) отмена судебного приказа. Судья отменяет судебный приказ, если от должника в установленный срок поступят возражения относительно его исполнения;

2) исполнение судебного приказа. Судебный приказ имеет специфику сочетания свойств, одновременно являясь судебным постановлением и исполнительным документом (ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве») [2].

Средствами, которые позволяют в сжатые сроки выдать судебный приказ, можно считать письменные доказательства, подтверждающие бесспорность заявленных требований.

Нормативно закрепленный порядок выдачи судебного приказа регулирует последовательность и сроки совершения процессуальных действий, их прогнозируемость и повторяемость по каждому конкретному делу, призван гарантировать законность и качество получаемого результата, процессуальную возможность проверки в судах вышестоящих инстанций. Все проанализированные характеристики в их совокупном толковании позволяют соотнести приказное производство с так называемой юридической технологией.

В рамках проводимых реформ продолжилось установление специальных правил, меняющих гражданскую процессуальную форму. Так, федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» закреплена норма, дополнившая ч. 1 ст. 135 ГПК РФ пунктом 1.1, в котором закреплено право суда возвратить иск, если требования в нем подлежат рассмотрению по правилам приказного производства. Диспозитивный метод, использовавшийся при регуляции отношений, позволявший выбирать вид судопроизводства (исковое или приказное) на стадии возбуждения дела,

превратился в императивное правило, действующее после принятия решения об обращении в суд, закрепляющее необходимость писать заявление о выдаче судебного приказа, если требования в нем подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

На вопрос, насколько эффективны произведенные изменения, помогут ответить данные судебной

статистики [5], накопленные за пятилетний срок существования анализируемых правил. В таблице и диаграмме № 1 приводятся сведения о количестве рассмотренных и разрешенных дел в порядке искового производства у мирового судьи и количестве выданных судебных приказов по гражданским делам.

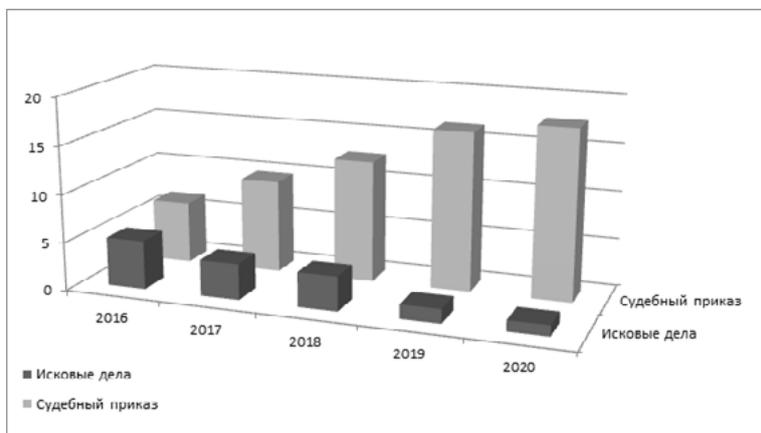

Диаграмма № 1

Таблица 1

Год	Исковые дела	%	Судебный приказ	%
2016	5,057 тыс.	44%	6,495 тыс.	56%
2017	3,741 тыс.	28%	9,690 тыс.	72%
2018	3,584 тыс.	22%	12,652 тыс.	78%
2019	1,480 тыс.	9%	16,500 тыс.	91%
2020	1,123 тыс.	6%	17,656 тыс.	94%

Динамика приведенных данных по годам указывает, что процент дел приказного производства до введения вышеописанных правил оставался на уровне 50-60%. Явное статистическое изменение происходит в 2017 г. – это первый год, в котором следовало соблюдать форму приказного производства по закрепленным в ГПК РФ требованиям. Последующие годы демонстрируют серьезный количественный перевес процедуры приказного производства в сравнении с рассмотренными и разрешенными исковыми делами.

Полагаем, что приведенная статистика наглядно отражает складывающуюся тенденцию перехода к письменным видам производства, а то обстоятельство, что по данным Судебного департамента в 2018-2020 гг. общий процент отмененных судебных приказов составил всего 6-6,5% от общего количества выданных судебных приказов, подтверждает высокую эффективность данной процедуры.

Существенного увеличения нагрузки при возвращении в суд первой инстанции для рассмотрения в исковой форме после прохождения приказного про-

изводства при отмене судебного приказа (ст. 129 ГПК РФ) не происходит. Наоборот, мы наблюдаем общее снижение количества исковых дел. Констатация увеличения общего объема гражданских дел не умаляет факта уменьшения реальной нагрузки на суды ввиду расширения приказного (письменного) производства. При всем этом количество дел приказного производства растет каждый год, вопрос чрезмерной нагрузки не потерял актуальности.

Представители научного сообщества и практики предлагают различные пути решения проблемы загруженности судов, в их числе перераспределение компетенции между судами и иными юрисдикционными органами, а также другими участниками, связанными с юридической деятельностью в широком смысле (нотариус, помощники судей, примирители и др.) [3].

Такие предложения слабо соотносятся с принципом осуществления правосудия только судом (ст. 5 ГПК РФ), а сама процедура приказного производства – с принципом состязательности (ст. 12 ГПК РФ), больше напоминая «конвейер», по фор-

мальным признакам позволяющий выдать удостоверяющий право требования к должнику судебный приказ.

Решить морально-правовую проблему и уполномочить иных, кроме суда, субъектов разрешать бес-

спорные дела позволит применение категории «юридическая технология» к формализованным приказным (письменным) производствам, которые с определенной долей условности именуются правосудием в настоящее время.

Литература

1. Жильцова Ю.В., Останина С.В. Трудовое право как социальная технология // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 4. С. 24-26.

2. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. // Российская газета. 2007. № 223.

3. Об итогах обобщения предложений по оптимизации судебной нагрузки [Электронный ресурс]: постановление Президиума Совета судей РФ от 25 февраля 2016 г. № 489. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Селиванов А.С. Определение элементов процедуры проверки правоприменительных актов на примере частного обжалования в гражданском процессе // Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции с международным участием. М., 2021. С. 374-377.

5. Судебный департамент. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.10.2021).

УДК 347.5:351.74

В.Н. Чудов

Барнаульский юридический институт МВД России,

аспирант Алтайского государственного педагогического университета

E-mail: VladislavBarn@mail.ru

«ВЫПОЛНЕНИЕ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ» СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья посвящена определению понятий «выполнение служебных обязанностей» и «осуществление служебной деятельности» сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации. Рассматривая указанные дефиниции, автор раскрывает отдельные проблемные вопросы установления факта причинения вреда жизни или здоровью сотрудника полиции при выполнении служебных обязанностей или нет в целях реализации права на его возмещение и недопущения распространения социальных гарантий на сотрудников, фактически не выполняющих служебные обязанности.

Отсутствие нормативно закреплённого понятия «выполнение служебных обязанностей» сотрудниками органов внутренних дел может повлечь за собой ущемление их прав на возмещение ущерба в случае гибели (смерти) или причинения увечья.

Ключевые слова: выполнение служебных обязанностей, осуществление служебной деятельности, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел, должностной регламент, должностная инструкция.

V.N. Chudov

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

postgraduate student of Altai State Pedagogical University

E-mail: VladislavBarn@mail.ru

«PERFORMANCE OF OFFICIAL DUTIES» BY EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: PROBLEMATIC ISSUES CONTENT CHARACTERISTICS

The article is devoted to the definition of the concepts of «performance of official duties» and «performance of official activities» by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Considering these definitions, the author reveals some problematic issues of establishing the fact that during the performance of official duties or not, harm was caused to the life or health of a police officer, in order to exercise the right to compensation and, at the same time, not allowing the extension of social guarantees to employees who actually do not perform official duties.

In conclusion of the article, the author concludes that the absence of a normatively fixed concept of «performance of official duties» by employees of internal affairs bodies may entail infringement of their rights to compensation for damage in the event of death (death) or injury.

Key words: performance of official duties, performance of official activities, compensation for damage caused to life or health, mandatory state insurance of life and health of employees of internal affairs bodies, official regulations, job description.

Служба в органах внутренних дел Российской Федерации, с помощью которой граждане реализуют свое право на труд, является особым видом государственной службы, связанной с обеспечением общественного порядка, законности, прав и свобод граждан, и, соответственно, осуществляется в публичных интересах.

Сотрудники органов внутренних дел решают конституционно значимые задачи, чем обуславливается их правовой статус, а также содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним.

Обязанности, возлагаемые на этих лиц, предполагают необходимость выполнения ими поставленных задач в любых условиях, в т.ч. сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья, что в силу статей 1 (часть 1), 2, 7, 37 (части 1 и 3), 39 (части 1 и 2), 41 (часть 1), 45 (часть 1) и 71 (пункт «в») Конституции Российской Федерации влечет обязанность государства гарантировать им материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда жизни или здоровью при прохождении службы [11].

Одной из форм исполнения государством обязанности возместить ущерб, который может быть причинен жизни или здоровью сотрудников органов внутренних дел в период прохождения ими службы, является обязательное государственное страхование жизни и здоровья, установленное в целях защиты их социальных интересов и интересов государства (п. 1 ст. 969 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)) [2].

Соответственно, страховое обеспечение, гарантированное сотрудникам органов внутренних дел в соответствии с Федеральным законом от 28.03.1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» [7], совместно с иными выплатами, которые в целях возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, установлены им другими нормативными правовыми актами (ст. 1084 ГК РФ, ст. 43 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»)) [3]), входит в гарантированный государством объем возмещения вреда, призванный компенсировать последствия изменения их материального и (или) социального статуса вследствие причинения вреда здоровью при исполнении ими служебных обязанностей.

В статье 43 ФЗ «О полиции» закреплено право на возмещение ущерба в случае гибели, получения

увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, в связи с выполнением служебных обязанностей.

Статьей 1084 ГК РФ предусмотрено возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей.

Вместе с тем отсутствие в нормативных правовых актах Российской Федерации четких понятий «осуществление служебной деятельности» и «выполнение служебных обязанностей» сотрудниками органов внутренних дел может привести к необоснованным отказам в возмещении вреда здоровью. В этой связи определение и разграничение данных понятий представляются значимыми и актуальными.

Семантическое толкование термина «деятельность» следующее: занятие, труд, а «обязанность» – круг действий, возложенных на кого-нибудь и безусловных для исполнения [9].

Профессиональная служебная деятельность сотрудника органов внутренних дел осуществляется в соответствии с должностным регламентом (должностной инструкцией), утверждаемым (утверждаемой) руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем.

В соответствии с п. 180 Приказа МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» [8] в разделе «Обязанности» предусматриваются служебные обязанности сотрудника по замещаемой должности.

Однако следует определить, что риск повреждения здоровья или гибели сотрудника органа внутренних дел может быть связан с выполнением служебных обязанностей, когда эти обязанности вытекают не из должностного регламента, а из иных оснований.

Так, в статье 27 ФЗ «О полиции» закреплены основные обязанности сотрудника полиции, в т.ч. то, что сотрудник полиции обязан выполнять служебные обязанности в соответствии с должностным регламентом (должностной инструкцией); выполнять приказы и распоряжения руководителей (начальников), отданные в установленном порядке и не противоречащие федеральному закону; соблюдать внутренний распорядок территориального органа, распорядок организации, входящей в систему федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, где он проходит службу.

Сотрудник полиции независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток

обязан оказывать первую помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также гражданам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья; в случае обращения к нему гражданина с заявлением о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии либо в случае выявления преступления, административного правонарушения, происшествия принять меры по спасению гражданина, предотвращению и (или) пресечению преступления, административного правонарушения, задержанию лиц, подозреваемых в их совершении, по охране места совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия и сообщить об этом в ближайший территориальный орган или подразделение полиции.

В соответствии со ст. 68 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О службе в ОВД») [5] сотрудник органов внутренних дел независимо от места нахождения и времени суток считается выполняющим служебные обязанности в случае, если он: совершает действия по предупреждению и пресечению правонарушений, оказанию помощи лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни или здоровья, иные действия в интересах общества и государства; следует к месту службы, командирования, медицинского освидетельствования (обследования) или лечения и обратно; находится на лечении в медицинской организации в связи с увечьем или иным повреждением здоровья (заболеванием), полученными при выполнении служебных обязанностей; захвачен и содержится в качестве заложника; участвует в сборах, учениях, соревнованиях или других служебных мероприятиях.

Сотрудник органов внутренних дел не признается погибшим (умершим) вследствие увечья или иного повреждения здоровья (заболевания) либо получившим увечье или иное повреждение здоровья (заболевание) при выполнении служебных обязанностей, если гибель (смерть), увечье или иное повреждение здоровья (заболевание) наступили: в связи с добровольным приведением себя в состояние алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; вследствие совершения сотрудником умышленного преступления; в результате доказанного в ходе проверки либо установленного органами дознания, предварительного следствия или судом самоубийства, или покушения на самоубийство, или иного умышленного причинения вреда своему здоровью, не вызванного болезненным состоянием или доведением до самоубийства.

Исходя из анализа вышеуказанных нормативных актов, можно определить, что под «выполнением служебных обязанностей» понимается выполнение сотрудником органов внутренних дел трудовых функций, прямо предусмотренных должностным регламентом (должностной инструкцией).

«Осуществление служебной деятельности» – выполнение сотрудником органов внутренних дел задач, установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации о службе в органах внутренних дел, а также приказов и распоряжений руководителей (начальников).

В официальных документах при употреблении термина «выполнение служебных обязанностей» следует понимать «осуществление служебной деятельности» как понятие более широкое по своему значению.

Обстоятельства гибели (смерти) или получения сотрудником органов внутренних дел увечья или иного повреждения здоровья и их причинно-следственная связь с выполнением служебных обязанностей устанавливаются в ходе соответствующей проверки, результаты которой являются субъективной оценкой проводящего ее должностного лица.

Вместе с тем право на возмещение ущерба, причиненного жизни и здоровью сотрудника органов внутренних дел, возникает только при наличии причинно-следственной связи гибели (смерти) или получения увечья или иного повреждения здоровья с выполнением им служебных обязанностей.

В ходе определения, при выполнении служебных обязанностей или нет причинен ущерб сотруднику органов внутренних дел, существует немало спорных вопросов, разрешение которых исключило бы неверное принятие решений при проведении вышеуказанных проверок.

Режим служебного времени сотрудника органов внутренних дел предусматривает определенное количество служебных и выходных дней в неделю, продолжительность служебного дня и перерыва в течение служебного дня. Возникает вопрос, считается ли сотрудник выполняющим служебные обязанности в случае, если он во время перерыва в течение служебного дня (перерыв для отдыха и питания) не покидает территорию подразделения органа внутренних дел, а также если он находится на службе за пределами служебного времени и при этом не выполняет служебные обязанности. Для решения этого вопроса было бы логично включить в часть 3 статьи 68 ФЗ «О службе в ОВД» положение, аналогичное пункту «е» части 1 статьи 37 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [3], а именно: признать выполнением служебных обязанностей «нахождение на территории подразделения органа внутренних дел в течение

установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью».

В то же время нелогично распространение дополнительных социальных гарантий в отношении сотрудников органов внутренних дел, находящихся на территории подразделения сверх установленной продолжительности рабочего времени, но при этом не исполняющих свои должностные обязанности. В таком случае обоснованной видится позиция, изложенная в Апелляционном определении СК по гражданским делам Нижегородского областного суда от 11.12.2018 № 33-15127/2018 [1]. Судом установлено, что смерть Ш. наступила на территории ООО «...» в результате несчастного случая вне рамок рабочего времени. Исходя из того, что Ш. 20.01.2016 находился на рабочем месте, т.е. занимался выполнением своих служебных обязанностей, невозможно сделать однозначный вывод, что Ш. после окончания рабочего дня исполнял свои трудовые обязанности либо задание работодателя, указанное свидетельствует только о том, что 20.01.2016 погибший находился на рабочем месте, однако данный факт никто не отрицает.

Внимание заявителей обращено на то, что при разрешении дела суд исследовал обстоятельства по делу, проанализировал представленные по делу доказательства и однозначно установил, что несчастный случай с Ш. произошел не при исполнении им своих трудовых обязанностей либо работ по заданию работодателя или в интересах работодателя, поэтому не может квалифицироваться как несчастный случай на производстве.

Выполнением служебных обязанностей признается «следование к месту службы и обратно», однако, каким образом определять маршрут следования, нормативно не урегулировано. Будет ли считаться исполнением служебных обязанностей следование на службу не из места жительства по постоянной регистрации? Исходя из формулировки «обратно», непонятно, должен ли сотрудник вернуться туда же, откуда прибыл на службу? Такая неопределенность порождает субъективный подход в принятии решения о признании сотрудника находящимся при исполнении служебных обязанностей.

Будет ли считаться выполнением служебных обязанностей сотрудником следование со службы к месту жительства, если по пути он зашел в магазин или иное место по личным обстоятельствам и продолжил путь? Учитывая изложенное, представляется актуальным включить в пункт 2 части 3 статьи 68 ФЗ «О службе в ОВД» оговорку о признании выполнением служебных обязанностей следование по кратчайшему маршруту из фактического места жительства.

Спорным является вопрос и о причислении к выполнению служебных обязанностей следование

к месту медицинского освидетельствования (обследования) или лечения и обратно. Полученное заболевание либо увечье, послужившее причиной освидетельствования или лечения, может быть не связано с непосредственным выполнением служебных обязанностей. Так, следование на лечение может быть связано с умышленным причинением вреда своему здоровью либо с заболеванием, не имеющим отношения к выполнению служебных обязанностей. Поэтому целесообразно дополнить пункт 2 части 3 статьи 68 ФЗ «О службе в ОВД» положением, аналогичным пункту 3 названной части статьи, а именно считать выполнением служебных обязанностей следование к месту медицинского освидетельствования (обследования) или лечения и обратно в том случае, если освидетельствование или лечение связаны с причинением вреда здоровью при выполнении служебных обязанностей.

Еще одной проблемой отнесения к выполнению служебных обязанностей является участие сотрудников органов внутренних дел в соревнованиях, которые не предусмотрены календарным планом подразделений внутренних дел или в составе сборных команд. Целесообразно ли считать сотрудника, участвующего в соревнованиях по личной инициативе, выполняющим служебные обязанности? Считаем, что нет. В таком случае происходит необоснованное расширение круга социальных гарантий, предоставляемых сотрудникам органов внутренних дел. Выполняющим служебные обязанности следует признавать сотрудников, которые участвуют в соревнованиях согласно календарному плану соревнований МВД России или в составе сборных команд подразделений.

Как было указано выше, одной из служебных обязанностей сотрудника полиции является выполнение приказов и распоряжений руководителей (начальников), отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральному закону. Однако в судебной практике встречаются следующие неоднозначные примеры.

Так, 31.12.2013 начальник отдела МВД России по Сулейман-Стальскому району подполковник полиции М. довел до сотрудника полиции А. информацию о том, что разыскиваемый гражданин может находиться в доме своей матери, и направил его для проверки данной информации без оформления командировочных документов, о чем было доложено начальнику Белиджинского отдела МВД России по Дербентскому району Б. В пути следования А. погиб в результате дорожно-транспортного происшествия. По материалам служебной проверки, проведенной инспекцией по личному составу Управления по работе с личным составом МВД по Республике Дагестан, А. признан погибшим не при исполнении служебных

обязанностей. Супруга погибшего обжаловала принятое решение.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.08.2015 № 20-КГ15-8 [10] в удовлетворении требования отказано, поскольку в материалах служебной проверки отсутствуют документы, подтверждающие направление А. в командировку.

Такая ситуация представляется явно несправедливой, а возможной она стала ввиду того, что, несмотря на отнесение Федеральным законом «О полиции» выполнения приказа руководителя (начальника) к обязанностям полиции, положение аналогичного содержания в ст. 68 Закона о службе в ОВД отсутствует.

Изложенное иллюстрирует целесообразность дополнения статьи 68 ФЗ «О службе в ОВД» правилом о признании выполнением служебных обязанностей для сотрудников органов внутренних дел (в целях реализации страховых гарантий и выплат для возмещения вреда) выполнения приказа или распоряжения, отданного руководителем (начальником).

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что отсутствие четкого понимания содержания понятия «выполнение служебных обязанностей» сотрудниками органов внутренних дел может привести, а зачастую и приводит к ущемлению права на возмещение ущерба в случае гибели (смерти) или причинения увечья, к несправедливому определению субъекта возмещения вреда.

Жизнь и здоровье как социальные ценности в силу их основополагающего характера пользуются приоритетной охраной. И в ходе их защиты основной задачей нормотворческих и правоприменительных органов должно являться исключение возможности двойного применения законодательства, в т.ч. при вынесении решения о признании действий сотрудников органов внутренних дел выполнением служебных обязанностей. Полагаем, предложенные направления совершенствования правового регулирования будут способствовать не только обеспечению справедливости, единообразию правоприменительной практики, но и полной реализации прав и гарантий сотрудниками органов внутренних дел.

Литература

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда от 11.12.2018 № 33-15127/2018. URL: https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=1477930&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 12.10.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О воинской обязанности и военной службе [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О статусе военнослужащих [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.03.1998 № 52-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 01.02.2018 № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003. 442 с.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.08.2015 № 20-КГ15-8 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2018 № 18-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Правила предоставления рукописей в журнал

Рукописи предоставляются в виде распечатки текста в 1 экз. и в электронном виде, подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер – 14. Поля на странице – 20 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята **затекстовая библиографическая ссылка**. Затекстовая библиографическая ссылка оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа.

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Литература» приводится после основного текста в алфавитном порядке (один пункт списка – одно наименование). Оформляется он по ГОСТу Р 7.0.5–2008 следующим образом:

а) для периодических изданий даются фамилия и инициалы автора (авторов), название работы, полное или общепринятое сокращенное название журнала (или другого периодического издания), год, номер тома, выпуска (дата – для газеты):

Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1;

б) для книг, монографий, учебников и учебных пособий – фамилия и инициалы автора (авторов), полное название источника, место издания, год издания:

Кауфман И.М. Терминологические словари: библиография. М., 1961;

в) для сборников научных статей и трудов конференций – фамилия и инициалы автора (авторов), название конкретной работы, полное название источника (сборника), место издания, год издания;

Лихачев Д.С. Образ города // Историческое краеведение в СССР: вопр. теории и практики: сб. науч. ст. Киев, 1991;

г) для электронных ресурсов – фамилия и инициалы автора (авторов), название конкретной работы, режим доступа, электронный адрес, дата обращения:

Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О правовом регулировании оказания интернет-услуг». URL: <http://www.ifar.ru/pr/2005/050426aa.doc> (дата обращения: 21.02.2012);

д) для документов из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке (напр., «Кодекс», «КонсультантПлюс» и т.п.), необходимо указать сведения об ограничении доступности:

Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера (ETS № 108) от 28.01.1981 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Каждая статья должна содержать:

- сведения об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, адрес электронной почты);
- заголовок на русском и английском языках;
- аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках;
- текст статьи;
- список литературы.

К статье прикладывается:

- лицензионный договор.

Идентичный вариант статьи высылается по электронной почте: nauka_bui@buiimvd.ru.
